

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск X

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск X

Красноярск

СФУ

2019

УДК 902(571.1/.5)

ББК 63.444(253)

Д730

Рецензенты:

А. В. Харинский, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и филологии Иркутского государственного технологического университета;

З. Ю. Жарников, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории естественно-научных методов в археологии и истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета

Редакционная коллегия:

П. В. Мандрыка (отв. ред.), Л. А. Максимович, К. В. Бирюлева

Д730 **Древности Приенисейской Сибири** : сб. науч. тр. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Вып. X. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – 178 с.

ISBN 978-5-7638-4150-3

В очередной выпуск сборника включены статьи, посвященные истории археологической науки, введению в научный оборот и анализу археологических материалов и архивных исследований. Публикации затрагивают разные вопросы древней и средневековой истории Приенисейской Сибири.

Предназначен для археологов, историков, краеведов и интересующихся историческим прошлым народов Северной Азии.

Электронный вариант издания см.:

<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 902(571.1/.5)

ББК 63.444(253)

ISBN 978-5-7638-4150-3

© Сибирский федеральный университет, 2019

Содержание

Предисловие.....	4
Андреев Г. И.	
Исследования археологов к северу от Енисейска.....	5
Андреев Г. И., Мандрыка П. В.	
Археологические работы Г. И. Андреева в северных районах Средней Сибири.....	9
Вдовин А. С., Макаров Н. П.	
Последняя экспедиция И. Т. Савенкова (1914 г.).....	37
Трофимов А. А., Заика А. Л.	
История исследования петроглифов северо-запада Минусинской котловины.....	56
Акимова Е. В.	
Стоянка Переселенческий пункт (Перевозинская): легенды археологии Красноярска.....	71
Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О.	
Многослойная стоянка Минжуй под Красноярском.....	86
Леонтьев С. Н., Герман П. В.	
Керамика эпохи бронзы памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье).....	108
Бирюлева К. В., Гурулёв Д. А., Голубева Е. В., Титова Ю. А.	
Посолинская Протока-1 – стоянка I тыс. н. э. на границе лесостепи и тайги Среднего Енисея.....	123
Муршидова М. А., Заика А. Л.	
Образ медведя в петроглифах Шалаболинской писаницы.....	132
Ермаков Т. К., Заика А. Л.	
Изображения второго яруса писаницы «Березовая» (общая характеристика).....	145
Фокин С. М., Макаров Н. П., Баташев М. С., Данилейко В. А.	
Результаты археологической разведки 2018 г. в окрестностях Красноярска.....	155
Список использованных сокращений.....	175

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели! Перед вами очередной выпуск «Древностей Приенисейской Сибири». В нем собраны материалы исследований, проведенных красноярскими, кемеровскими и московскими учеными.

Открывает сборник ранее не опубликованная статья Геральда Ивановича Андреева по материалам из таежных районов Нижнего Енисея. Вторая его же статья с соавтором подводит краткий итог всех изысканий, разведок и раскопок, проведенных в таежных районах Восточной Сибири. Материалы взяты из первоисточников, поэтому отражают результаты полевых исследований и наблюдений, а также размышления о перспективах будущих открытий.

Ранее неизвестные эпизоды жизни и деятельности Ивана Тимофеевича Савенкова раскрываются в статье А. С. Вдовина и Н. П. Макарова. Важно, что она сопровождается приложением архивных источников, по которым читатель может увидеть атмосферу и события последних дней жизни выдающегося красноярского ученого.

Историографическую часть сборника продолжают статьи А. А. Трофимовой в соавторстве с А. Л. Заикой и статья Е. В. Акимовой. Первая раскрывает историю исследования объектов с наскальными изображениями Хакасско-Минусинской котловины, вторая – историю открытия и изучения известного памятника в г. Красноярске – Переселенческого пункта на месте современной Предмостной площади.

Целая серия статей посвящена итогам изучения конкретных археологических памятников: стоянке в устье р. Минжуй под г. Дивногорском, стоянке на ангарском острове Сергушкин, стоянке на енисейском берегу Посолинской протоки, писанице «Березовая» на берегу р. Шушь. В них читатель может познакомиться с находками и наскальным искусством каменного, бронзового и железного веков, а также Средневековья. Обсуждение изображений медведя по известному памятнику наскального искусства на берегу р. Тубы возле с. Шалоболдино проведено в статье Т. К. Ермакова и А. Л. Заики.

Закрывает сборник статья коллег из Красноярского краеведческого музея о разведочных работах под г. Красноярском.

Таким образом, в сборник включены статьи по археологии и истории науки, представлены архивные материалы и новые открытия, сделанные на территории Сибири.

Редактор

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГОВ К СЕВЕРУ ОТ ЕНИСЕЙСКА

Данная машинописная рукопись* на шести страницах обнаружена в папке с рабочими материалами С. В. Студзицкой, посвященным ее совместной работе с Г. И. Андреевым на территории Эвенкии в конце 1960-х гг. Она хранится в отделе археологии Государственного исторического музея (г. Москва) вместе с полевыми описями предметов, найденных в процессе раскопок и разведок поселений эпохи неолита – бронзового веков в Туре, Усть-Камо, Байките и других местах. Текст, судя по содержанию и стилю изложения, подготовлен автором в 1967 г., скорее всего, для выступления.

Ключевые слова: археология, Подкаменная Тунгуска, Нижняя Тунгуска, Енисей, тайга, поселение, могильник, неолит, бронзовый век, ранний железный век.

Уже многие десятилетия изучаются памятники древности на юге Красноярского края. Здесь изучались поселения, древние кладбища, писаницы и другие виды археологических памятников. В последнее время особенно большие работы ведутся Красноярской экспедицией, возглавляемой доктором исторических наук М. П. Грязновым.

Территория же, расположенная к северу от Красноярска и, тем более, севернее Енисейска, посещалась археологами значительно реже, поэтому остатки известных здесь древних стоянок до недавнего времени можно было пересчитать по пальцам.

Больше всего их было открыто на Енисее. Уже в 1921 г. А. Я. Тугариновым обнаружена древняя стоянка в устье р. Подкаменной Тунгуски, но лишь спустя 49 лет в археологической литературе появились сведения о новых стоянках.

В 1958–1959 гг. бывший сотрудник Красноярского музея Р. В. Николаев обследовал на Енисее, помимо устья р. Подкаменной Тунгуски, устья Сухой Тунгуски, Сургутихи, Курейки. При этом на некоторых древних стоянках были проведены раскопки, в результате которых были найдены обломки глиняной посуды и очень невыразительные каменные орудия. В 1961 г. по Енисею совершил разведку сотрудник Ленинградского отделения Института археологии СССР Г. А. Максименков. Были обнаружены остатки древних поселений в д. Бахта, с. Верхнеимбатское и д. Зырянова. К тому времени на Подкаменной Тунгуске (если не считать устья) не было известно ни одного памятника. Немногом лучше обстояло дело с обследованием древних стоянок и на Нижней Тунгуске. Если не принимать во внимание стоянки, известные в ее верхнем течении, так как они находят-

* Рукопись любезно предоставлена научным сотрудником Государственного исторического музея Н. Ю. Петровой, подготовлена для публикации О. С. Комаровой (Титовой) и П. В. Мандрыкой.

ся уже в пределах Иркутской области, только в среднем и нижнем течении было известно лишь пять древних памятников. Один из них был открыт в 1928 г. на устье р. Кочечумо И. М. Сусловым, а четыре других – П. П. Хороших в 1930 г.

Вот, собственно, и все археологические памятники, которые были известны к началу 60-х гг. на огромной территории севера Красноярского края.

Начиная с 1962 г. в наш институт (ныне ИА РАН. – *Ред.*) стали поступать сведения от геологов 5-й экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста о наличии памятников в среднем течении р. Подкаменной Тунгуски. Из Байкита и Усть-Камо ими были привезены большие и интересные коллекции керамики (обломки глиняных сосудов) и каменных орудий (тесел, скребков, наконечников стрел и т. д.).

В 1963 г. эти стоянки были мной осмотрены вместе с геологами. Во время работ между Усть-Камо и Байкитом были открыты стоянки в Тураме и Куюмбе. В Байките оказалось семь древних стоянок, расположенных в отрезке в 6 км, в Усть-Камо открыты остатки двух стоянок различного времени. Именно здесь и были собраны особенно обильные коллекции. Найдены наконечники каменных стрел, тесла (топоры), скребки (орудия для обработки кожи и шкур), ножи, орудия из кости, молоты.

В том же году геологи обнаружили три древние стоянки на р. Чуне – правом притоке Подкаменной Тунгуски в районе п. Стрелка.

В следующем году геологи (Ю. М. Фомин, П. П. Пашкин) открыли новые стоянки в нижнем течении Подкаменной Тунгуски (Кочепята, Полигус) и доставили огромную коллекцию предметов со стоянок в п. Тура на Нижней Тунгуске.

Начиная с 1965 г. Нижнеенисейский отряд Западно-Сибирской экспедиции Института археологии, которым я руковожу, приступил к полноценному исследованию правых притоков Енисея – Нижней и Подкаменной Тунгусок.

На Нижней Тунгуске были открыты древние стоянки на фактории Юкте и в п. Амо (Кислокане). Значительное число стоянок обнаружено в районе п. Тура, причем и на р. Кочечумо (впадающей здесь в Нижнюю Тунгуску), и на обоих берегах самой Нижней Тунгуски.

На Подкаменной Тунгуске геологами А. М. Крауш и Л. Л. Исаевой найдены стоянки у Чамбинского порога и в п. Оскоба. Среди изделий, привезенных геологами, особый интерес представляли великолепные тесла – как шлифованные, так и оббитые. Обилие находок тесел с боковыми выступами поражает на стоянках обеих Тунгусок. Только на стоянках п. Тура подобных орудий найдено больше, чем на многочисленных поселениях, открытых на Лене, Алдане, Вилюе, где исследования ведутся уже давно и со значительно большим размахом.

Заинтересованные находками геологов, в следующем году мы совершили разведку по Подкаменной Тунгуске между п. Ванавара и Оскоба. В результате этой разведки помимо стоянок, открытых геологами, мы нашли еще около 30 древних памятников. При этом на ряде поселений (на Паноликском пороге, у фактории Панолик) готовых изделий из камня, заготовок орудий и отходов, связанных с их производством, найдено так много, что мы не в состоянии были взять даже небольшую часть собранных предметов. На этих стоянках орудия и их заготовки поражают своими огромными размерами. На других стоянках, напротив, каменные орудия очень мелкие и изящные (на поселении Оскоба-5). На одной из стоянок найден обломок бронзового кельта (топора). Бронзовых вещей с Тунгусок пока очень мало, поэтому каждая такая находка очень важна.

Таким образом, если к началу 60-х гг. к северу от Енисейска было известно всего около десятка древних стоянок, то к 1967 г. только на Подкаменной Тунгуске и ее притоках зафиксировано более пятидесяти. При этом наблюдается концентрация древних стоянок в определенных местах. Это, видимо, участки богатые рыбой и зверьем и удобные для жизни в древности. Так, на большом участке р. Чуни, близ п. Стрелка, обнаружено восемь стоянок, у п. Ванавара – пять, у Паноликского порога – три. В районе п. Оскоба – пять и в Усть-Камо – семь, поблизости от Байкита и в самом поселке, несколько разновременных поселений и древний могильник имеются в Подкаменной Тунгуске (в поселке. – *Ред.*).

Не менее десяти стоянок располагались в районе п. Тура. Раскопки двух из них мы продолжали в этом году. Одно из поселений многослойное, т. е. люди здесь жили в различные исторические эпохи, другое – однослойное. На последнем участке люди селились тоже не один раз, но в одну историческую эпоху. При раскопках стоянок выяснилось, что около V тыс. лет тому назад люди здесь жили в легких постройках типа чумов.

Источником тепла и света был костер или очаг, именно поэтому около кострищ, которых нами найдено множество, и располагаются основные орудия для производства орудий (молоты, отбойники, абразивы), и орудия и оружие, связанные с охотой – наконечники стрел, ножи, скребки, проколки. Основным занятием в это время была охота на северного оленя и куницу (или соболя), о чем можно судить по находкам большого числа костей тех и других около одного из кострищ на глубине около 1 м. Занимались, видимо, и ловлей рыбы, об этом пока говорят лишь косвенные данные – находка обломка каменной рыбки. Последние в большом числе известны в Прибайкалье, где исследователи считают их приманками при ловле рыбы.

Более определенное представление о рыболовстве можно получить при исследовании поселения железного века, располагавшегося на правобережной стрелке в устье Подкаменной Тунгуски. В этом году при расчистке одного из кострищ было найдено очень

много костей и позвонков рыб. Основным объектом лова был налим, несколько меньше стерлядь.

При раскопках в Туре была найдена сланцевая плитка с процарапанными на ней изображениями лука с наложенной на тетиву стрелой и лицо (или морда) какого-то существа.

В расшифровке последнего изображения могут помочь как личины, отлитые из бронзы, так и изображения на скалах (нанесенные краской или процарапанные) и на камнях, стоящих около древних могил. Писаницы известны лишь на юге Красноярского края, но они могут быть обнаружены и в районах, исследуемых нами, так как здесь имеется много скал, удобных для нанесения на них рисунков.

Наряду с поисками памятников древнего искусства, следует обратить особое внимание и на обнаружение и на раскопки древних кладбищ (могильников). До сих пор на этой территории известен лишь один могильник сер. I тыс. до н. э. в п. Подкаменная Тунгуска, но и его раскопки крайне затруднены. А раскопки могильников дают представление не только о материальной культуре тех или иных племен, так как умершему для жизни в «лучшем из миров» клали большое количество тех вещей, которыми он пользовался раньше, но и о верованиях, и, что самое главное, о том, как выглядели люди.

Это очень важно для больших исторических построений.

К величайшему сожалению, большое количество памятников древности очень быстро разрушаются водой и при строительстве, темпы которого возрастают с каждым годом. Спасти гибнущие памятники можно, лишь раскопав их. Именно в быстрейших исследованиях многих открытых нами памятников и состоит задача ближайших лет.

G. I. Andreev

ARHEOLOGICAL RESEARCH TO THE NORTH OF YENISEISK

This six-page typewritten manuscript was found in the folder with S. V. Studzitskaya's working materials on her collaboration with G. I. Andreev on the territory of Evenkia in the late 1960s. It is stored in the archeology department of the State Historical Museum (Moscow) along with field inventories of collection found during excavations and surveys of settlements of the Neolithic – Bronze Age: Tura, Ust-Kamo, Baikit, etc. The text, judging by the content and style of presentation, prepared by the author in 1967, most likely for performance.

Keywords: archeology, Podkamennaya Tunguska, Lower Tunguska, Yenisei, taiga, settlement, burial ground, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Г. И. АНДРЕЕВА В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Приводятся результаты археологических исследований Геральда Ивановича Андреева в северных районах Средней Сибири в долинах рек Нижней и Подкаменной Тунгусок, нижнего течения р. Енисей, состоявшихся в период с 1963 по 1968 г. На составленной карте работ отмечены 60 пунктов, с которых в распоряжении исследователя оказался материал. Многие из памятников были открыты самим ученым, а в нескольких пунктах в п. Тура им проведены первые стационарные раскопки. В статье раскрываются история открытий, добытые материалы, сделанные наблюдения, высказанные идеи и предложенные выводы исследователя по древней истории охотников и рыболовов таежного края.

Ключевые слова: археология, Г. И. Андреев, таежная зона, Енисей, Подкаменная Тунгуска, Нижняя Тунгуска, неолит, бронзовый век, ранний железный век.

Геральд Иванович Андреев (02.10.1926 – 27.04.1970), будучи кандидатом исторических наук, представителем московской археологической школы, в последние годы своей жизни плодотворно изучал древние памятники Эвенкии и Туруханского района Красноярского края. Он провел не только разведки с открытием древних стоянок по таежным районам рек Подкаменной и Нижней Тунгусок, р. Енисей, но и организовал первые их стационарные исследования (рис. 1). Его научные археологические раскопки до сих пор остаются единственными и добытая информация очень ценна для реконструкции исторического прошлого северных районов Средней Сибири. К сожалению, исследователь не успел завершить начатое дело, обобщить свои наблюдения и идеи. Сделанные открытия и разработанные концепции занимают достойное место в археологии не только Дальнего Востока [Клюев, 2016], но и Сибири.

В данной статье в хронологическом срезе освещаются результаты и осмысления полевых работ Геральда Ивановича Андреева, проведенные им за пять лет – с 1963 по 1968 г. – на р. Енисей, р. Нижней и Подкаменной Тунгусках.

Работы 1963 г. В июне – июле совместно с геологами Г. И. Андреевым была совершена первая поездка для обследования двух поселений в среднем течении р. Подкаменной Тунгуски – Байкит и Усть-Камо¹, где геологами 5-й экспедиции Всесоюзного

¹ Андреев Г. И. Отчет о командировке на Подкаменную Тунгуску летом 1963 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 2970.

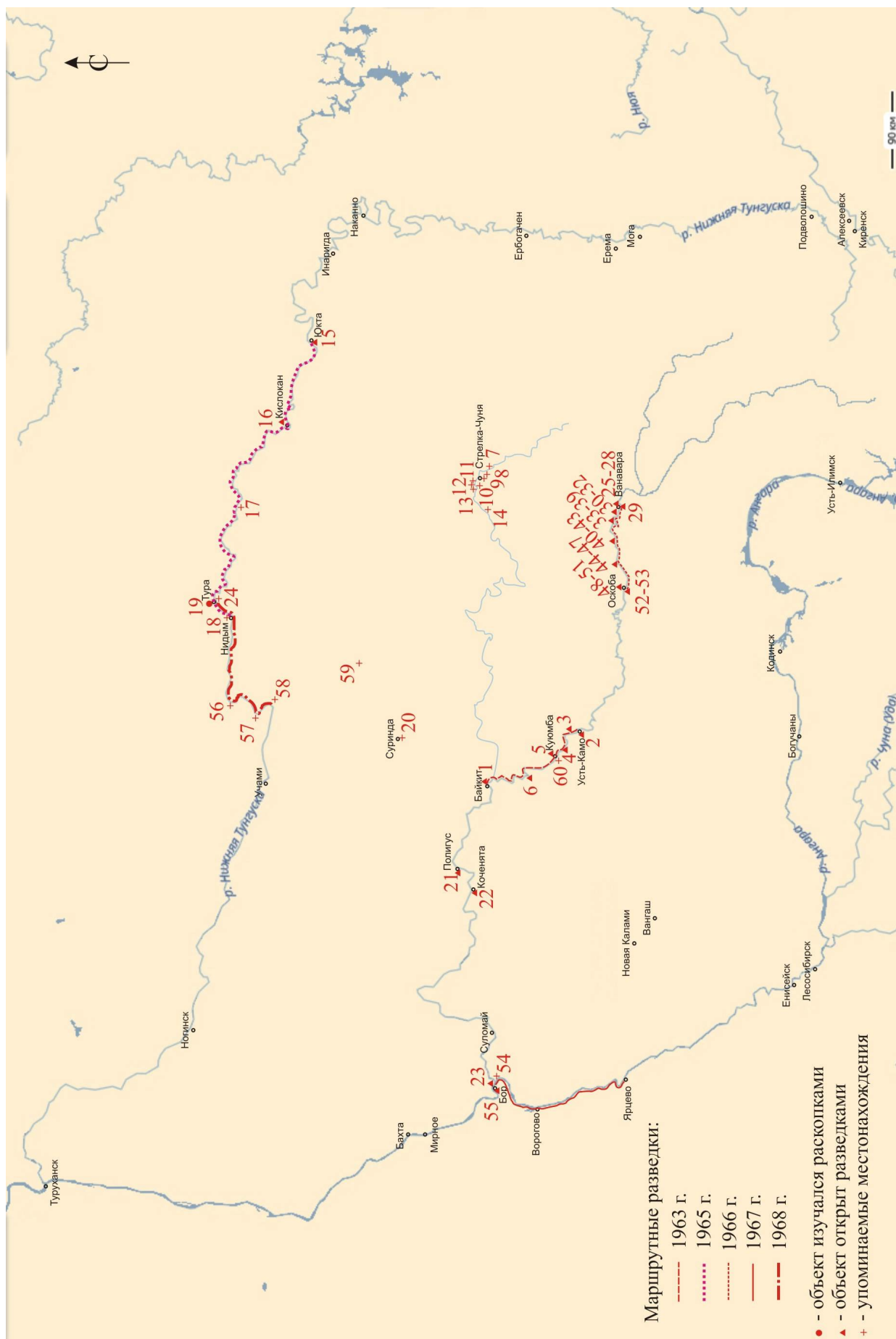

Рис. 1. Карта археологических маршрутов и пунктов, обследованных Г. И. Андреевым:

- 1 – Байкит
- 2 – Усть-Камо (Усть-Комо)
- 3 – Юкта
- 4 – Верхний Балагарик
- 5 – Куюмба
- 6 – Турама
- 7 – Ютакон
- 8 – Ютакон-2
- 9 – Стрелка-Чуня (Стоянка Усть-Чуня-I)
- 10 – Моподей
- 11 – Моподей-2
- 12 – Моподей-3
- 13 – Моподей-4
- 14 – Верхний Акукан
- 15 – Юкта
- 16 – Кислокан (Стоянка-I)
- 17 – Хаверхили
- 18 – Нидым
- 19 – Тура
- 20 – Суринда
- 21 – Полигус
- 22 – Коченята
- 23 – Усть-Подкаменная Тунгуска (5 пунктов)
- 24 – Тура-2
- 25–27 – Ванавара 1, -2, -3
- 28 – Ванавара-4 (Стоянка Ванавара)
- 29 – Ванавара-5 (Стоянка Ванавара-IV и Стоянка ГСМ)
- 30 – Ванавара-6 (Стоянка 1142 км)
- 31 – Ванавара-7
- 32 – Чамбинский порог
- 33 – Исток
- 34 – Колхозный стан-1 (Стоянка Зимовье Чамбэ и Чамбэ. Стоянка-1)
- 35 – Колхозный стан-2 (Чамбэ. Стоянка II)
- 36 – Колхозный стан-3 (Стоянка Чамбэ-3)
- 37 – выше устья р. Чамба (Чамбэ-4, -5, -6, или Стоянка Чамбэ-4, Стоянка Чамбэ-5, Стоянка Чамбэ-6)
- 38 – Усть-Чамба (Устье)
- 39 – Белая гора
- 40 – Надпорожное поселение (Стоянка Верхне-Панолинская-1, -2, -3 и Стоянка Панолинская-1)
- 41 – ниже Паноликского порога (Нижне-Панолинская-1, -2, -3)
- 42 – Панолик (Стоянка Панолик-1)
- 43 – Юдукон
- 44 – Соба
- 45 – Соба-2
- 46 – Матвейкина (Стоянка 1029 км)
- 47 – Матвейкина-2 (Стоянка Гора Матвейкина)
- 48 – Оскоба-1 (Стоянка Оскоба-I)
- 49 – Оскоба-2 (Стоянка Оскоба-II)
- 50 – Оскоба-3 (Стоянка Оскоба-III)
- 51 – Оскоба-4 и 4а (Стоянка Оскоба-IV и Стоянка Оскоба-V)
- 52 – Оскоба-5 (Стоянка Оскоба-VII)
- 53 – Оскоба-6 (Стоянка Оскоба-VIII)
- 54 – Усть-Подкаменная Тунгуска-6
- 55 – Бор
- 56 – Ямбукан
- 57 – Виви
- 58 – Таймура
- 59 – Юнари
- 60 – Куюмба-2

аэрогеологического треста П. П. Пашкиным, Н. В. Дреновым, Г. Н. Садовниковым, В. П. Белозеровым, В. В. Синицыным, В. П. Дунаевым и др., а также начальником партии Р. А. Подрабинеком в 1961 и 1962 гг. проводился сбор материала. Коллекция их подъемных сборов была передана в Сибирское отделение АН СССР для научной обработки, и дальнейшая ее судьба остается до сих пор неизвестной.

Маршрут разведки проходил вниз по р. Подкаменной Тунгуске от п. Усть-Камо до п. Байкит. Из Байкита до Усть-Камо участники отряда долетели на гидроплане, затем сплавлялись на резиновых лодках. Результаты работ этого сезона были опубликованы в совместных с геологами статьях [Андреев, Фомин, 1964; Андреев, Фомин, 1966; Андреев, Фомин, Пашкин, 1965].

В п. *Байкит* сборы проводились с поверхности на участке правого берега (на пабереге, или бечевнике) р. Подкаменной Тунгуски от устья ручья Байкитик до нефтебазы и далее вверх по реке. На протяжении трех км находки располагались «гнездами», или скоплениями, как правило, близ ложков, по которым текут ручьи (как сезонные, так и круглогодичные). На обследованном участке отмечено семь таких скоплений, при этом около устья руч. Байкитик (ближе 300 м) находок не сделано. Возможно, из-за разрушения берега рекой или из-за того, что здесь не селились люди.

Пункт № 1 сборов – между первым домом от руч. Байкитик и устьем лога № 1 (около 300 м). Найдены: каменные конусовидный нуклеус, пластинки и отщепы, ретушированные ножи-вкладыши, наконечники стрел, скребки на пластинах и отщепах, заготовка кирки или тесла (прямоугольная в сечении пешня. – *П. М.*), а также керамика с орнаментом из отступающих оттисков (по фото, комбинирующиеся в разносторонние треугольники и относящиеся к западно-ангарской поздненеолитической культуре, возникшей во второй половине III тыс. до н. э. – *П. М.*).

Пункт № 2 сборов – у дома Щеголевых, в 300 м выше первого пункта. На склонах останца террасы собраны: каменные призматические и конусовидный нуклеусы, пластинки, отщепы, разнотипные тесла, ретушированные ножи-вкладыши, разнообразные скребки на пластинах и отщепах, молот из гальки с желобком посередине, ретушер, а также керамика (судя по рис. 7 из отчета – с оттисками зубчатого штампа и гладкими валиками под венчиком; отступающими или зубчатыми оттисками и ямками; с линиями зигзагов; с тонкими волнистыми валиками; с «вафельными» (?) оттисками. – *П. М.*).

Пункт № 2А сборов – в 80 м выше предыдущего, возле бензобаков. Подняты каменные отщепы, орудия и много керамики: «с узкими защитными валиками» и «ложно-текстильными отпечатками» (судя по рис. 8 из отчета – с обмазочными валиками (?), вафельными оттисками. – *П. М.*).

В 250 м выше предыдущего пункта собраны отщепы.

Еще в 120 м выше, в устье восточного (левого) борта лога (№ 3) – обломки пластин и отщепы.

Пункт № 3 сборов – около 100 м ниже лога № 3, найдены нуклеусы, пластины и отщепы, тесла, ножи, скребки, наконечники стрел и керамика (рисунка нет. – *П. М.*). В 50 м ниже этого лога в обнажении зафиксирован каменный отщеп на глубине 1,75 м от поверхности. При зачистке выявлен культурный слой мощностью 20 см, который находился в подошве темно-серой супеси над бурым суглинком. В слое найдены каменные отщепы, пластинки, обломок наконечника стрелы, фрагменты костей (в том числе рыб) и мелкие невыразительные фрагменты керамики.

Пункт № 4 сборов – в 250–300 м выше кладбища, найдено скопление каменных отщепов.

Пункт № 5 сборов – в 150 м выше предыдущего, у лога, найдены каменные отщепы, пластины и орудия.

Пункт № 6 сборов – в 300 м выше пункта № 5. В обнажении оползня берега культурный слой. Здесь найдены каменные отщепы, пластины и орудия, среди последних больших размеров тесло и скребок, обработанный со всех сторон.

Пункт № 7 сборов – в 200 м выше предыдущего пункта, сразу за ручейком в размыве найдены каменные отщепы, скребки и наконечники стрел.

В *п. Усть-Камо* сборы также проводились на пабереге левого берега Подкаменной Тунгуски между тремя ложками (овражками), которые прорезают первую надпойменную террасу. Распространяются находки вдоль поселка и выше по реке на 120–150 м за створные знаки. В современной учетной документации объект назван «Стоянка Усть-Кома».

Пункт № 1 сборов отмечен на берегу в черте поселка, где найдено много находок.

Тесла (много) разделяются на две группы. Группа 1 – оформлены обивкой и ретушированием. Тип 1.1 – односторонне-выпуклые «горбатые». Тип 1.2 – односторонне-выпуклые, имеющие сегментовидное сечение. Тип 1.3 – тесла с выступами. Группа 2 – оформлены обивкой с подшлифовкой. Тип 2.1 – четырехугольные в сечении. Тип 2.2 – массивные односторонне-выпуклые. Тип 2.3 – тонкие односторонне-выпуклые.

Скребки (огромное количество) различаются по величине, по высоте и по форме рабочего края, изготавливались из пластин и отщепов.

Наконечники стрел по форме разделяются на два типа: треугольные и листовидные.

Вкладыши четырехугольные, имеются ретушированные и неретушированные (призматические пластинки). В сборах геологов 1962 г. были отмечены вкладышевые костяные или роговые орудия.

Нуклеусы (огромное количество): одноплощадочные и двухплощадочные призматические, конические, карандашевидные.

Пластины и отщепы (огромное количество) не брали, так как участники экспедиции сплавлялись на резиновых лодках.

Керамики найдено мало (судя по рис. 15 отчета), отмечены венчик сосуда карабульского типа цэпаньской культуры, фрагменты стенок с тонкими обмазочными (?) валиками, зубчатыми и овально-гладкими оттисками.

Пункт № 2 сборов – выше створного знака, находок мало, так как разрушения террасы незначительны, она покрыта лесом. Судя по сырью (кварцит) и технике изготовления (струйчатая ретушь), обломок наконечника копья или кинжала и наконечник стрелы относятся к другому времени, по сравнению с находками из первого пункта.

В устье *ручья Юкта* на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски в 10 км ниже п. Усть-Камо был найден расколотый окатанный водой нуклеус.

Близ *ручья Верхний Балагарик* (левый приток р. Подкаменной Тунгуски в 20 км выше п. Куюмба) выше устья на пабереге найдено много расколотых галек, возможно, рукой человека.

В п. *Куюмба* первая надпойменная терраса застроена и размывается. У подножия террасы или на переходной полосе от паберега к подножию обнаружено немного находок: обломок тесла с выступами, несколько скребков, обломок ножа, пластины и отщепы, невыразительная керамика.

В почти заброшенном п. *Турама* в 400 м выше устья р. Турамы (левый приток р. Подкаменной Тунгуски) в размывающемся останце террасы найдены отщепы, пластины и односторонне-выпуклое тесло.

Наблюдения, проведенные в п. Байкит. С долины холодного ручья Байкитика (впадает в р. Подкаменную Тунгуску) дует холодный ветер, что благоприятно для жителей при защите от гнуса. Подобные места привлекают не только людей, но и оленей. К устью притока подходят речные лососевые рыбы (хариус, ленок, таймень), предпочитающие низкую температуру воды. Правый берег р. Подкаменной Тунгуски, на котором стоит поселок, южной экспозиции, дает широкий обзор, что способствует предупреждению об опасности при нападении. Подобные места эвенки выбирают даже для однодневных стоянок.

В п. Байкит за последние 50 лет размыто около 30 метров берега р. Подкаменной Тунгуски (по словам местных жителей, исчезла целая улица поселка). Связано это с вырубкой леса, копкой ям и другими условиями, способствующими оттаиванию вечной мерзлоты. Такие же размывы края берега отмечены в границах всех осматриваемых поселков, где проведена рубка леса. В почти заброшенном п. Турама на начальной стадии размыва разрушено лишь 12–15 м берега.

В п. Куюмба была осмотрена сушившаяся рыболовная сеть, на которой привязаны грузила из обычных небольших галек без какой-либо дополнительной их обработки, обшитые берестой или вплетенные в ивовые кружки или мешочки.

Сотрудничество Г. И. Андреева с геологами привело к публикации материалов из случайных сборов в бассейне верхнего течения р. Чуни [Андреев, Пашкин, 1964].

Пункт сборов № 1 (*Юктакон*) – в 50 м выше устья ручья Юктакон, найдены наконечник стрелы, скребок и отщеп.

Пункт сборов № 2 (*Юктакон-2*) – в 2,2 км ниже устья ручья Юктакон, обнаружен наконечник стрелы.

Пункт сборов № 3 – в п. *Стрелка-Чуны*. Находки представлены наконечником стрелы, ножом, проколкой, заготовками орудий, пластинами и отщепами. В современной учетной документации объект назван «Байкит. Стоянка Усть-Чуны-1».

Пункт сборов № 4 (*Моподей*) – на левом берегу р. Чуни в 2 км выше устья р. Моподей. Из сборов и углистого просоя в песчаном слое на глубине 25 см выявлены заготовки орудий, отщепы и пластины из халцедона и серого сланца.

Пункт сборов № 5 (*Моподей-2*) – на правом берегу р. Чуни в 1 км выше от пункта № 4, найдены отщепы из халцедона.

Пункт сборов № 6 (*Моподей-3*) – на правом берегу р. Чуни в 1,5 км выше устья р. Моподей, отмечены обломки бронзового предмета, кремневый нож, фрагмент керамики и отщепы.

Пункт сборов № 7 (*Моподей-4*) – на правом берегу р. Чуни в 0,5 км ниже устья р. Моподей, обнаружены отщепы из халцедона.

Пункт сборов № 8 – в устье р. *Верхний Анукан* (левый берег р. Чуни) на протяжении 0,5 км в осыпях 4–5-метровой террасы найдены два скребка, нуклеус, пластины и отщепы.

Наблюдения. В 1963 г. берега р. Чуни только начинают разрушаться, в отличие от берегов р. Подкаменной Тунгуски и р. Енисей, следовательно, более перспективны для изучения.

Находки с памятников на р. Чуне отличаются от находок с р. Подкаменной Тунгуски не только типологически, но и по материалу, из которого они сделаны. На поселениях р. Подкаменной Тунгуски орудия в основном изготавливались из ороговикованных пород, тогда как на стоянках на р. Чуне преобладают халцедоны.

Работы 1964 г. нашли отражение только в публикациях [Андреев, Фомин, 1966; Андреев, Пашкин, 1968].

Обследовано *поселение у поселка Полигус* [Андреев, Фомин, 1966], открытое охотником Т. И. Старкопфом и находящееся на 10-метровой террасе правого берега р. Подкаменной Тунгуски. Отмечено разрушение берега – размыв 30–40 м вглубь террасы. Собрано много ножей, вкладыш, незаконченные орудия, нуклеусы, пластины и отщепы, точильный и шлифовальный камень, а также разнообразная керамика. Среди керамики отмечены фрагменты с сетчатыми и ложнотекстильными отпечатками, с «узкими защитными валиками» [Там же, с. 107–108].

Поселение Коченята находится на 10–11-метровой террасе левого берега р. Подкаменной Тунгуски ниже устья р. Дягдагли, на территории поселка. В культурном слое на глубине 1,7 м отмечены фрагменты керамики с отпечатками гребенчатого штампа (судя по рисунку, тонким стенкам и описанию, венчик относится к лесосибирскому типу. – П. М.) и тонкими «защитными» валиками (средневековые (?). – П. М.). Первую автор связывает с поздней бронзой, а вторую – с поздней бронзой и ранним железным веком [Там же, с. 109].

Поселение в устье р. Подкаменной Тунгуски (Усть-П.Тунгуска-1). Осмотрена 9-метровая терраса, которая практически не разрушается. Найдены подчетырехугольное в сечении тесло и конический нуклеус, отщепы и пластины, а также керамика с сетчатыми отпечатками на поверхности, с рядами оттисков зубчатого штампа в мотиве «елочка», дополненных поясами из попарно расположенных ямок [Там же].

В *п. Тура* в 1964 г. геологом П. П. Пашкиным [Андреев, Пашкин, 1968] проведены сборы в двух пунктах: на р. Нижней Тунгуске у эстакады и на р. Кочечумо в 300 м выше устья. Оба поселения у овражков на 15-метровой террасе. На р. Кочечумо отмечен культурный слой в обрыве и собраны находки: нуклеусы, разнотипные тесла с ушками и без.

На пабереге у эстакады собрано огромное количество отщепов, пластин, нуклеусов (конические, клиновидные, карандашевидные, призматические, одно- и двухплощадочные). Пластины со следами работы. Много вкладышей, скобелей, резцов, концевых скребков (на пластинах, пластинчатых отщепах и отщепах). Скребки отличаются общей формой, высотой и формой рабочего края. Резцы срединные и боковые на углу поломанной пластины. Ножи на различных по форме отщепах. Ретушировались оба края, один приост-

ряющей ретушью, другой – притупляющей. Есть комбинированные орудия – ножи-скребки и ножи на сколах с массивных галек, рабочий край которых заполировался до блеска. Найдено много наконечников стрел и дротиков: лавролистные и треугольные с неглубокой выемкой в основании.

Тесла трех групп. Первая группа – тесла с ушками, их три типа. Первый тип – одностороннее выпуклое тесло с длинным телом, закругленным обушком и небольшими ушками [Андреев, Пашкин, 1968, рис. 17, 3] (т. н. «горбатое». – *П. М.*). У второго типа, «приостренно-овального» в сечении, очень массивный обушок с ушками и короткое тело [Там же, рис. 17, 2]. Третий тип – «бомбовидные», обушок прямой, ушки приостренные, тело вытянутое, слегка асимметричное в сечении [Там же, рис. 17, 4]. Вторая группа – тесла, имеющие «подчетыреугольное сечение и остатки шлифовки». Особо выделено тесло с намеченными плечиками. Третья группа – одно тесло с уступом («горбатая» спинка и брусковидный обушок. – *П. М.*), полностью ретушировано.

Керамика из сборов разнообразна: часть с сетчатыми отпечатками, другая часть украшена валиками, третья заштрихована или орнаментирована гребенчатыми штампами.

Судя по каменным изделиям и керамике, материал у эстакады разновременен и датируется от неолита до поздней бронзы, т. е. с конца III до начала I тыс. до н. э.

Основные идеи, возникшие за первые два года работ на р. Подкаменной Тунгуске:

1. Размещение древних стоянок возле устьев притоков вряд ли случайно. Именно в таких местах, удобных для рыбной ловли, и до последнего времени селятся люди.

2. Каменные изделия из поселений Байкит и Усть-Камо изготовлены из одного сырья и выполнены в одной и той же технике обработки [Андреев, Фомин, Пашкин, 1965, с. 101].

3. Орудия из памятников на р. Подкаменной Тунгуске сопоставляются с орудиями со стоянки Чадобец на р. Ангаре по сырью (осадочные породы – песчаники; изверженные – долериты; метаморфические – кремнисто-глинистые сланцы, роговики, и, возможно, так называемые горелики). В этой связи Г. И. Андреев обратил внимание на географическую связь этих районов через р. Камо, истоки которой близко подходят к правым притокам р. Ангары [Там же, с. 103]. Позднее идея сходства материалов из поселений Нижнего Приангарья и р. Подкаменной Тунгуски была подкреплена такими аргументами, как присутствие находок из ее верховий [Андреев, Фомин, 1966, с. 109] и наличие разветвленной сети правых притоков р. Ангары (р. Иркинеева, р. Чадобец, р. Каменка и др.), левых притоков р. Подкаменной Тунгуски (р. Вельмо, р. Камо, р. Тайга, р. Соба, р. Оскоба и др.) и меридианным направлением течения р. Енисей [Андреев, 1971, с. 47]. Близость матери-

алов также отмечалась при сравнении находок из Прибайкалья и р. Лены (по керамике с «защипными» валиками и ложнотекстильным узором) [Андреев, Фомин, 1966, с. 109].

4. Среди находок из проведенных сборов много каменных орудий для работы по древесине. Также отмечено обилие нуклеусов, преобладают одноплощадочные, разной степени сработанности. Много ребристых пластин. Широко использовались пластины, в том числе для заготовок орудий. Скребки с полукруглым (выпуклым) и прямым рабочим краем имели разную функцию. Разнотипны ножи, наконечники стрел, рубящие орудия.

5. Поселения Байкит и Усть-Камо относятся к одному времени и одной культуре. Аналогии материалов следует искать в Прибайкалье и отчасти в районе г. Красноярска, так как эти области наиболее близки к бассейну р. Подкаменной Тунгуски и изучены лучше других районов Восточной Сибири.

6. Аналогии гарпуну и вкладышевым ножам с р. Подкаменной Тунгуски отмечены в серовских и глазковских комплексах Прибайкалья. Разнотипные «топоры с выступами» отмечены на ряде памятников р. Подкаменной Тунгуски, что может указывать на их разное функциональное назначение. Эти орудия характерны только для лесной полосы, в степи их нет. Относятся они к китойскому и серовскому времени. Шлифованные тесла также сопоставляются с серовскими.

7. Многие категории каменных и костяных орудий с поселений р. Подкаменной Тунгуски и Прибайкалья имеют черты сходства, причем в контексте комплексов не конкретной культуры, а временного интервала неолита и раннего бронзового века, т. е. относящиеся к III–II тыс. до н. э. [Андреев, Фомин, Пашкин, 1965, с. 113].

Работы 1965 г. опубликованы частично [Андреев, 1966].

Отряд был назван Нижнеенисейская группа Западно-Сибирской экспедиции. В ее составе – Г. И. Андреев и Ю. С. Гришин. Помощь группе была оказана школьниками Туринской средней школой Сергеем Бодриковым и Вячеславом Сарлиным².

На р. Нижняя Тунгуска разведочные маршруты проходили на резиновой лодке от фактории п. Юкта до п. Тура и п. Нидым. Была поездка на факторию Ессей на берегу одноименного озера.

В п. *Юкта* в нижнем конце фактории на пабереге у подножия разрушающейся террасы обнаружен значительных размеров нуклеус, пластины и отщепы. В заложенном на террасе шурфе (до глубины 1,8 м, в том числе вскрыто 0,5 м мерзлоты) культурный слой не обнаружен.

В п. Амо (*Кислокан*) на съезде к реке геологом П. П. Пашкиным поднято тесло. На пабереге у подножия террасы у ручейка найдены несколько наконечников стрел, отщепы

² Андреев Г. И. Отчет о разведке в среднем течении р. Нижней Тунгуски в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3124.

и пластинки. Двумя шурфами до глубины 1,6–1,8 м, со вскрытием на 0,5–0,6 м мерзлоты, культурный слой не выявлен. В современной учетной документации объект назван «Кислокан. Стоянка-I».

В устье *р. Хаверхили*, в 100 км выше п. Тура, было найдено тесло с ушками, хранящееся в Эвенкийском окружном музее в п. Тура.

Из района *п. Нидым* школьники доставили каменное комбинированное орудие – нож-скребок, скорее нож-наконечник.

В *п. Тура* при впадении *р. Кочечумо* в *р. Нижнюю Тунгуску* отмечено несколько мест скопления древних разновременных предметов. Пять пунктов (сверху вниз по течению реки № 5, 1, 2, 3 и 4) отмечено вдоль *р. Нижняя Тунгуска*, семь и более – вдоль *р. Кочечумо* (снизу вверх: А, Б, В, Г, Д, Е и Ж). Стоянка известна по итогам работ И. М. Суслова [1928] и П. П. Хороших [1949]. Также геологом П. П. Пашкиным в 1964 г. здесь (близ верхней эстакады на *р. Нижней Тунгуске* и в конце поселка со стороны *р. Кочечумы*) собирался материал.

Пункт № 1 сборов – возле эстакады; на пабереге под размывом 15-метровой террасы собраны отщепы, пластины, нуклеусы, тесла (некоторые с ушками) и их обломки, наконечники стрел (лавролистные, треугольные с прямым основанием и треугольные с намечающейся выемкой), ножи, вкладыши, скребки, резцы, немного сетчатой керамики.

Пункт № 2 сборов – в 100–150 м ниже эстакады за логом; кроме отщепов и пластин найдены тесло с ушками из расколотой гальки, округлый халцедоновый скребок и ретушированный нож.

Пункт № 3 сборов – в 100 м еще ниже по течению, найдены отщепы и пластины, скребок и грузило. Сырье – ороговикованная порода и халцедон.

Пункт № 4 сборов – на участке в 100 м ниже нижней эстакады до мыса на устье *р. Кочечумо*. Здесь собраны нуклеус, пластины и отщепы.

Пункт № 5 сборов – на 40-метровой террасе над пунктом № 1, где находился опорный пункт с подсобным хозяйством. На краю террасы и вдоль ручья собрано огромное количество отщепов и пластин, скребок и нуклеусы. Под ним, на уровне 8–10 м над водой, поднят обломок тесла с ушками, судя по всему, он скатился сюда сверху.

Еще один пункт сборов на правом берегу *р. Нижней Тунгуски* был отмечен в 1,5 км выше по течению от предыдущего, уже вне поселка. В осыпи от камнепада найдены три отщепы.

Сборы археологического материала были проведены и в двух пунктах на левом берегу *р. Нижней Тунгуски* напротив п. Тура. Один из них (пункт № 7 сборов) находился в 50–70 м ниже верхнего склада горючего. Здесь возле устья ложка обнаружены отщепы,

большой оббитый и подретушированный нож и керамика. В зачистке борта 10–15-метровой террасы отмечен культурный слой с каменными отщепами и мелко раздробленными костями. Второй (пункт № 8 сборов) отмечен в 0,5 км ниже предыдущего, у левого борта ручья, близ подножия горы, чуть ниже склада горючего. Найдены нуклеус, пластины и отщепы.

На берегу р. Кочечумо также отмечено несколько скоплений находок.

Пункт «А» сборов находится на окраине поселка в 500 м к юго-западу от базы геологов на протяжении около 100 м. На пабереге собраны обломки тесел (шлифованных и с ушками), наконечники стрел, скребки, нож, грузило из плоской гальки и огромное количество нуклеусов, пластин и отщепов. Преобладают изделия из темно-серой ороговикованной породы, меньше орудий и пластин из халцедона. Здесь также собраны фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки, с орнаментом из оттисков гребенчатых штампов (возможно, усть-бельского типа). В зачистке борта террасы отмечены красные пятналинзы, возможно очагов, и возле них отщепы и пластины. В шурфе выявлен культурный слой мощностью 10–15 см, в нем отщепы пластины и скребок на отщепе. В современной учетной документации этот объект назван «Тура. Стоянка Кочечум».

Пункт «Б» сборов – в 200 м от реки (к востоку от берега) на 40-метровой террасе на футбольном поле и около него собрано много отщепов и пластинок, главным образом, халцедоновых. В траншее длиной 7,5 м под дерном на глубине 8–15 см идет бурый слой суглинка с примесью гумуса мощностью 16–30 см, в котором найдено немного пластин, отщепов и один скребок. С поверхности подняты фрагменты толстостенной керамики без орнамента и черепки с оттисками сетки-плетенки, а также каменный черешковый наконечник стрелы с ретушированными краями и шлифованным пером.

Пункт «В» сборов, первоначально выделенный, был объединен с пунктом «А», так как после прошедших ливневых дождей с паберега смылся излишний песок и оказалось, что находки идут без каких-либо перерывов.

Пункт «Г» сборов расположен возле устья руч. Гремучего на пабереге левого берега р. Кочечумо. Найдены отщепы, пластины и немного керамики.

Пункт «Д» сборов отмечен в 600 м ниже руч. Гремучего.

Пункт «Е» сборов – в 200 м ниже руч. Гремучего. Здесь подняты крупный нуклеус, пластины и отщепы.

Пункт «Ж» сборов – в 300 м выше ручья. Собрано восемь отщепов.

Пункт «К» сборов – в 200 м выше предыдущего, т. е. примерно в 0,5 км выше руч. Гремучего, найдены несколько пластин и отщепов.

Пункт «И» сборов – в 700–800 м выше того же ручья. Найдено одно орудие, довольно крупное типа скребла, в 70–80 м ниже пункта «И», остальные группировались на сравнительно небольшой площади выше. Здесь найдены скребок, резец на углу сломанной пластины, проколка, пластинка и отщеп.

В п. *Подкаменная Тунгуска* в 1965 г. при повторном посещении было открыто новое поселение (назовем его *Усть-Подкаменная Тунгуска-2*. – П. М.). Информация опубликована [Андреев, Фомин, 1968]. Оно расположено на стрелке на 9,5-метровой террасе шириной 200–250 м, свободной от леса. Культурный слой с мелкими отщепами и раздробленными костями животных прослежен на глубине 1,7 м в супесях бурого и серого цвета. Сборы на пабереге проведены в 300 м ниже домов поселка. В обнажении выполнена зачистка.

Найдены фрагменты керамики от шести сосудов. Один из них с подлощенной неорнаментированной стенкой бурого цвета, в изломе – черного с примесью песка. Толщина стенки не более 5 мм. Два других сосуда бурого цвета, с песком и дрсвой в изломе, венчики с внутренней стороны покрыты насечками, с наружной под краем – ямками. Орнамент на одном состоит из двойных наклонно прочерченных линий, на другом – из ромбов, образованных параллельными линиями из гребенчатых штампов [Там же, рис. 16, 4, 5]. Три других сосуда во фрагментах с оттисками гребенчатых штампов различной формы.

На пабереге собраны каменные изделия: пластины, часть из них с ретушью, конический нуклеус.

В зачистке из слоя – скребок, небольшой ножичек и отщепы, а также костяные предметы: уплощенные стерженьки (3 экз.), суживающиеся к одному из концов и заканчивающиеся специально оформленной развилкой и биконическими отверстиями по плоскости на желобе [Там же, рис. 15, 1, 2]; и стерженьки с овальным в сечении окончанием [Там же, рис. 15, 3, 4].

По керамике автор датировал поселение эпохой поздней бронзы (вторая половина II – начало I тыс. до н. э.).

Идеи, возникшие по итогам работ 1965 г.:

1. В п. Тура и его окрестностях обнаружено 16 пунктов скоплений находок. Эти пункты могли быть остатками одного большого поселения или самостоятельными недолговременными стоянками.

2. После шурфовочных работ в п. Юкта и п. Кислокане осталось не ясным, или культурный слой располагается глубже в слое вечной мерзлоты, или стоянки были столь малы и кратковременны, что оказались полностью разрушенными.

3. Просмотр с лодки берегов р. Нижней Тунгуски показал очень удобными для поселений участки близ устьев рек Илимпия, Ейка, Мамелякин, Кананда, Хаверхили и ряд других мест, где имеются следы недавних остановок рыбаков или домов. В этих местах необходимо закладывать шурфы, так как тайга подступает к самой воде и нарушений берега нет.

4. Стрелка при впадении р. Кочечумо в р. Нижнюю Тунгуску, где сейчас находится п. Тура (по-якутски «стоянка»), издавна служила местом для остановки охотников, пастухов со стадами оленей, рыбаков.

5. Между пунктами сборов А и Б на р. Кочечумо предлагалось сделать траншею длиной 200 м, чтобы изучить изменение уровня залегания слоя на разновысотных террасах.

6. Берега на р. Нижней Тунгуске размываются после вырубki леса на террасах, как и на р. Подкаменной Тунгуске.

Работы 1966 г. В работе Нижнеенисейского отряда Западно-Сибирской экспедиции приняли участие школьники п. Тура и студенты красноярских и московских вузов. Исследования проводились в июле – сентябре и состояли из раскопок поселения в п. Тура и разведки по р. Подкаменной Тунгуске³.

В п. Тура в пункте «А» сборов на р. Кочечумо на террасе расположена эстакада, при строительстве которой дорогами были разрушены верхние слои. Здесь заложен раскоп площадью 80 м² (10×8 м). Раскрытием установлены участки с современными ямами и с переслаивающимися культурными слоями. Последние связаны с темными прослойками, сопровождаются очагами в виде красной прокаленной земли с остатками пепла и угольками по периферии, и археологическим материалом. Фиксация находок проводилась по трем горизонтам (планам) (на каждом по два «штыка» раскрытия, т. е. 1–2 (0–40 см), 3–4 (40–80 см) и 5–6 (80–120 см)). Верхнее кострище зафиксировано на глубине 15 см, нижнее – на глубине более 80 см. Всего на раскопе отмечено 23 кострища (17 на уровне 1–2 штыков; 5 – на уровне 3–4 штыков; 1 на уровне 5–6 штыков). Мощность кострищ незначительная – 2–3 см и 5–8 см, иногда 10 см и более. Возле них отмечены различные артефакты. Рядом с кострищем в квадрате А-2 на глубине 0,7 м найдено несколько нуклеусов и огромное количество пластин и отщепов. Возле кострища в квадрате В-4 – скребки, наконечник копья, «шлифовалка или абразивка», плитка, тесло, а также два нуклеуса и большое количество отщепов и пластин. По мнению исследователя, состав находок вокруг кострищ указывает на наличие мастерской или жилища.

³ Андреев Г. И. Отчет о работе в Эвенкии в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3300.

На уровне 3–4 штыков, кроме артефактов с восточной стороны от кострищ (дальше от края террасы на 0,5–2 м), отмечено девять пней от срубленных деревьев. На уровне 5–6 штыков – два пня с обеих сторон от кострища.

На уровне 5–6 штыков находки концентрируются возле каких-то объектов. В одном случае возле значительного по размерам кострища (около 1×2 м) отмечено огромное количество пластин и отщепов, абразивная плитка, скребок и нуклеус, скопление костей животных (лопатки и рога северного оленя, челюсти мелкого хищника – соболя или куницы). В другом случае, с более ранним кострищем, связаны нуклеус, скребки и два пня (высотой не более 40 см) от срубленных деревьев. В нижнем уровне культурного слоя поселения было отмечено скопление галек (целых и расколотых), отщепов и пластин, возможно, оставленных от мастерской. Керамика в мелких фрагментах отмечена в верхних слоях, большая ее часть сетчатая с отпечатками ткани и гребенчатая [Андреев, 1967, с. 162].

В пункте «Б» к началу работы экспедиции культурный слой оказался уничтоженным бульдозером при выравнивании площадки для строительства.

В пункте «Г» на стрелке, образуемой руч. Гремучим и р. Кочечумо, было заложено два шурфа 1,5×1,5 м. В шурфе № 1 в 40–50 м от правого борта ручья на 12–15-метровой террасе находки отсутствовали. В шурфе № 2 ближе к ручью выявили культурный слой, в котором на глубине от 0,9 до 1,2 м отмечены мелкие обломки костей животных, мелкие фрагменты керамики и отщепы. На его месте планировался раскоп в следующем 1967 г.

Отмечена случайная находка тесла с ушками вместе с рукоятью на левом берегу р. Нижняя Тунгуска напротив п. Тура (*Тура-2*). Рукоять, по рассказам, тут же рассыпалась.

Выводы после первых археологических раскопок в п. Тура:

1. Раскопки в пункте «А» на 12–15-метровой террасе р. Кочечумо показали стратифицированность многослойного поселения, причем слои разделялись стерильными прослойками.

2. Отмечено, что при сохранении состава находок на всех уровнях поселения среди сырья для изготовления орудий из верхнего слоя преобладал халцедон, а в нижних слоях – ороговикованные породы. Большая часть орудий верхнего горизонта (скребки, ножи, наконечники стрел) небольших размеров. Скребки отсюда треугольной или трапециевидной формы с желобчатым рабочим краем. Скребки из нижних горизонтов отличаются формой и размером [Там же].

3. Основным занятием обитателей поселка на всех уровнях была охота, практиковали, видимо, и рыболовство.

4. Не следует делать часто бровки на раскопе. Их отсутствие позволяет мерзлой почве лучше прогреваться и быстрее размораживаться; так делает Ю. А. Мочанов на стоянках Алдана. Со стороны края террасы не надо оставлять бровку, так как проще будет выбрасывать землю при большой глубине раскопа и даст возможность отводить оттаившие воды. При оттаивании нижних почв нужно оставлять 5–6 см грунта, тогда в раскопе будет сухо. Если раскоп не доведен до материка, то его необходимо оставлять на следующий год, но при этом как следует засыпать стенки, иначе они оползут при оттаивании. Стенки зачищать вертикально только перед самой их фиксацией, иначе «поплывут».

Разведка 1966 г. была проведена по р. Подкаменной Тунгуске от п. Ванавара до п. Оскоба. Вниз по реке весь маршрут пройден на весельной лодке Г. И. Андреевым вместе со студентом-дипломником кафедры этнографии МГУ С. С. Савоскул и корреспондентом журнала «Радио и телевизия» Р. М. Аганесовым. Повторно часть маршрута от п. Ванавара до устья р. Чамбы исследователь прошел на моторной лодке. Результаты разведки полностью опубликованы [Андреев, 1967, с. 162; Андреев, 1969б].

II. Ванавара. Первые сведения о находках каменных орудий в поселке поступили от директора Туринской средней школы К. В. Стурова. Разведками 1966 г. здесь отмечено пять пунктов.

Пункт № 1 (*Ванавара-1*) – в 1,5 км выше устья р. Ванавары на пабереге на протяжении 300 м собраны отщепы и заготовки орудий.

Пункт № 2 (*Ванавара-2*) – примерно в 1,5–2 км выше первого пункта на пабереге. Информация о находках не сообщается.

Пункт № 3 (*Ванавара-3*) – в 5 км выше устья р. Ванавары, находки обнаружены на пабереге на отрезке 250–300 м.

Пункт № 4 (*Ванавара-4*) – в самом поселке чуть ниже съезда к реке у бани, там, где терраса прислоняется к коренным породам. Найдены отщепы и обломок наконечника стрелы. Стоянка почти полностью уничтожена. В современной учетной документации объект назван «Ванавара. Стоянка Ванавара».

Пункт № 5 (*Ванавара-5*) – на левом берегу р. Подкаменной Тунгуски напротив поселка, ближе к бензоскладу. Среди небольшого числа находок наконечник стрелы. В современной учетной документации объект разделен, назван «Ванавара. Стоянка Ванавара-IV» и «Ванавара. Стоянка ГСМ».

В 3–4 км ниже п. Ванавара на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски (*Ванавара-6*), собраны лишь отщепы. В современной учетной документации объект назван «Ванавара. Стоянка 1142 км».

В 8 км ниже п. Ванавара на том же правом берегу р. Подкаменной Тунгуски обнаружена стоянка (*Ванавара-7*), которая начала разрушаться, собраны лишь отщепы.

Стоянка Чамбинский порог. Первые сведения о находках поступили Г. И. Андрееву от геологов 5-й экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста М. А. Крауш и Л. Л. Исаевой. На правом берегу реки в 16 км ниже п. Ванавара у порога на протяжении 150–200 м паберега собрано большое количество орудий и их обломков, много заготовок, пластин и отщепов, а также мелкие невыразительные фрагменты керамики. В обрыве террасы отмечены остатки культурного слоя, которые через 2–3 года, по мнению исследователя, разрушатся.

На «стоянке в 1 км выше колхозного стана» (на приводимой карте названа *Исток* по ближайшему одноименному озеру. – П. М.) найден обломок бронзового кельта (?), опубликован [Андреев, 1971, с. 46, рис. 15, 3].

На Колхозном стане на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски находки прослеживаются на протяжении 500–600 м в виде скоплений (обозначены пунктами 1–3) с промежутками между ними. В пунктах 2 и 3, расположенных чуть ниже стана, терраса начала разрушаться. Собраны отщепы, пластины, орудия и заготовки для них. Первый пункт в современной учетной документации назван «*Стоянка Зимовье Чамбэ*» и «*Чамбэ. Стоянка-1*», второй как «*Чамбэ. Стоянка II*», третий как «*Ванавара. Стоянка Чамбэ-3*».

На «стоянке между колхозным станом и устьем р. Чамбы» (*Чамбэ-4, -5, -6*) в 400–500 м ниже пункта 3, представленного выше, собраны отщепы и заготовки орудий. В современной учетной документации проходят как три стоянки: «*Ванавара. Стоянка Чамбэ-4*», «*Ванавара. Стоянка Чамбэ-5*», «*Ванавара. Стоянка Чамбэ-6*».

Стоянка при устье р. Чамбы засыпана огромными камнями, скатывающимися сверху при разрушении выходов горных пород. Найдены небольшое орудие типа скребла, нуклеус и немного отщепов, часть из которых обкатаны водой. В современной литературе стоянка названа «*Устье*» (например [Археологические памятники..., 2008]).

Белая гора расположена на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски в 35–40 км ниже п. Ванавара, на выходе сопки языком к воде. Под дерном обнаружен тонкий культурный слой с отщепами, у подножия обнажения также собраны отщепы.

Выше Паноликского порога (*Надпорожное поселение* – у Г. И. Андреева) на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски на пабереге собрано огромное количество находок: нуклеусы, отщепы и пластины, обломки, заготовки и целые орудия (тесла, скребки, ножи, наконечники стрел). Обращено внимание на оббитые тесла, суживающиеся к обушку и имеющие как бы желобчатое лезвие. Отщепы и пластины были собраны и оставлены наверху на террасе до будущего года. В борту террасы местами прослежен культурный

слои. В современной учетной документации объект назван «Ванавара. Стоянка Верхне-Панолинская-1», «Ванавара. Стоянка Верхне-Панолинская-2», «Ванавара. Стоянка Верхне-Панолинская-3» и «Ванавара. Стоянка Панолинская-1».

Первые сведения о находках ниже Панолковского порога на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски поступили от директора Туринской средней школы К. В. Стурова. Стоянки разделяются обнажениями, на пабереге собраны отщепы и заготовки орудий. В современной учетной документации объект назван «Ванавара. Нижне-Панолинская-1», «Ванавара. Нижне-Панолинская-2» и «Ванавара. Нижне-Панолинская-3».

Панолик находится на территории почти заброшенной фактории. На протяжении 600–700 м по паберегу скоплениями отмечен материал: пластины, отщепы, заготовки больших орудий, тесла, скребки на массивных пластинах. В обнажении террасы на глубине 0,6–1,0 м прослежены остатки культурного слоя со множеством крупных пластин. В современной учетной документации объект назван «Стоянка Панолик-1».

В 6 км ниже Панолика (выше устья р. Юдукон. – П. М.) у подножия разрушающейся террасы собраны несколько отщепов и заготовка орудия.

В 27 км выше п. Оскоба (около 2 км выше устья р. Собы. – П. М.) на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски у подножия террасы и на пабереге подняты шлифованные (два целых экземпляра) и оббитые тесла, нож и другие орудия, отщепы и пластины.

Соба-2 расположена в 1 км ниже устья р. Собы на левом берегу р. Подкаменной Тунгуски. На мысу найдено несколько отщепов.

В 19 км выше п. Оскоба (в 1 км выше зимовья Матвейкина) на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски у подножия горы поднято несколько отщепов. В современной учетной документации объект назван «Оскоба. Стоянка 1029 км».

Матвейкина-2 находится у одноименного зимовья на пабереге правого берега р. Подкаменная Тунгуска. Найдено несколько отщепов. В современной учетной документации объект назван «Оскоба. Стоянка Гора Матвейкина».

Оскоба. Первые сведения о находках поступили Г. И. Андрееву от геологов 5-й экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста М. А. Крауш и Л. Л. Исаевой. Выделено несколько пунктов сборов.

На пункте 1 (Оскоба-1) в самом поселке на пабереге правого берега ниже съезда к реке собраны пластины и отщепы. В современной учетной документации объект назван «Оскоба. Стоянка Оскоба-1».

На пункте 2 (Оскоба-2) в конце поселка в правом борту ручья и ниже на пабереге собрано много пластин, отщепов, заготовок и готовых орудий. В современной учетной документации объект назван «Оскоба. Стоянка Оскоба-2».

Пункт 3 (*Оскоба-3*) находится в 200–250 м ниже предыдущего, находок здесь тоже много, среди них большой скребок. В современной учетной документации объект назван «*Оскоба. Стоянка Оскоба-III*».

Пункт 4 и 4а (*Оскоба-4 и 4а*) расположен через 300–400 м еще ниже, почти до зимовья, выявлены два скопления. В современной учетной документации проходят как «*Оскоба. Стоянка Оскоба-IV*» и «*Оскоба. Стоянка Оскоба-V*».

Пункт 5 (*Оскоба-5*) обнаружен напротив п. Оскоба на левом берегу р. Подкаменной Тунгуски на пабереге у подножия террасы выше ручья. Находки изготовлены из небольших пластин. Отмечен значительный процент готовых орудий (наконечники стрел, скребки, шлифованное тесло). В современной учетной документации объект назван «*Оскоба. Стоянка Оскоба-VII*».

Пункт 6 (*Оскоба-6*) расположен на том же левом берегу р. Подкаменной Тунгуски на пабереге у подножия террасы ниже ручья. Стоянка сильно разрушена. Найден нуклеус, пластины и отщепы. В современной учетной документации объект назван «*Оскоба. Стоянка Оскоба-VIII*».

Выводы после разведочных работ 1966 г.:

1. Район насыщен памятниками.
2. Размещение стоянок возле речных порогов не случайно, так как эти места богаты рыбой.
3. Закономерно и расположение стоянок на террасах возле их примыкания к высоким сопковидным выступам, так как в высокую воду люди могли перемещаться в безопасное место, не уходя далеко от освоенных участков.
4. Значительное число скоплений археологического материала на участках протяженностью 600–1200 м позволяет предполагать наличие здесь стоянок разного времени. Трудно поверить, что в условиях тайги существовали столь обширные поселки.
5. Стоянки разновременные и разнохарактерные, так как материалы расположены далеко друг от друга и находки на них разные: на одних крупные грубые пластины, на других пластины узкие, а орудия мельче и изящнее.
6. Закономерностью можно считать малое количество керамики при сборах. Возможно, это связано с подвижным образом жизни, который вели охотники и рыболовы, жившие в тайге.
7. Отмечаются огромные разрушения большинства стоянок, и особенно в последнее время. Многие памятники через 2–3 года перестанут существовать.
8. Датируются стоянки ограниченным интервалом времени – от III до I тысячелетия до н. э.

9. Находки на пабереге остаются от размыва террасы, так как предметы, лежащие дальше от современного ее подножия (у реки), часто окатаны водой и их больше, чем возле основания террасы.

10. Районы верхнего и нижнего течения р. Подкаменной Тунгуски в археологическом отношении неоднородны. На стоянках верхнего течения р. Подкаменной Тунгуски нуклеусы и снятые с них пластины больших размеров, так же как орудия и их заготовки. В низовьях р. Подкаменной Тунгуски подобные памятники пока неизвестны [Андреев, 1969б, с. 113].

11. В пункте, где отмечен обломок бронзового предмета, отсутствуют пластины. Случайно ли это? Не была ли к этому времени техника получения пластин уже забыта?

Работы 1967 г. опубликованы кратко [Андреев, Студзицкая, 1968].

Разведка проходила по берегам р. Енисей между п. Подкаменная Тунгуска и п. Ярцево, раскопки проведены в п. Тура⁴.

Разведочные работы. Материалы из самого *поселка Подкаменная Тунгуска*, доставленные геологом 5-й экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста Ю. М. Фоминым, опубликованы [Андреев, Фомин, 1968].

На стрелке правых берегов р. Подкаменной Тунгуски и р. Енисей на террасе 10–12 м возле склада ГСМ выявлено два поселения. Первое (*Усть-Подкаменная Тунгуска-2*) – на съездах к реке, расчищен очаг на глубине 2,3 м под мощным наслоением суглинков и дерна (Ю. М. Фомин в 1964 г. фиксировал культурный слой на глубине 1,7 м). Очаг диаметром 1,3–1,5 м из красного пережженного суглинка, линзовидный в сечении с черными краями. В нем найдены небольшие кусочки железных шлаков, фрагменты керамики с «узкими валиками, рассеченными как будто палочкой, обмотанной веревочкой» и кости стерляди (14 костей от не менее 7 особей) и налима (261 кость от не менее 17 особей) (определения Е. А. Цепкина). Размеры стерлядей 90 и 94 см, налимов – от 75 до 125 см. Судя по комплексу находок, предварительная датировка поселения не ранее второй половины I тыс. до н. э.

Второе поселение (*Усть-Подкаменная Тунгуска-3*) находится чуть выше по р. Подкаменной Тунгуске, собраны отщепы и обломки толстостенной керамики, украшенной отпечатками гребчатого штампа. Культурный слой залегал на глубине 0,5–0,8 м ниже слоя поселения железного века.

⁴ Андреев Г. И. Отчет о работах Нижнеенисейского отряда 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3473. 22 л. и Альбом № 3473а.

Пункт сбора керамики (*Усть-Подкаменная Тунгуска-4*) отмечен в 400–600 м ниже поселения железного века, уже на берегу р. Енисей. Следов культурного слоя найти не удалось.

Поступила информация от семьи Чечериных из п. Подкаменная Тунгуска о находках бронзовых кельта, бляшек и др. на огороде более чем в 1 км выше стрелки на правом берегу р. Подкаменной Тунгуски почти в самом верхнем конце поселка (*Усть-Подкаменная Тунгуска-5*). Из рассказов Чечериных, весенними паводками размывается терраса и огород, от чего образовалась как бы ступенька глубиной 1,5–2 м. На ее дне, представляющем сырую, чуть задернованную площадку шириной 15–30 м, и были найдены вещи. Обнаружены и кости, но, кому они принадлежат, собиратели не знают. Летом в семье В. А. и А. М. Чечериных хранился еще один бронзовый кольчатый нож и почти целый (раздавленный) небольшой сосуд на поддоне с валиком у венчика. Здесь разрушается могильник V–II вв. до н. э. [Андреев, 1971].

На стрелке левого берега р. Подкаменной Тунгуски и р. Енисей (*Усть-Подкаменная Тунгуска-6*) найден небольшой невыразительный фрагмент керамики. «Шурфовка» ничего не дала.

Осмотр правого берега р. Подкаменной Тунгуски километра на три вверх оказался безрезультатным.

Осмотр обнажений 30-метровой террасы в п. Бор на левом берегу Енисея оказался безуспешным. Но в нижнем конце поселка в месте примыкания 9–12-метровой террасы к более высокой на разрушенной поверхности от постройки хранилища горючего найден материал. Со значительной площади собрано много отщепов, наконечник стрелы, скребок. Керамики не найдено. Проводить раскопки на стоянке будет очень трудно и практически невозможно.

Осмотр левого и правого берега в районе п. Ворогово и с. Ярцево оказался безрезультатным. На острове, где находится п. Ворогово, люди судя по всему не жили.

Итоги разведки 1967 г.:

1. Разведка по р. Енисей показала, что без собственных средств передвижения ждать каких-либо реальных результатов бесперспективно.

2. Аналогии бронзовым предметам из п. Подкаменная Тунгуска позволили Г. И. Андрееву поставить вопрос о возможном существовании единой тагарской культуры в Минусинской котловине и на р. Подкаменной Тунгуске. Ответить на этот вопрос пока невозможно, пишет Г. И. Андреев [1971, с. 47], так как пока недостаточно изучены районы к северу от г. Красноярска. «Возможно, что при дальнейшем изучении памятников

Подкаменной Тунгуски выявится своя самостоятельная таежная культура с какими-то чертами, присущими лишь ей» [Там же].

Раскопки 1967 г. проводились в п. Тура. В отряде работали сотрудница ГИМ С. В. Студизкая и школьники Туринской средней школы (С. Бодриков, Т. Ботулу, Л. Брюханов, Л. Вернидуб, Н. Моничева, Ю. Новосельцев, И. Прилуцкая, С. Салаткин, И. Суевалова, Т. Суевалова, Н. Темерова, О. Черкашина, В. Шадрин, В. Шавелев, Л. Юрьев).

В пункте «А» раскоп предшествующего 1966 г. расширен в северную, восточную и южную стороны и составил 168 м² (всего за два года 250 м²). Рыхлые отложения разбирались по 10 см с горизонтальными зачистками. На разных уровнях изучено много очагов, которые часто сопровождались находками; отмечены и пни.

По находкам возле огромных кострищ (крупным камням и галькам обкладки очагов, большому числу каменных отщепов, находкам, лежащим одна на другой, орудиям – скребкам, ножам, абразивам и др.) исследователь предположил, что в какой-то промежуток времени стоянка здесь была круглогодичной, либо на одном и том же месте в течение многих лет ставились легкие жилища.

Из кусочков розовато-малинового сланца, найденных в пределах 3–4 штыков на квадрате В-7, собрана плитка с процарапанными изображениями на выпуклой стороне. Одно из изображений «вне всякого сомнения, представляет собой лук с наложенной на тетиву стрелой. Другое изображение менее понятно. Это либо личина, либо изображение какой-то ловушки, связанной с охотой»⁵.

Кроме изделий, изготовленных техникой расщепления, отмечено большое количество пестов и молотов на гальках. Керамика, как и в раскопе 1966 г., фрагментарна и в мелких обломках. Есть сетчатая и выбитая (штриховая), отдельные фрагменты напоминают шнуровую керамику с поселений Алдана.

Датировка верхних слоев этого поселения – III тыс. до н. э., так как на поверхности разрушенной части стоянки найдена голова каменного изображения рыбки-приманки.

Было продолжено исследование и *поселения у ручья Гремучего в пункте «Г»* п. Тура. Раскопом 6×10 м, заложенном севернее шурфа № 2 1966 г., вскрыт участок на 15-метровой террасе, поверхность которой немного понижается к реке. Очаги, в результате небольших вспучиваний почвы или, наоборот, западения ее в углубления, то резко изгибаются вверх, то столь же резко падают вниз. Это затрудняло разделение очагов по прослойкам.

⁵ Андреев Г. И. Отчет о работах Нижнеенисейского отряда 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3473. 22 л. и Альбом № 3473а. 28 л.

На стоянке у ручья Гремучего изучено большое количество очажных пятен, расположенных на различных глубинах, с которыми связаны находки орудий, кости и кусочков керамики. Скорее всего, место многократно обжилось в короткие промежутки времени в течение, видимо, какого-то одного исторического периода. Некоторые кострища очень тонки, поэтому в профиле дают узкие черные полосы. Между кострищами, располагающимися одно под другим, хорошо видны очень тонкие стерильные прослойки, связанные с наносами реки. Иногда эти прослойки вытаптывались, и часть одного очага ложилась на часть очага, замытого ранее.

Лежащие под дерном супеси и суглинки разной окраски имеют ярко выраженную слоистость, мощность каждого слоя по 3–5 мм. В них до глубины 1 м находятся различные культурные остатки и кострища, которые иногда обкладывались гальками или камнями. На глубине 1,5 м появилась вечная мерзлота.

В верхних уровнях отмечены каменные отщепы, пластины, абразив, проколка, обломки ножа или дротика, нуклеус, кости животных (оленья). На уровне третьего штыка найдены обломки сетчатой керамики, отщепы и пластины, скребок на отщепе, наконечник стрелы. На четвертом штыке, кроме отщепов и пластин, были найдены нуклеусы, черешковый наконечник дротика или нож. На пятом штыке обнаружены мелкие кусочки керамики и заготовка халцедонового орудия, обломок наконечника стрелы, пластины и отщепы.

По итогам раскопок у руч. Гремучего делается вывод, что на стоянке люди селились много раз, скорее всего здесь делались временные остановки с небольшим числом легких жилищ типа чумов, от которых сохранились лишь остатки кострищ. Относятся они близко по времени к стоянке в пункте «А» на р. Кочечумо, т. е. к III тыс. до н. э.

Пункт «К» на р. Кочечумо находится на обеих сторонах лога, где на различных высотных отметках заложено шесть шурфов, но только в одном (шурфе № 4) найдены кости северного оленя.

Сборы с паберега проведены в пункте № ... (?) на р. Нижней Тунгуске и в пункте «К» на р. Кочечумо. В шурфе на террасе до глубины 3 м находок не обнаружено.

Идеи, возникшие после исследований 1966 и 1967 гг.:

1. Произведенные к северу от г. Енисейска работы все более убеждают в том, что область эта весьма перспективна с точки зрения археологии. На р. Подкаменной Тунгуске и ее притоках обнаружено большое число памятников разного времени.

2. На р. Нижней Тунгуске Г. И. Андреев планировал продолжить раскопки в п. Тура и провести разведки ниже поселка до устья р. Виви или п. Учами (р. Тутончана). Также он надеялся провести разведку на р. Подкаменной Тунгуске и ее притоках.

3. Береговые террасы, освобожденные от леса, начинают быстро прогреваться солнцем. Лед, сохраняемый обычно подушкой мха, тает, а это ведет к значительным оползням. Уровень воды в р. Нижней Тунгуске весной достигает в отдельные годы 12–15-метровой отметки. Размывая оползни, река все более способствует разрушению берега, а вместе с ним и древних поселков и стоянок. Именно вследствие таких размывов многие поселения и стоянки частично или полностью уже разрушены, и масса предметов в виде значительных скоплений обнаруживается на паберегах.

Работы 1968 г. В работе отряда приняли участие С. В. Студзицкая, студенты, преподаватель и школьники Туринской средней школы. Проведены раскопки в п. Тура в пункте «А» на р. Кочечумо, в пункте «К» у эстакады на р. Кочечумо и в пункте «Г» на стоянке у ручья Гремучего, а также разведочные поездки. Отчет о полевых работах был подписан 16 июня 1969 г., рисунки к нему остались без пояснений⁶.

Раскопки в пункте «Г» на руч. Гремучем. К раскопу 1967 г. с северной стороны (выше по террасе) прирезано 24 м². Чем выше поднимается поверхность террасы, тем уже слойки и находок становится меньше. Много остатков очень тонких кострищ без обкладок и без археологических находок. Также отмечено большое количество костей животных, в том числе возле кострищ. Поэтому последние фиксировались только с археологическим материалом или были достаточно мощными. Глубина одного из них 142–146 см. В ряде случаев возле кострищ отмечены абразивные плитки, возле одного – мелкие фрагменты сетчатой керамики.

В пункте «В» заложен раскоп 6×6 м. В нем «верхи» оказались в современном перекопе, а потревоженные слои – с тонкими кострищами с редкими артефактами. Кострище лежит на глубине 207–209 см. На уровне 200–210 см появилось большое количество обгоревшего и сгнившего дерева. На этой же глубине обнаружены нуклеусы, скребок, тесло. На пятом штыке (глубина 220–240 см) расчищены кострище, нуклеусы. На шестом штыке уже шла мерзлота, но на глубине 249 см и 260 см выявлены два кострища без находок возле них.

Автор раскопок отмечает особенность стоянки в этом пункте: много находок нуклеусов и мало орудий (из 18 находок – 2/3 нуклеусы). Совершенно нет керамики, но это не означает докерамический возраст стоянки.

В пункте «А» на р. Кочечумо расширили раскоп к северу, западу и югу. Находки размещались по всей толще аллювиальных наслоений до глубины 387 см, в том числе в мерзлоте. Ниже раскоп не вскрывался, он «пополз» в сторону реки, был присыпан и оставлен до следующего года.

⁶ Андреев Г. И. Отчет о работах Южноенисейского отряда в Эвенкии в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8118.

В пункте «К» у эстакады на р. Кочечумо шурфы (четыре на правом (верхнем) борту лога и два на левом), которые не были засыпаны в прошлом 1967 г., докопаны до глубины 3 м. Материала найдено не было. Можно очень осторожно предположить, что стоянка полностью размыта.

Пункт № 8 на р. Нижней Тунгуске (левый берег реки) расположен в месте, где собирался материал в 1966 и 1967 гг. Сборы провели как на левом берегу нижнего ручья, так и на правом, вверх по реке почти до ручья близ свинофермы. Два шурфа заложено на нижнем уступе 9–12-метровой террасы, в 4–5 м над водой. Находок не найдено, вскрыты чистые супеси и суглинки.

Выводы по итогам раскопок в п. Тура в 1968 г.:

1. Рекомендуются закладывать десятки шурфов (как делает Ю. А. Мочанов в Якутии) над местами сборов материала с паберега.

2. «Вряд ли бы кому-либо из археологов пришло в голову шурфовать местность в Туре, расположенную на 70-метровой террасе, лежащей сейчас примерно в 700 м от берега реки и поросшей дикой тайгой. Но вот создали здесь аэродром, сделали к нему подъезды, и мы нашли здесь множество свидетельств того, что здесь раньше была стоянка. То же следует сказать и о пунктах «В», № 9 и других, расположенных на 20–40- и 60-метровых террасах»⁷.

Разведки 1968 г. проведены по р. Нижней Тунгуске от п. Тура до устья р. Таймуры, протяженность маршрута 200 км.

В *Нидыме* за поселком (видимо, на 20-метровой террасе), где разделили участок тайги под картошку и овес для скота, мы нашли скребок и тесло с ушками.

Близ устья р. *Ямбукан* (в 120 км ниже п. Тура) найдено небольшое количество крупных отщепов и заготовок орудий.

В устье р. *Виви*, где П. П. Хороших отмечал орудия, все поросло тальником.

В устьях р. *Ямбукан*, р. *Виви*, р. *Таймуры* и других местах тайга подходит к самому берегу и размывов нет, надо «шурфить».

В устье р. *Таймуры* стояли геологи и подарили эвенкийскую рыбку-приманку, выкопанную ими при рытье ямы для столба на волейбольной площадке.

С р. *Юнари* (приток р. Таймуры) от геолога – сотрудника 5-й экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста А. А. Боручинкина – поступает «великолепный фрагмент сосуда». Это свидетельствует о переходах древних людей с вершин одних притоков на вершины других, с р. Ангары на р. Подкаменную Тунгуску, оттуда на р. Нижнюю Тунгуску.

⁷ Андреев Г. И. Отчет о работах Южноенисейского отряда в Эвенкии в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8118. 36 л.

Сотрудница М. П. Карлова в составе этнографической экспедиции провела сбор коллекций в известных с 1961 г. пунктах Усть-Камо и Байките, а также с новых стоянок. Одна из них (*Куюмба-2*) расположена на берегу р. Подкаменной Тунгуски, напротив п. Куюмба, где на небольшой площади собраны отщепы и заготовки орудий.

После многолетних работ в северных районах Средней Сибири исследователем были подведены *промежуточные итоги* [Андреев, 1969а]:

1. На Тунгусках стоянки располагаются на террасах различного уровня, часто далеко от воды, на стрелках, образуемых основной и боковыми реками, или близ порогов или шивер.

2. На многослойной стоянке в п. Тура (пункт «А» на р. Кочечумо) вскрыто множество очагов на разных уровнях, которые, судя по находкам, могли обогревать жилища типа чумов.

3. Обнаружено большое число ретушированных и шлифованных ножей и тесел (как с ушками, так без них), скребков на пластинах и отщепах, наконечников стрел и дротиков, нуклеусов (призматических, конических, карандашевидных). При этом клиновидные нуклеусы единичны.

4. Керамики мало, и она очень фрагментарна. Есть сетчатая и с поверхностью, на которой очень плохо видны следы от колотушки, обмотанной шнуром.

5. Сопоставление находок со стоянок р. Подкаменной и Нижней Тунгусок с якутскими и западно-сибирскими материалами позволило датировать первые в интервале от неолита до раннего железного века.

6. По сырью изготовления каменных орудий предложено выделение трех больших районов: 1) среднего течения р. Нижней Тунгуски с серыми и коричневыми ороговикованными породами; 2) среднего течения р. Подкаменной Тунгуски с серо-розоватыми ороговикованными породами; 3) низовья р. Подкаменной Тунгуски с разноцветными породами худшего качества, известными по сборам с р. Кети и р. Чулым.

7. Нижнетунгусские материалы ближе всего с виллойскими, среднеподкаменнотунгусские сходны со стоянками р. Илим и Средней Ангары, нижнеподкаменнотунгусские имеют общие черты с Западной Сибирью и районом г. Красноярск. Это свидетельствует о различных направлениях связей между отдельными таежными племенами или о перемещениях каких-то групп населения. Характер этого сходства пока еще не ясен.

8. Различие материалов между стоянками, лежащими к западу и востоку от р. Енисей, и определенное сходство в материалах стоянок, расположенных в долине р. Енисей между г. Красноярском и устьем р. Подкаменной Тунгуски, дают возможность предположить, что р. Енисей была одновременно и междой, разделявшей два больших культурных

ареала, и водной артерией, способствовавшей связям и перемещениям с севера на юг (а возможно, и в обратном порядке).

Список источников

Андреев Г. И. Отчет о командировке на Подкаменную Тунгуску летом 1963 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 2970. 40 л.

Андреев Г. И. Отчет о разведке в среднем течении р. Нижней Тунгуски в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3124. 26 л.

Андреев Г. И. Отчет о работе в Эвенкии в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3300. 61 л.

Андреев Г. И. Отчет о работах Нижнеенисейского отряда 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3473. 22 л. и Альбом № 3473а. 28 л.

Андреев Г. И. Отчет о работах Южноенисейского отряда в Эвенкии в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8118. 36 л.

Список литературы

Андреев Г. И. Археологические исследования в Эвенкии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969а. – С. 188–190.

Андреев Г. И. Исследования в Эвенкии // Археологические открытия 1966. – М.: Наука, 1967. – С. 161–162.

Андреев Г. И. Исследования на Нижней Тунгуске // Археологические открытия 1965 года. – М.: Наука, 1966. – С. 83–84.

Андреев Г. И. Памятники I тыс. до н. э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. – 1971. – Вып. 128. – С. 44–47.

Андреев Г. И. Разведки на Подкаменной Тунгуске в 1966 г. // КСИА. – 1969б. – Вып. 117. – С. 109–113.

Андреев Г. И., Пашкин П. П. Археологические находки в п. Туре (Нижняя Тунгуска) // КСИА. – 1968. – Вып. 114. – С. 50–53.

Андреев Г. И., Пашкин П. П. Первые археологические находки в бассейне верхнего течения р. Чуни // КСИА. – 1964. – Вып. 101. – С. 99–101.

Андреев Г. И., Студзицкая С. В. Работы на правобережных притоках Енисея // Археологические открытия 1967 года. – М.: Наука, 1968. – С. 152–153.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. – 1964. – Вып. 101. – С. 94–98.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. – 1966. – Вып. 106. – С. 106–110.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Новые находки в устье Подкаменной Тунгуски // КСИА. – 1968. – Вып. 114. – С. 46–49.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // СА. – 1965. – № 3. – С. 100–113.

Археологические памятники долины р. Подкаменная Тунгуска на территории государственного природного заповедника «Тунгусский» / Макулов В. И., Дроздов Н. И., Привалихин В. И., Леонтьев В. П., Чеха В. П. // Труды ГПЗ «Тунгусский». – Томск: Изд-во НТЛ, 2008. – Вып. 2. – С. 179–182.

Клюев Н. А. Археологическая деятельность Г. И. Андреева в Приморье (к 90-летию со дня рождения ученого) // Россия и АТР. – 2016. – № 2 (92). – С. 183–191.

Суслов И. М. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры // Северная Азия. – 1928. – № 1. – С. 55–63.

Хороших П. П. Археологические исследования на р. Нижней Тунгуске // Доклады историко-археологической секции Восточно-Сибирского отделения ГО СССР. – Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. – 20 с.

G. I. Andreev, P. V. Mandryka¹

¹*Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

ARCHAEOLOGICAL WORKS OF G. ANDREYEV IN NORTHERN DISTRICTS OF MIDDLE SIBERIA

The results of the archaeological research of Gerald Ivanovich Andreev in the northern regions of Central Siberia in the valleys of the Lower Tunguska and Podkamennaya Tunguska, lower course of the Yenisei, held from 1963 to 1968 are given. Many of the monuments were discovered by the scientist himself, and at several points in the village of Tura – they carried out the first stationary excavations. The article reveals the history of discoveries, materials obtained, observations made, ideas expressed and the conclusions of the researcher on the ancient history of hunters and fishermen of the taiga region.

Keywords: archeology, G. Andreev, taiga zone, Yenisei, Podkamennaya Tunguska, Lower Tunguska, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И. Т. САВЕНКОВА (1914 г.)

В статье рассматривается малоизвестный сюжет в истории изучения самой известной палеолитической стоянки на Енисее – Афонтовой горы, открытой 135 лет назад И. Т. Савенковым. Через тридцать лет, в 1914 г., первооткрыватель енисейского палеолита провел свою последнюю экспедицию. Результаты исследований спустя более 100 лет известны лишь частично. Цель данной публикации – показать перспективность архивных изысканий в центральных и региональных архивах для получения целостной картины археологического изучения этого уникального памятника. Показана ключевая роль Т. И. Савенкова не только на этапе полевых исследований, но и в период подготовки научного отчета и сохранения памяти о своем великом отце. В качестве основного источника привлекаются архивные материалы из переписки Тимофея Ивановича Савенкова – сына И. Т. Савенкова, адресованные Б. Э. Петри, Л. Я. Штернбергу, П. С. Уваровой.

Ключевые слова: археология, палеолит, раскопки, Афонтова гора, И. Т. Савенков, Т. И. Савенков, Б. Э. Петри, Л. Я. Штернберг, П. С. Уварова.

Имя Ивана Тимофеевича Савенкова (1846–1914 гг.) занимает достойное место в истории отечественной археологии. В 1884 г. он открыл в окрестностях г. Красноярска палеолитическую стоянку – Афонтову гору, исследования которой продолжаются и 135 лет спустя.

Жизненный путь основателя енисейского палеолитоведения уже нашел отражение в ряде публикаций [Ауэрбах, 1928, с. 163–185; Вдовин, 2006, с. 4–9; Вдовин, Макаров, 1997, с. 34–36; Вдовин, Кочкина, Конохов, 2016, с. 389–393; Вдовин, Подъявилова (Писарева), 2004, с. 346–352; Дэвлет, 1996, с. 68–101; Жук, 2006, с. 8–12; Ларичев, 1969, с. 35–39; Ларичев, 1981, с. 48–95; Макаров, Безызвестных, 1989, с. 43–57; Писарева, Вдовин, 2002, с. 58–60]. Однако мы должны отметить, что изучение истории исследования ставшей всемирно известной Афонтовой горы – не менее захватывающая история, чем изучение самого объекта.

Одним из самых драматичных сюжетов является последняя экспедиция И. Т. Савенкова в 1914 г. Именно на Афонтовой горе Иван Тимофеевич провел последние дни своей жизни. Из публикуемых писем Тимофея Ивановича Савенкова, сына И. Т. Савенкова, адресованных Б. Э. Петри, Л. Я. Штернбергу, П. С. Уваровой, становится понятно, как про-

исходила организация этих исследований и почему результаты столь долгожданных раскопок остаются малоизвестными и не были опубликованы первооткрывателем.

Весной 1914 г. И. Т. Савенков обратился в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях с целью получить возможность проведения широкомасштабных археологических раскопок на Афонтовой горе (приложения № 1, № 2).

Комитет, рассмотрев предложения И. Т. Савенкова, утвердил их в виде отдельной программы и выделил на раскопки 800 рублей. Прежде всего, И. Т. Савенков нашел поддержку в лице В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга с которыми был хорошо знаком в период своей работы в Музее антропологии и этнографии Петрограда. Название документа говорит само за себя: «Программа исследования памятников эпохи палеолита и неолита в окрестностях г. Красноярска» [Радлов, Штернберг, 1914, с. 64–67]. Программа И. Т. Савенкова на 1914 г. предполагала наряду с раскопками на Афонтовой горе провести археологическую разведку по Енисею. В итоге, в конце апреля И. Т. Савенков получил Открытый лист № 245 на раскопки в Красноярском, Ачинском и Минусинском округах (приложение № 3). Однако здоровье Ивана Тимофеевича не позволило полностью осуществить намеченные планы. Только в конце июля он смог приступить к раскопкам под Красноярском.

В связи с этим становится понятной особая роль в раскопках Афонтовой горы Тимофея Ивановича Савенкова. Авторам уже приходилось обращаться к личности младшего Савенкова [Вдовин, Макаров, 2014, с. 82–87]. Он, как и его отец, был незаурядной личностью. Известен карандашный портрет Тимофея, написанный В. И. Суриковым. Кроме того, есть все основания полагать, что фигура Ермака написана знаменитым художником в известной картине «Покорение Сибири Ермаком» также с младшего Савенкова [Макаров, Безызвестных, 1989, с. 43–57]. Т. И. Савенков стал участником первых археологических экспедиций Б. Э. Петри на Байкале, исследующих наскальные рисунки в бухте Саган-Заба. Кроме того, Распорядительный комитет ВСОРГО получил от Т. И. Савенкова фотоснимки с писаницы близ улуса Быркым.

Из приведенной ниже переписки отчетливо проясняется, что Тимофей Иванович был главным помощником в проводимых археологических раскопках Афонтовой горы.

Для раскопок Савенковы выбрали ранее не изученный участок, получивший позже название Афонтова гора III. Спустя многие десятилетия исследователи палеолита Сибири отмечали высокий методический уровень проведенных работ [Ларичев, 1969; Астахов, 1999]. По завершении раскопок Т. И. Савенков информировал в своем письме от 30.VIII.1914 Л. Я. Штернберга, что каждый квадрат включает в себя квадратный метр по

поверхности и 0,25 в глубину. На пакетах с находками обозначен номер разреза, столба, горизонта и номер квадрата. В общей сложности по частям в Петербург было отправлено несколько десятков посылок добытого археологического материала (приложение № 4).

Многочисленные артефакты древнейшей эпохи, найденные *in situ*, стали подлинной наградой многолетним усилиям И. Т. Савенкова по изучению палеолита Енисея. Но эти раскопки стали лебединой песней исследователя. Т. И. Савенков в своих письмах конца августа 1914 г. Б. Э. Петри и Л. Я. Штернбергу отмечал резкое ухудшение здоровья своего отца (приложения № 4, № 8). Как преодолевал свой недуг его отец, он также писал графине П. С. Уваровой: «Уже больной, буквально едва двигаясь, невыносимо страдая иногда от тяжелого недуга и уже чувствуя, наверно, приближение своей кончины, он все-таки взял на себя поручение Академии наук произвести раскопки вблизи Красноярска, блестяще их закончил, дал груду нового материала по палеолитической культуре Енисея и умер через несколько дней там же, в Красноярске, подорвав свои силы» (приложение № 11).

Скончался И. Т. Савенков утром 1 сентября в больнице Красного креста, как было обозначено в заключении врачей, «от порока сердца». Похоронили его с большим почетом. Жители Красноярска знали И. Т. Савенкова не только как археолога, но и как директора Учительской семинарии, актера и режиссера любительской труппы, разностороннего спортсмена, занимавшегося гимнастикой, плаванием, организатором городского тира и хорошим стрелком, профессиональным охотником. Обо всех этих достижениях говорит как приводимая ниже переписка, так и книги самого И. Т. Савенкова по педагогике, истории шахмат, театральные афиши с его участием.

На кончину И. Т. Савенкова многие сибирские газеты и центральные издания опубликовали некрологи и другие материалы, посвященные ему [Козьмин, 1914; Ландарма, 1914; Савенков, 1914, с. 3; Настоящий археолог..., 1914, с. 2; Сибирская жизнь, 1914; Сибирская мысль, 1916].

После смерти отца сын взял на себя труд написания научного отчета, который позднее был частично опубликован в журнале «Сибирская летопись» [Савенков, 1916, с. 247–257].

Т. И. Савенков был также знаком с Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским и В. И. Грозовым, которые проводили исследования на Афонтовой горе в 1923–1926 гг. Он неоднократно посещал их раскопки и поддерживал связь с руководителями археологического кружка им. И. Т. Савенкова, писал письма самим кружковцам. При этом первый, черновой вариант письма в РКИСВА (Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии) был передан Т. И. Савенковым в 1920-е гг. Н. К. Ауэрбаху и хранился в семейном архиве.

Позднее он был передан в Красноярский краевой краеведческий музей сыном Н. К. Ауэрбаха – Константином Николаевичем вместе с рядом других рукописных материалов.

Второй вариант письма недавно обнаружен в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, в материалах фонда 148 РКИСВА (1903–1921)¹.

Сам Тимофей Иванович в 20-е гг. работал в советских учреждениях г. Новосибирска, опубликовал в журнале статью о Байкале [Т. С. (Тимофей Савенков)..., 1925, с. 16–17]. В 1938 г. он был арестован и обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 8 апреля 1938 г. в Московской области. Реабилитирован в июне 1957 г.².

Приложение № 1

В Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии.

Собранный мною в 80-х гг. пр. столетия материал по палеолиту на Енисее, полностью принесенный в дар Академии наук, как я убедился при обработке его, действительно нуждается во многих разносторонних (не только антропологических) дополнительных исследованиях, требующих, быть может, и настоячивых раскопок.

Программы и инструкции того времени далеко не отвечают всем современным требованиям. Изучение последних работ по палеолитической эпохе, имеющихся в библиотеке Музея Антропологии, как нельзя более убеждает в этом.

Особенно нуждается в дополнениях и некотором освежении физико-географического очерка к описанию памятников культуры, в котором, для выяснения особенностей в ходе ледниковых явлений, денудации и долинообразования, к описанию самого местонахождения памятников палеолитической культуры и костей – кухонных отбросов животных, – необходимо присоединить и краткое резюме орографических и геологических особенностей в строении верхней части долины Енисея, по которому есть основание заключать о некоторой устойчивости преобладающих местами большую или меньшую региональность в отложении продуктов геологической деятельности атмосферы и воды. Исследований в вышеотмеченном направлении за последние десятилетия не производилось, и пополнить библиографически указанные пробелы в моих старых материалах невозможно.

Недавнее усовершенствование в отмучивании глин, доложенное 10 ноября в Парижской академии наук проф. Мюнц (Münz) и Годпшон (Gaudtchon), отныне обязывает и антропологов, и археологов, встречаясь с различными глинами, лессом и лессовидными суглинками, брать надлежащим образом их образцы для отмучивания при возможно большем разводнении глин. Тогда частицы глин плавают в небольшом отдалении одна от другой: они остаются обособленными, а не сближаются и не слипаются друг с другом.

¹ Радлов В. В., Штернберг Л. Я. Программа исследования памятников эпохи палеолита и неолита в окрестностях г. Красноярска // ИРКИСВА (Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях). СПб., 1914. Сер. 2. № 3. Проток. С. 64–67.

² Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] // lists.memo.ru [официальный сайт]. URL: <http://lists.memo.ru/d29/f20.htm> (дата обращения: 12.04.2019).

Если микроскопические исследования производятся над большим процентом слипшихся частиц, то это обстоятельство больше всего замаскировывает настоящее строение глины и не дает возможности различать сходные глины и устанавливать с полной точностью индивидуальность каждой глины.

Если техника отмучивания глин и их микроскопического исследования может быть доведена до совершенной точности, дающей теперь возможность устанавливать индивидуальность каждой глины с такою же достоверностью, с какою антропологические измерения устанавливают индивидуальность каждого человека, то можно надеяться, что разрешение вопросов о суб-аквальном и суб-аэральном (эоловом) отложении глин для геологов будет скоро поставлено на научные основания, и существующия на этот счет разногласия значительно ослабеют.

Значительная часть склонов Афонтовой горы теперь застроена, но для раскопок можно еще найти подходящие места. Работать придется конными тачками на окраине городского предместья. Очень затруднительно определить заранее стоимость работ, она может быть очень значительною, даже взяв небольшую площадь для достаточно глубокой выемки. Конечно, для обследования белой мергелистой глины, включающей в себя кости вымерших послетретичных животных, мы используем известные нам старые выработанные разрезы, из которых буровато-желтая кирпичная глина уже удалена.

Вот причины, по которым физико-географический очерк, составленный по старым материалам и дневникам 80-х годов, мы затрудняемся представлять к печатанию, особенно когда представляется возможность в пределах средств, и времени, и сил исследователя собрать дополнительные материалы не только по палеоэтнологии, геологии, но и по климату, обусловившему и иное течение ледниковых явлений в Сибири, чем в России.

Изучение ледниковых явлений началось в горных альпийских странах полуостровной части Европы, там они наилучше изучены, там установлены ледниковые и межледниковые эпохи, там впервые сложились многие устойчивые научные воззрения и воспринимались и ныне нередко воспринимаются исследователями других стран, с иным строением поверхности, иногда имеющих и равнинный характер. Это имеет свои выгоды: при забвении некоторых гипсометрических и климатических условий приводит к научным недоразумениям и к ошибочным предвзятым взглядам. Многие забываются, что в альпийских странах климатический масштаб поставлен вертикально, а на равнинах и низменных местностях они лежат горизонтально: вследствие чего, некоторые ледниковые эпохи оставили свои следы только в гористых местностях, совершенно не спускаясь в равнины.

Уменьшение влажности в ледниковые эпохи в центрах континентов также нередко оставляется без внимания.

В особенности денудации, долинообразования, отложения наносов и образования террас (развития и накопления) нагляднее усваиваются на хороших стереоскопических снимках. Такой аппарат, вполне исправный, с достаточным числом кассет, отчетливо работающий, в данном случае настоятельно необходим. Большое количество снимков с типичнейших местностей легко будет восприняты смотрящим, научное значение каждого снимка выясняется в нескольких словах – длинные специальные объяснения будут совершенно излишни.

Раскопки в нескольких местах необходимо сделать и на противоположной стороне Енисея, вблизи рек и в нескольких верстах от Енисея на террасах и на склонах к ним. Спуститься ниже Красноярска придется не далее с. Атамановского.

После этого экспедиция спустится на пароходе до с. Новоселовского, и через с.с. Анаш и Карасук выйдет на с. Батенское. Дюнная местность между последними селениями будет подвергнута тщательному обследованию для заложения раскопок на до-курганное неолитическое или переходное к меди поселение.

Через Лепехину экспедиция пройдет через с.с. Беллык и Байкалово в окрестности Копен, где на дюнах следует сделать раскопочные поиски на древнее (до-курганное) поселение.

Осмотр окрестностей Усть-Сыды будет направлен на ознаменование с местонахождениями костей вымерших животных, находимых и выше по Сыде, берега которой в соответственных местах будут исследованы – до с. Большой Идры и д. Адрихи. Будут произведены раскопки, более обширные будут поставлены в местах, подающих наибольшую надежду на нахождение антрополого-археологических предметов.

С Сыды экспедиция перейдет на р. Шуш и от с. Старо-Кнышинского сперва направится на восток, до д. Чердаки, затем повернет на юг, на р. Ирбу, и осмотрит берега этой речки и ее притоков, особенно р. Грязнуху и ее окрестности. На Тубе, в окрестностях с.с. Курагинского и Кочергино, местонахождения будут обследованы и экспедиция, осмотрев таковые же попутно по р. Жарлык и в окрестностях Большой Нички, возвратится в Минусинск.

Маршрут от Новоселовой по берегу Енисея, по Сыде и Ирбе, через Тубу, между с.с. Курагинским и Кочергиным будет около 350 верст. На две подводы около 40 р., не считая расходов на местные экскурсионные поездки. Предвидеть последние расходы весьма трудно. Маршрут обилен местонахождениями костей вымерших животных, местность не подвергалась обследованию, трудно предугадать, что может прибавиться в антрополого-археологических программах, предварительно составленных.

Но если бы расходы на предприятие в Минусинском уезде оказались рублей на 200 с небольшим и более, то научные результаты, несомненно, будут более значительны уже потому, что будут возможны некоторые сопоставления двух озеровидных котловин долины Енисея: Красноярскою и Минусинскою, разделенных верст на 75 почти горною пустынною странюю. Они отличаются по геологическому строению и по географическим условиям, а главное, по составу и расположению наносов; денудация в южной котловине проходила, видимо, несколько иначе, чем в северной. Какие указания на особенности в расположении следов палеолитической культуры даст южное расширение долины? Спускаются ли стоянки к берегам Енисея или поднимаются на верхние террасы размытия? Причины этих особенностей?

И с точки зрения, вопрос о констатировании и хотя бы о предварительном выяснении особенностей палеолитической культуры в Минусинском крае едва ли возможно признать преждевременными, напротив, производство работ одним и тем же исследователем дает некоторые шансы на больший успех; одновременность обработки и обозрения коллекций в значительной степени облегчает научные сопоставления.

Лично о себе позволю сказать, что после тяжелой болезни, которую пришлось перенести, врачами рекомендовано мне воздержаться о физического утомления – только это указание вынуждает меня высказаться за 2-го помощника. Но принять во внимание серьезные требования, которые будут предъявлены к фотографической работе 1-го помощника, помимо экспедиционных и других коллекторских обязанностей, 2-й помощник является далеко не излишним, тем более что в свободное от раскопок время в соответственных местностях будут делаться экспедицией сборы различных естественно-исторических коллекций. Минусинский Мартяновский музей имеет на жаловании препаратора, опытного и бывавшего в путешествиях, я буду хлопотать о его прикомандировании, но продовольственная часть должна несколько увеличиться. Раскопки и экскурсии по геологии, по сбору образцов глин и различных общих естественно-исторических материалов, этикетирование, ремарки, дневники, укупорка научной добычи увеличит продолжительность путешествия; экономическая торопливость может вредно отозваться на коллекциях и ухудшит их монтировку.

Вышеизложенные нужды сильно озабочивают меня и вынуждают доложить о крайней необходимости несколько увеличить предложенную сумму (600 р.) хотя бы на 200 р., чтобы обезопасить экспедицию от нежелательных материальных затруднений и не повредить успешному ходу ее работ.

С.-Петербург. 24 февраля 1914 г. Ив. Савенков

(Машинопись, черновик)

КККМ, б/н

Приложение № 2

В Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии.

Памятники палеолитической культуры на Енисее, близ Красноярска, извлечены из верхних слоев леса, из буровато-желтой глины, годной для выделки кирпичей. Но кости вымерших животных и орудия встречаются глубже, в подстилающем слое, в беловатой мергелистой глине.

По неимению средств, я не имел возможности своевременно углубиться в подстилающий слой, где должна находиться более древняя культура.

Хотя наиболее интересные по прежним находкам части склонов Афонтовой горы уже застроены, кирпичные сараи и выработки глины давно прекращены на этих местах, но, по воспоминаниям, по дневникам, по планам, составленным мною в 80-х гг. пр. ст. и по расспросам, можно выбрать подходящие старые выработки без верхнего слоя глины.

Но, мне кажется, было бы не основательно уклониться от разведочных попыток на поиски очагов или стоянок в точном смысле этого слова. Конечно, эти поиски рискованные и трудные, они потребуют от Комитета несколько больших расходов, а от экспедиции наиболее внимательной и усиленной деятельности, но, при удаче, наука может обогатиться не только археологическими, но и антропологическими материалами.

Проработав вблизи Красноярска не менее 4 недель, экспедиция передвинется на пароходе в окрестности с. Батеневского. Обширное пространство, занимаемое дюнами в окрестностях этого селения, потребует для более обстоятельного обследования не менее

4 недели. На более древних дюнах будут произведены раскопки в расчете на неолитическую эпоху.

Из приложенной при этом сметы, при одном помощнике и при постоянном слуге при научном багаже экспедиции, видно, что более или менее обстоятельные исследования и раскопки при ассигновании в 600 р. провести нет возможности. Цены на продовольствие и на рабочие руки в Красноярске довольно высокие. Если оба научных предприятия Комитет найдет заслуживающими внимания и поддержки, то ассигнование на них необходимо увеличить, по меньшей мере, на 200 рублей.

С.-Петербург. 12 марта 1914 года.

Ив. Савенков

(Машинопись, оригинал)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 76. Л. 16

Приложение № 3

№ 245

25 апреля 1914 г.

Открытый лист И. Т. Савенкову для производства раскопок в Красноярском, Ачинском и Минусинском округах.

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 82. Л. 82

Приложение № 4

Красноярск 30/VIII-[1]914

Милостивый Государь Лев Яковлевич*

Отец мой Иван Тимофеевич Савенков в настоящее время опасно болен и лежит в больнице Красного Креста, о чем, когда еще в сознании, просил уведомить Вас.

Раскопки на Афонтовой горе мы уже закончили и осталось только упаковать и отправить Вам предметы раскопок и вещи. 20-го августа я сдал на почту 20 посылок с предметами раскопок за №№ от 1-го по 20-ый.

И еще будет около 10 ящиков предметов раскопок.

Предметы укупорены в пакеты, на которых обозначен № разреза, столба, горизонта (причем горизонт считается от поверхности мергелистой глины) и № квадрата.

Каждый квадрат заключает в себя квадратный метр по поверхности и 0,25 в глубину.

Чертежи разреза с объяснениями нашей нумерации, а также фотографические снимки работ будут мною представлены Вам, как только нам удастся переехать в Минусинск.

Отец еще раньше просил меня написать Вам, что подробный отчет и описание раскопок он составит в Минусинске, но я боюсь, что этот отчет придется составлять мне, постараюсь сделать это возможно точно и подробно и надеюсь, что Вы пришлете мне соответствующие указания о промахах и пробелах в моем отчете. Не знаю, как поступить

* Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927) – российский и советский этнограф, член-корреспондент АН СССР. В 1914 г. секретарь Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Автор некролога [Штернберг, 1916, С. 1–16].

с лопатами, кайлами и палаткой. Отсылка их почтой громоздка и неудобна к упаковке, не лучше ли будет их передать на хранение в здание Красноярского музея.

Будьте добры прислать мне в Красноярск по следующ[ему] адресу: Садовая ул. Батальонный переулок д. Шепитковского. Н. А. Шепетковскому – для передачи мне этикеток для бесплатной посылки Вашему Музею, т. к. оставшихся у отца 15 штук может не хватить.

Коллекцию, собранную нами, отец находит более богатой, чем его прежняя.

Уважающий Вас Тимофей Иванович Савенков

(Рукопись, оригинал)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 120–120 об.

Приложение № 5

Красноярск 8/IX-[1]914

Многоуважаемый Лев Яковлевич

6-го сентября мною отправлены еще 15 посылок на имя Музея Антропологии и этнографии за №№ от 21 по 36 включительно.

Материалы раскопок выслал уже все. Высланы также веревочная лестница, другие вещи оставлены мною пока в Красноярске. А именно 7 шт. лопат, 4 ножа, 4 совочка, 1 кайла (1 утеряна рабочими), 1 палатка с палками и кольями, 1 брезентовый пол к ней, 1 веревка с хомутом д[ля] веревочной лестницы, сетка для грохотов, колышки с №№ д[ля] раскопок и кажется все.

Ручная пила, топоры и мелкий столярный инструмент представляют собственность отца, если не ошибаюсь, и поэтому я беру их с собой в Минусинск.

Не знаю Ваш или папин термостат бутылка. Вообще прошу выслать мне подробный список вещей Академии наук, числящихся за отцом.

Аппарат со всеми принадлежностями я беру с собой впредь до Вашего распоряжения, как уже писал Вам.

По деньгам я знаю, что отец израсходовал на экспедицию около или более 800 рубл[ей], ассигнованных ему Акад[емией] наук. Расходы у меня записывались, но так как часть расходов должна ложиться на нас, то выяснить наш перерасход я могу только в Минусинске или на руд[нике] Улень, где у меня будет для этого свободное время. После смерти и похорон отца я остался совсем без денег, были еще расходы, связанные с экспедицией (квартира, ящик, ломовики для перевозки посылок и наших, и экспедиционных вещей, наконец мое содержание здесь и дорога обратно до Минусинска (мне приходилось занимать для этого, следовательно, нужно отдавать). Так что если бы и не оказалось перерасхода, в чем я сомневаюсь, то я надеюсь что эти расходы хотя бы в виде платы за мой труд при раскопках, который я раньше работой не считал, не имея в нем надобности при жизни отца. Теперь должен существовать только своим заработком. Когда несколько устроюсь, буду очень рад принять на себя какое-либо поручение Музея без вознаграждения себе.

Вещи, находящиеся в Красноярске, будут у Влад[имира] Ник[олаевича] Англярева, ученика землемерного училища, нашего верного помощника, которому я остался еще

должен за работу 6 р. 10 коп. и который по получении от Вас денег на упаковку и подвоз до почты или ст. жд., если Вы пожелаете отправить малой скоростью. Что будет удобнее, их Вам вышлет.

Самая интересная вещь: диск из агальматолита с изображением солнца, костяной нож и костяная игла находятся в посылке № 31. Веревоочная лестница № 30.

Будьте добры ответить мне возможно скорее по адресу: Минусинск. Аптека Мартяновой или недели через 2: рудник медный Улень, Минусинского уезда.

Сообщите также, могу ли я ставить в расходы экспедиции лечение отца, хотя бы часть этих расходов.

Вообще, если у Вас или у Музея Антропологии и этнографии есть какие-либо дела, касающиеся отца, то с удовольствием постараюсь их исполнить.

Всегда готовый к Вашим услугам Т. Савенков.

Адрес Вл. Н. Англярева:

Красноярск, Садовая ул. уг[ол] Батальонного пер[еулка] дом Н. А. Шепетковского.

(Рукопись, оригинал)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 129–130

Приложение № 6

Отец умер первого. Похоронили третьего. Савенков.

Петроград. Академия наук. Штернбергу.

(Телеграмма, оригинал)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 135

Приложение № 7

№ 315

9 сентября 1914 г.

Шепетковскому для Савенкова.

Красноярск.

Садовая. Батальонный переулок.

Сообщите здоровье отца, тревожимся, палатку, прочее пока оставьте [в] Музее. Бланки высылаем. Спасибо [за] заботу. Штернберг.

(Копия телеграммы)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 82. Л. 138

Приложение № 8

Красноярск 27/VIII-[1]914

Многоуважаемый Бернгард Эдуардович^{*}

Благодарю Вас за память обо мне. Все собирался написать Вам, но был очень занят – отец хворает и мне пришлось опять воротиться. Раскопки у нас закончились очень удачно, только не удалось найти самого человека. Пожалуй, можно бы наверняка найти, если бы найти возможность шире поставить работы и вынуть больше земли. Коллекцию собрали очень хорошую. И еще осталось много лежать, что можно разобрать.

Мое положение с переездом в Минусинск изменилось к лучшему. Хорошо зарабатывая и живя в Минусинске все-таки нельзя (не ясно. – *А. В., Н. М.*).

Аппарат действует отлично. Думали мы с папой раскопать, что-то около Батеней, но папино здоровье не позволяет этого. Он сейчас лежит в больнице Красного Креста. Здоровье ухудшается, т. к. около раскопок пришлось жить в оч[ень] плохих для него условиях.

С удовлетворением вспоминаю нашу стоянку на Байкале, хотя иногда бывало скверно, но это забывается.

В нашей коллекции подъемного материала почти нет – все по квадратам $\square$ m^2 0,25 м в глубины. И только в цельных нетронутых слоях мергелистой глины.

Вещи в смешенной земле мы считали подъемным.

Если у Вас, Бернгард Эдуардович, будет какая н. б. еще экспедиция в Сибири, возьмите меня в качестве помощника. С удовольствием поеду в Монголию, на Байкал, на Алтай и проч., буду достойным помощником, если только не нужно будет так усиленно работать лопатой, как около Ольхона.

Мой адрес: Минусинск, Аптека Е. К. Мартыановой, для меня. Если будет время – черкните.

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающий Вас Тимофей Савенков

(Рукопись, оригинал)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 136–137

Приложение № 9

Красноярск 3/IX-1914 г.

Многоуважаемый Лев Яковлевич

С прискорбием должен сообщить Вам, что отец мой Иван Тимофеевич Савенков скончался 1-го сентября в больнице Красного Креста. Похоронили его сегодня с большим почетом, было много знавших его, для которых была дорога память о нем. Жалею и чувствую себя виноватым, что тогда же не известил Вас телеграммой, м. б. Музей антропологии и этнографии тоже пожелал бы возложить венок на его гроб.

^{*} Петри Бернгард Эдуардович (1884–1937), этнограф, археолог, историк. В 1914 г. работал в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук. В 1912, 1913 гг. совершил археолого-этнографические экспедиции в Прибайкалье, в 1913 г. с участием Т. И. Савенкова.

Прошу Вас дать лишь инструкции, как поступить дальше с делами экспедиции. Отчет придется составлять мне по заметкам, оставшимся после отца, и по своим личным чертежам разрезов, приблизительный план, фотографии, описание содержимого пакетов, описание самих работ, денежный расчет я сделаю, когда закончу дела с квартирой, вещами и библиотекой отца.

Здоровье отца было все время слабо. На раскопках пришлось жить в очень плохих для него условиях, т. к. я просил положить его в Красный Крест просто ч. б. он отдохнул перед дорогой в Минусинск, потом неожиданно наступило ухудшение, и он умер.

Из составленной сметы в 800 рубл[ей] мы вышли отчасти благодаря постоянному нездоровью отца, отчасти потому, что были совершенно непредвиденные расходы. Мне очень трудно было бы даже похоронить его, если бы не родные, оказавшиеся в Красноярске, у которых пришлось занять. Сумма перерасхода выяснится из отчета, который я составляю для Вас, и я надеюсь, что Музей антропологии и этнографии не откажется принять на себя наш перерасход. Затем я прошу оценить в сколько н. б. свой труд на раскопках и теперь по составлению отчетов, так как мое денежное положение сейчас плохо, я могу существовать только на свой заработок, которого пока у меня нет, и очень не хотелось бы приступать к продаже его вещей.

Почти вплотную с тем местом, где нами были вынуты лучшие находки во дворе «Об-ва Вылк», будут копать широкий подвал для бочек с керосином. Было бы очень удобно взять на себя подряд на копание этого подвала, вынимать землю квадратами, как на раскопках, и большая часть расходов, таким образом, вернулась бы. Место это в археологическом отношении, безусловно, интересное, с чем соглашался и папа. В день похорон я получил на имя папы от г. С. Сергеева, который просил папу осмотреть найденную им на правом берегу Енисея против города интересную стоянку каменного века^{*} под толщей наносов дюнного песка. Тип орудий древний, масса разнообразных костей видов оленей, следов кострищ, керамика отсутствует.

Постараюсь на этих днях осмотреть это место, сфотографировать и написать подробно о нем в отчет Музея. Если удастся, возьму образчик.

На днях закончу отправку вещей Вам, часть вещей тяжелых и громоздких как, напр[имер], лопаты и проч[ее]. Прошу принять на хранение в местный музей, если Вы согласны на такую комбинацию. Отправлять их в Питер по почте было бы неудобно.

Аппарат и оставшиеся пластинки впредь до Вашего распоряжения оставляю у себя. М. б. Вы найдете возможность поручить мне какую н. б. работу в Минусинском уезде, и тогда они лишь будут нужны. М. б. велите передать их кому н. б. здесь в Минусинске и Красноярске.

Я думаю зимой на довольно продолжительное время попасть на рудник (медный) Улень Минусинского уезда. По рассказам инж[енера] Делярю, там есть старая чудская выработка, где им подняты каменные орудия и деревянные лопаты того же времени, прекрасно сохранившиеся во льду. Это было бы интересно осмотреть и немного покопаться там.

^{*} Переселенческий пункт.

Жду Вашего ответа. Мой адрес пока Минусинск, куда я на днях выезжаю.

Уважающий Вас Тимофей Савенков

(Рукопись, оригинал)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 126–128

Приложение № 10

Рудник Улень, Минусинского уезда 12.10.[1]914

Уважаемый Лев Яковлевич

Ваше письмо от 17 октября получил. Сердечно тронут Вашими теплым отношением к смерти отца, очень благодарю Вас за присланные экземпляры «Речи» с некрологом отца.

Рукописи и записки его о прежних раскопках на Енисее, а также список книг его библиотеки могу прислать только на Рождество, когда я смогу съездить в Минусинск и разобраться в его библиотеке, которая находится сейчас в музее. Относительно продажи книг Вашему Музею я спишусь с сестрой, которая живет сейчас в Петербурге, и тогда пришлю ее к Вам для переговоров.

В своем письме из Красноярска я, кажется, писал о вознаграждении себе за труд по экспедиции. Я тогда был в очень плохом денежном положении, к тому же не мог получить на похороны отцовской пенсии за последний месяц, на которую рассчитывал, и остался без денег и без работы. Теперь я вполне устроился и очень благодарен за Ваше предложение помочь мне, и прошу Вас, если найдете возможным, вернуть сейчас мои расходы, относящиеся к экспедиции, которые я сделал после смерти отца. Список расходов при сем прилагается.

Я совершенно не имел времени после отъезда из Красноярска, числа 15 сентября, заняться делами экспедиции. Т.[ак] ч.[то] денежного отчета еще не сделал. Теперь свободное время посвящу делам отца и, главным образом, составлению отчетов этой экспедиции.

Я составляю чертежи наших раскопок, дам фотографии, затем таблицы содержания предметов по квадратам. Все предметы раскопок перед отправкой пересчитаны и переписаны. Наиболее интересные находки отцом описаны.

Так как отец на самих раскопках по болезни бывал изредка, то дневник работ вел я; постараюсь составить его насколько сумею, научно и представлю на Ваше усмотрение.

Фотографический аппарат сейчас находится у меня, большая часть пластинок осталась неиспользованной и находится сейчас в Минусинске. Их около 40–50 дюжин. На упаковку и доставку аппарата с принадлежностями потребуется рубля 2–3. Это вышлите после того, как я составлю общий денежный отчет по экспедиции.

Вещи в Красноярске я оставил не в музее, п.[отому] ч.[то] не было тогда г. заведующего^{*}, а у В. Н. Англярева. В сохранности их я вполне уверен.

Очень прошу подтвердить получение ящика № 31, содержащего самую ценную находку – солнечный диск, который я перед отсылкой не снял, о чем очень жалею.

^{*} А. Я. Тугаринова.

Еще раз, на всякий случай, прошу выслать бланки д. посылок и пакеты.

На медном руднике Улень, где я сейчас служу, встречаются чудские выработки меди. В одном забое на глубине 6 саженей найдены орудия их работы: часть большого каменного молота и деревянные лопаты, хорошо сохранившиеся благодаря тому, что находились в вечной мерзлоте. Найдено также неизвестного назначения каменное орудие и шлак при плавке меди. Если желаете, я пришлю их Вам и составлю описание этих выработок.

Биографические и библиографические данные об отце затрудняюсь сейчас сообщить Вам, т. к. боюсь неточностей. Перед самым отъездом на раскопки отец по просьбе Императорского археологического общества составил и послал свою биографию, в которой подробно и точно перечислены его работы. Советую обратиться туда, т. к. черновик этой биографии я могу найти тоже только на Рождество. Посылаю при этом фотографическую карточку. Искренне Вас уважающий Тимофей Савенков.

Мой адрес: почт.[овое] отд.[еление] Улень, Минусинск.[ого] уезда.

PS Не купите ли Вы у меня отцовский барометр?

(Рукопись, оригинал)

СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 160

Приложение № 11

р. Улень 12/X-[1]914 г.

Ваше Сиятельство Прасковья Сергеевна*

Письмо Ваше от 19/IX мною получено. Глубоко тронут Вашим сердечным отношением к смерти отца и к нашему горю. Я знаю от отца о Вашем хорошем отношении к отцу и думаю, что Вам тоже тяжело было узнать о его кончине.

Папа умер неожиданно для меня. Он был вообще очень плох, доктора говорили, что у него весь организм расшатан. Эта резкая перемена в его здоровье произошла после смерти матери, к которой он был очень привязан. Мы только что закончили раскопки, где он собрал много драгоценного, как он сам говорил, материалы палеолитической стоянки. По совету врача и по моей просьбе он лег в больницу Красного Креста, где ему было несравненно удобнее, чем в маленькой квартире около раскопок без всяких необходимых в его состоянии удобств. Через несколько дней мы должны были ехать обратно в Минусинск. Он был бодр и доволен своим перемещением. Числа 26 августа у него поднялась температура, с этого времени он был в полубессознательном бредовом состоянии. Доктора говорили, что он не страдал. Умер он 1-го сентября утром. Последние дни я был около него. Доктора причины повышения температуры и смерти не могли определить. В свидетельстве о смерти врач написал «умер от порока сердца». Похоронили с большим почетом. Было много знавших его, пожелавших почтить его память. Было много венков, было бы еще больше, наверное, если бы некоторые лица и ученые учреждения в России знали об этом. В церкви член В.[осточно] С.[ибирского] Отд.[ела] Имп.[ераторского] Русс.[кого]

* Уварова Прасковья Сергеевна (1840–1924) – графиня, русский ученый, историк и археолог. В 1914 г. – председатель Императорского Московского археологического общества.

Географич.[еского] О[бщест]ва Н. Н. Козьмин* сказал хорошую речь, которая мне очень понравилась. Он собирается поместить ее в «Сибирской жизни» [Савенков, 1914] и прислать мне номер. Я тогда перешлю его Вам, т. к. мне кажется, что это будет лучшая характеристика отца. Гроб из церкви на кладбище донесли на руках.

Отчет о последней экспедиции Музею антропологии и этнографии взялся составить я, – не знаю насколько мне это удастся. С денежными затруднениями мне удалось устроиться, сам я поступил на службу на медный рудник. Осталась только неустроенной младшая сестра Анна, она учится на Стебутовских [высших женских] сельскохозяйственных курсах, у нее ребенок – девочка лет 6. Ее положение очень плохо, тем более что братья и оба мужа старших сестер на войне. Она хлопочет сейчас о пенсии.

Могу ли я написать ей, что в случае, если ей понадобится какая-либо поддержка в этих хлопотах, – она может обратиться к Вам, Ваше Сиятельство. Я буду очень признателен, если Вы найдете возможность сделать что-либо для сестры в этом смысле.

Относительно некролога, я очень затрудняюсь составить его сам. Его биография, составленная им самим перед самым отъездом на раскопки была им послана Императорскому Моск[овскому] Археологическому О[бщест]ву. М. б. кто н. б. из близких к Вашему С[иятельству] думает составить такой некролог, и для этого я пишу эти заметки, которыми он мог бы воспользоваться.

Трудно сразу охватить все те области, которыми интересовался отец, и не только интересовался, а углублялся, работал в них с большой настойчивостью и постоянством. Он вообще был удивительно работоспособный человек. Даже дома его никогда нельзя было увидеть незанятым. Рабочий день его начинался часов в 6 утра, когда еще никто в доме не вставал. Отдыхал он обычно с шахматами-книжкой в руках, разбирая различные партии и задачи.

Он был хороший спортсмен, занимался гимнастикой, был почти атлет. Хороший пловец. В Красноярске старые обыватели знают его, что «это тот, который переплывал Енисей». Он делал большие расстояния вплавь, верст по 20 (из Овсянки в Кр[аснояр]ск) и больше. Охотой он не просто увлекался, а изучил ее, усовершенствовался в ней. Вступил в артель крестьян – профессионалов охотников и уходил с ними на промысел в глубокую тайгу. Отличный стрелок, он был вполне уверен в своем выстреле и на медведя ходил один с проводником. Иногда рассказывал из жизни тайги, рассказывал прекрасно с большим знанием психологии зверей – обитателей тайги, с глубоким чувством любви к природе.

Любил сцену, изучал декламацию, был режиссером большой любительской труппы в Красноярске. Сам прекрасно играл. Красноярцы еще помнят его в коронной роли Любима Торцова. Хорошо декламировал, любил читать в небольших кружках, иногда выступал публично.

В Красноярске он был директором Учительской семинарии. Удивительная духовная связь существовала у него с учениками. Много лет спустя в глухих уголках Сибири мне приходилось встречать его учеников – учителей. Они всегда с любовью вспоминали

* Козьмин Николай Николаевич (1872–1938) – российский историк и этнограф, общественно-политический деятель. В 1914 г. член Красноярского подотдела Русского географического общества.

его и хорошо относились ко мне только потому, что я – сын Ивана Тимофеевича. В области педагогики – его большой напечатанный труд: «Учитель» [Савенков, 1891; 1892]. Был большим поборником физического воспитания. Часто устраивал загородные прогулки семинаристам, организовывал физические игры, состязания в беге, плавании, в стрельбе из лука и т. д. По его почину в Красноярске был устроен «Тир», сад для всякого рода физических развлечений и упражнений как молодежи, так и взрослых, который вскоре после его отъезда прекратил свое существование.

Шахматистом он был сильным игроком. И в этой области он занимался исследованием – его напечатанный труд: «Эволюция шахматной игры на Востоке» [Савенков, 1905].

Но главная область, в которой он всю жизнь с молодых лет работал, которой посвятил больше всего труда и энергии, в которой составил себе имя ученого, это археология. Не мне судить о его заслугах в этой области, предоставляю здесь людям компетентным.

Уже больной, буквально едва двигаясь, невыносимо страдая иногда от тяжелого недуга и уже чувствуя, наверно, приближение своей кончины, он все-таки взял на себя поручение Академии наук произвести раскопки вблизи Красноярска, блестяще их закончил, дал груду нового материала по палеолитической культуре Енисея и умер через несколько дней там же, в Красноярске, подорвав свои силы.

Это был прекрасный человек, исследователь, своеобразная, сильная личность.

Я сознаю, что все это слабо, что многое нужно расширить, исправить, но я думаю, что и это может служить материалом для его характеристики.

Буду очень рад, если еще чем н. б. могу быть полезен для составления некролога.

Нужно еще упомянуть, что по поводу настоящей войны он определенно высказывался, что «немцев нужно разгромить». Я еще не упомянул, что он интересовался и работал по геологии.

Мой адрес: почтов[ое] отд[еление] Улень, Минусинского уезда.

Примите уверения в моем совершенном к Вам уважении

Тимофей Савенков

(Рукопись, оригинал)

ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 596. Л. 27–31 об.

Приложение № 12

Улень 17/XII-[1]914

Многоуважаемый Лев Яковлевич

Ваше письмо от 5-го декабря и 75 рублей получил. Благодарю Вас. Сегодня я уезжаю в Минусинск, так что аппарат и принадлежности к нему пришлю только по возвращении, т. к. нет под рукой готовых ящиков. Тогда же вышлю и орудия из древних выработок меди. Пластинки вышлю из Минусинска. Рукописи отца буду разбирать в Минусинске и все, что относится к палеолиту на Енисее, вышлю. Описание наших раскопок у меня почти готово, вышлю их после Рождества. Я просил еще бланков для бесплатной пересылки

посылок на имя Вашего музея, т. к. на почте создаются из-за этого затруднения. Еще раз благодарю Вас за добрую память об отце.

Искренне Вас уважающий Т. Савенков
(Машинопись, оригинал).
СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 83. Л. 167

Приложение № 13

Копия

№ 149

С.-Петербург 14 апреля 1915 г.

В Красноярский Городской музей.

Русский Комитет имеет честь, покорнейше просит Красноярский Городской музей не отказать выслать оставленные осенью 1914 г. на хранение Т. И. Савенковым лопаты, кайлы, палатки по следующему адресу: село Ермаковское, Минусинского уезда, Енисейской губ., Александру Васильевичу Адрианову. Расходы по отправке и упаковке Комитет берет на себя.

Секретарь под. Л. Штернберг.
(Машинопись. На бланке Музея антропологии и этнографии)
СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 54

Приложение № 14

Копия

№ 150

С.-Петербург 14 апреля 1915 г.

Уважаемый Тимофей Иванович

Будьте любезны распорядиться, чтобы все вещи (лопаты, кайлы, палатки и пр.) были пересланы из Красноярского Городского музея, где Вы их оставили, в село Ермаковское Минусинского уезда Енисейской губ., Александру Васильевичу Адрианову.

подп. Б. Петри
(Машинопись. На бланке Музея антропологии и этнографии)
СПбФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 85. Л. 55

Список источников

Радлов В. В., Штернберг Л. Я. Программа исследования памятников эпохи палеолита и неолита в окрестностях г. Красноярска // ИРКИСВА (Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях). – СПб., 1914. – Сер. 2. – № 3. Проток. – С. 64–67.

Список литературы

Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в Красноярске. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 208 с.

Ауэрбах Н. К. Первый период археологической деятельности И. Т. Савенкова // Ежегодник государственного музея им. Н. М. Мартянова. – 1928. – Т. VI. – С. 163–185.

Вдовин А. С. Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И. Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В. И. Громова. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2006. – Т. 1. – С. 4–9.

Вдовин А. С., Кочкина Е. И., Конохов В. А. Савенков И. Т. и проектирование железных дорог в Сибири в начале XX в. // История техники и музейное дело: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Политехнический музей, ИИЕТ РАН, Ассоциация «АМНИТ», 2016. – Вып. 8. – С. 389–393.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Археологические карты И. Т. Савенкова // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – С. 34–36.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Афонтова гора. 1914 г. Отец и сын Савенковы // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: Памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 82–87.

Вдовин А. С., Подъявилова (Писарева) Г. В. Педагогическая деятельность И. Т. Савенкова // Научный ежегодник КГПУ. – Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. – Вып. 4. – Т. II. – С. 346–352.

Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XX вв.). – М.: ИА РАН, 1996. – 250 с.

Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] // lists.memo.ru [офиц. сайт]. URL: <http://lists.memo.ru/d29/f20.htm> (дата обращения: 12.04.2019).

Жук А. В. Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – С. 8–12.

И. Т. Савенков (некролог) // Отклики Сибири. – 1914. – № 117. – С. 3.

Козьмин Н. Н. И. Т. Савенков (доклад, читанный в заседании Красноярского подотдела РГО) // Сибирь. – 1914. – № 213.

Ландарма. И. Т. Савенков. Краткая биография // Енисейская мысль. – 1914. – № 257.

Ларичев В. Е. Дом из бивней мамонта. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1981. – 191 с.

Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1: Азия и проблема прародины человека (история идей и исследования). – Новосибирск: Наука, 1969. – 390 с.

Макаров Н. П., Безызвестных Е. Ю. Неутомимый исследователь древностей // Век подвижничества. – Красноярск: КККМ, 1989. – С. 43–57.

Настоящий археолог (страничка из воспоминаний об И. Т. Савенкове) // Отклики Сибири. – 1914. – № 127. – С. 2.

Писарева Г. В., Вдовин А. С. К научной биографии И. Т. Савенкова // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII Региональной археолого-этнографической студенческой конф. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 58–60.

Савенков И. Т. // Сибирская жизнь. – 1914. – № 210.

Савенков И. Т. К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк // Этнографическое обозрение. – 1905. – № 1. – С. 1–128.

Савенков И. Т. Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий, начинающим учителям и учительницам. О главнейших обязанностях народного учителя // Енисейские епархиальные ведомости. – 1891. – № 6–7; 1892. – № 4–6.

Савенков Т. И. О памятниках, оставленных на р. Енисее человеком, современником мамонта // Сибирская летопись. – 1916. – № 6–8. – С. 247–257.

Сибирская мысль. – 1916. – 17 апр.

Т. С. (Тимофей Савенков). Байкал // Сибирь. – Новониколаевск, 1925. – С. 16–17.

Штернберг Л. Я. Иван Тимофеевич Савенков // Сборник МАЭ. – Петроград: Типография Императорской АН, 1916. – Т. 3. – С. 1–16.

A. S. Vdovin^{1,2}, N. P. Makarov^{1,2}

¹*Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk*

²*Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

I. T. SAVENKOV'S LAST EXPEDITION (1914)

The article presents a little-known story in the history of the study of the archaeological site Afontova Gora. It is the most famous Paleolithic site on the Yenisei. It was opened by I. T. Savenkov 135 years ago. The discoverer of the Yenisei Paleolithic conducted his last expedition thirty years later in 1914. The research results are published only partially after more than 100 years. The purpose of the publication is to show the prospects of archival research in central and regional archives in order to get complete information about the archaeological study of this unique archaeological site. The article shows the main role of T. I. Savenkova. His work is important at the stage of field research, during the preparation of a scientific report and preservation of the memory of his great father. The main source of research are archival materials. They relate to the correspondence of Timofey Ivanovich Savenkov (son of I. T. Savenkov), addressed to B. E. Petri, L. Ya. Shternberg, P. S. Uvarova.

Keywords: archeology, Paleolithic, excavations, Afontova Gora, I. T. Savenkov, T. I. Savenkov, B. E. Petri, L. Ya. Shternberg, P. S. Uvarova.

А. А. Трофимов¹, А. Л. Заика²

¹ Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

² Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева, г. Красноярск

E-mail: sanya.trofim1996@mail.ru, zaika_al@mail.ru

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Статья посвящается истории изучения памятников наскального творчества Минусинской котловины, а именно ее северо-западной части, в границы которой входят территории Ужурского и Шарыповского районов. История исследования этого региона насчитывает несколько столетий, начиная с первых Сибирских академических экспедиций, посланных в Сибирь еще во времена Петра I. В ходе исследовательских работ, проводившихся в Минусинской котловине, члены экспедиций обнаружили огромное количество памятников древней истории, а именно рисунки на скалах и курганных плитах. В дальнейшем исследование писаниц и курганов активно продолжилось в XIX в. В революционные и военные годы XX в., в связи с тяжелым положением всех групп населения, в том числе и ученых, работы приостанавливались на короткие промежутки времени. Новый виток в развитии исследования северо-западного региона Минусинской котловины произошел в послевоенные годы и продолжается по сей день. Данная территория привлекательна своими памятниками для многих российских и зарубежных исследователей. За всю трехвековую историю исследования памятников северо-запада Минусинской котловины было найдено и обследовано большое количество объектов с уникальным петроглифическим материалом.

Ключевые слова: петроглифы, Минусинская котловина, тамговидный знак, антропоморфная фигура, писаницы, курганный комплекс, курганные камни, плоскость.

Территория Минусинской котловины представляет собой обширную степь, состоящую из системы межгорных впадин, в которую входят Южно-Минусинская впадина, Сыдо-Ербинская, Чулымо-Енисейская и Назаровская. Сама котловина находится между горными массивами Кузнецкого Алатау и цепи Западных и Восточных Саян. В общем отношении все они имеют большое количество общих черт, что позволило И. В. Лучицкому объединить их в единый Минусинский межгорный прогиб [Стрелков, Вдовин, 1969, с. 240–264]. Скальные обнажения сформировались в девонский период и имеют красноватый оттенок.

Также следует отметить, что используемые наименования не являются общепринятыми, кроме Назаровской, расположенной между Солгонским кряжем и хребтом Арга. Большинство исследователей по-разному называют одну и ту же котловину. Так, например, Северо-Минусинскую впадину иногда называют Чебаково-Балахтинской или Чулы-

мо-Енисейской. Вся система Минусинских прогибов окружена горными хребтами – отрогами Кузнецкого Алатау, Восточными и Западными Саянами, и только лишь на северо-западе открыты Западно-Сибирскими равнинами. Большая часть площади системы впадин занята равнинным и холмистым рельефами.

Самая северная котловина – Назаровская. Она представляет собой равнину с холмистым рельефом в южной части. Назаровская котловина отделена от Северо-Минусинской котловины горной грядой Солгонского кряжа.

Чулымо-Енисейская (Северо-Минусинская) впадина расположена немного южнее Назаровской. Окружена со всех сторон горными массивами: с юга – Батеневским кряжем, с севера – Солгонским, с запада – отрогами Кузнецкого Алатау, на востоке – отрогами Восточных Саян и Беллыкским Белогорьем. Общая длина с юга на север более 150 км, ширина с запада на восток 60 км. Чулымо-Енисейская впадина разнообразна по рельефу местности. Северная, центральная и юго-восточная части представляют собой обширные равнины Ширинской и Июсовской степи со слабохолмистым рельефом.

Северная часть, ограниченная с юга течением р. Чулым, имеет равнинную поверхность. Восточная, граничащая с Красноярским водохранилищем, имеет холмистый, местами переходящий в мелкосопочный рельеф. Южная характеризуется холмами и горными грядами с крутыми склонами. Западная представлена холмистым и мелкосопочным рельефом.

В географическом понимании северо-западная часть Минусинской котловины представляет собой небольшой участок, границы которого проходят между Назаровской и Чулымо-Енисейской котловинами. С запада он ограничен отрогами Кузнецкого Алатау, а с востока – отрогами Алтае-Саянской горной гряды. В административном отношении данная территория включает Ужурский и Шарыповский районы Красноярского края. Этот регион представляет интерес для историков и археологов, потому что он является местом, где пересекаются археологические памятники разных культур. Среди уникальных памятников древнего изобразительного творчества следует отметить писаницы, каменные изваяния, курганные плиты с выбитыми на них в разные эпохи петроглифами.

Объектами с богатым петроглифическим материалом на территории северо-запада Минусинской котловины являются шесть писаниц: Учум, Змеиная, Прилужье, Кедровая, Каратаг, Четыгыз, а также две каменные стелы: каменное изваяние Тигер Тас Обаа и менгир Большое озеро с рунами [Новые данные..., 2008, с. 58–63].

История изучения археологических (в том числе и памятников наскального искусства) памятников северо-запада Минусинской котловины начинается еще с первой четверти XVIII в. и продолжается до сих пор. Пионерами в исследовании данного региона

(ныне включающего в себя Ужурский и Шарыповский районы) были члены первой Академической экспедиции, направленные в Сибирь в 1719 г. Этой экспедицией руководил приглашенный императором Петром I немецкий ученый Даниил Готлиб Мессершмидт. Ее участниками были: Ф. И. Табберт (после получения дворянства – Стралленберг) – шведский офицер, плененный под Полтавой и находившийся в ссылке в то время в Тобольске, Карл Шульман – художник, Каппель – человек, занимавшийся продовольственным снабжением экспедиции, а также переводчик Петер Кратц и др. [Белокобыльский, 1986, с. 86].

В ноябре 1721 г. по пути на юг Ф. И. Стралленберг побывал на р. Урюп и у оз. Большого. В мае следующего года, направляясь в минусинские степи, у оз. Большого побывал и Д. Г. Мессершмидт. Он проехал по восточному берегу озера через с. Парная. Неподалеку от этого места сосредоточено большое количество курганов, которые были замечены исследователем. Судя по записям в дневнике Д. Г. Мессершмидта, его поразило обилие памятников древности. Действительно, по всему пути следования его экспедиции, через земли нынешнего Шарыповского района, находится большое количество курганных насыпей, стоящих вдоль дорог. Существует не очень конкретное указание Д. Г. Мессершмидта, что у оз. Большого им были обнаружены и зафиксированы два «стрелковых камня».

Далее, вплоть до XIX в., документальных свидетельств о том, что в районе озер Большого, Белого и на реке Урюп работали археологические экспедиции, нет. Интерес археологов и краеведов к археологическим памятникам, относящимся к территории Шарыповского района, вновь пробуждается со второй четверти XIX в. Известно, что енисейский губернатор А. П. Степанов был первым, кто проводил раскопки на территории этого района. На страницах книги «Енисейская губерния», изданной им в 1835 г., есть упоминание о множестве курганов у оз. Большого. Однако никаких письменных источников о результатах проводимых Степановым раскопок не сохранилось [Красниенко, Субботин, 1997, с. 5].

Первые сведения о наличии петроглифов на горе у озера Учум поступают в 1847 г. от М. А. Кастрена, который фактически повторил маршрут П. С. Палласа и явно побывал на памятниках Ужурского района. Его путь пролегал от Ужура к Большому озеру, после чего он вновь вернулся к горе Учум (Писаная 2), откуда отправился в деревню Копьево и далее на юг. Исследователь дал подробное описание увиденных им рисунков. Среди этих изображений были фигуры животных (собаки, коровы, оленей, диких коз, кабана, медведя, верблюда, львов, зайца, журавля, горного барана, за которым охотится человек, два хищника в схватке, людей (с мечом, кнутом, луком), тамгообразных знаков, сосудов.

К сожалению, стоит отметить, что результаты проводимых Кастреном работ были опубликованы только в 1901 г. [Aspelin, Castren, 1901].

С того времени, как М. А. Кастрен побывал на горе над озером Учум, судя по устным сообщениям ряда ученых (Э. Б. Вадецкая, М. Б. Абсалямов, Л. В. Новых и др.), неоднократно предпринимались попытки отыскать вышеупомянутые наскальные изображения. Однако все поисковые работы не приносили желаемых результатов, и, соответственно, в связи с отсутствием информации о рисунках на горе Писанная, данные о ней на протяжении многих лет не освещались в научной литературе. Однако важно отметить, что Учумская писаница была включена Г. П. Сосновским в его картотеку¹ и отмечена Э. Б. Вадецкой как объект Учум I в списке писаниц Среднего Енисея [Вадецкая, 1986, с. 161].

В 1854 г. путешественник И. Корнилов выпустил в свет очерк «Воспоминания о Восточной Сибири», где указывается, что вокруг озера Большого (Божьего) были обнаружены курганные захоронения, обставленные по периметру каменными плитами с изображениями, высеченными на некоторых из них. Здесь же, в частности, есть упоминание о том, что вблизи улуса Орак путешественник выявил порядка нескольких сотен новых курганов, занимающих обширное степное пространство [Красниенко, Субботин, 1997, с. 5].

Известно, что в 1863 г. в районе озера Большого побывал В. В. Радлов. Он производил раскопки где-то к востоку от него, но никаких иных сведений о проводимых работах не сохранилось. Единственное сохранившееся свидетельство о раскопках под руководством В. В. Радлова – лишь упоминание о приблизительном месте проведения археологических работ. Это место отмечено на небольшой по размеру карте, хранящейся в архиве Г. П. Сосновского в ИИМК РАН [Там же, с. 6].

В конце XIX в., а именно, в 1887 г., у подножия горы Каратаг экспедицией И. Р. Аспелина и Я. Аппельгрена-Кивало были обследованы курганные могильники близ озер Малого и Большого, а также территория около улуса Ораки. Финские ученые нанесли на карту несколько могильников, на курганных стелах которых были зафиксированы рисунки, но о петроглифах на Каратаге, горе Кедровой и Четыгызе исследователи не сообщают [Петроглифы Каратага..., 2000, с. 26].

Данных о наскальном искусстве на этих памятниках нет и в книге, изданной по материалам экспедиции в 1931 г. Я. Аппельгреном-Кивало. Однако на плане местности, прорисованном в ней, отмечена гора Кизик-Даг (гора Кедровая), что в переводе означает «Красный камень». Находящиеся у подножия этой горы курганные группы, были

¹ Сосновский Г. П. Картотека // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 42. Л. 108.

тщательно изучены, а с каменных плит были сделаны копии рисунков [Appelgren-Kivalo, 1931].

Наибольший интерес у иностранных ученых вызывали изображения на курганных камнях. Важно отметить ту тщательность, с которой они проводили разведочные исследования. Работа проводилась поэтапно. Сначала территория, на которой находились археологические объекты, зарисовывалась, учитывалось все, вплоть до количества насыпей. Следующий этап – составление плана расположения курганов и могильников, на которых были зафиксированы рисунки. Камни, отличавшиеся уникальным изобразительным материалом, археологи детально прорисовывали. И. Р. Аспелин впервые апробировал метод эстампирования (перевода на бумагу) изображений на могильных камнях. Отдельного внимания заслуживает точность, с которой исследователи произвели топографическую привязку найденных памятников, а также подсчеты насыпей в курганных могильниках: обнаруженные и описанные 15 археологических памятников превосходно идентифицируются с существующими сейчас объектами, которые включены в свод памятников Шарыповского района.

В 1888 г. Д. А. Клеменц проводит интенсивную и обстоятельную разведку от реки Урюп до реки Черный Июс, в ходе проведения которой он зафиксировал несколько археологических объектов у озера Большого и села Парная. Ученым была составлена карта разнообразных памятников, которые он обнаружил во время путешествия по маршруту, однако Д. А. Клеменц не оставил никакого их описания, отметив лишь, что вдоль озера Большого встречаются плоские курганы. По карте, которая сейчас хранится в архиве ИИМК РАН², можно определить, что Д. А. Клеменц выявил на территории нынешнего Шарыповского района более десятка памятников. К сожалению, из-за мелкого масштаба и некоторых неточностей приведенной карты сложно судить о расположении нанесенных автором памятников³. Известно не очень конкретное указание на археологические объекты, приведенное Зайцевым в 1901 г. Автор зафиксировал большое количество курганов, находящихся в степи за деревней Большое Озеро. Ссылка на это имеется в архиве Г. П. Сосновского⁴.

Подводя краткие итоги научно-исследовательской деятельности, проводимой разными учеными в период XIX – начала XX вв., следует отметить, что за исключением И. Р. Аспелина, исследователи зачастую не приводили конкретных и четких данных в своих отчетах или публикациях. Это выражалось в отсутствии точных топографических привязок и детальных характеристик археологических объектов. Все эти упущения приве-

² НА ИИМК РАН. Ф. 1. № 23. Л. 49.

³ НА ИИМК РАН. 1888 г. Ф. 1. № 43.

⁴ НА ИИМК РАН. Ф. 42. № 140. Л. 366.

ли к тому, что большинство из исследованных в этот период памятников нельзя соотнести с известными сейчас курганными могильниками [Красниенко, Субботин, 1997, с. 7].

В XX в. изучение памятников наскального творчества на территории Минусинской котловины, в частности ее северо-западной части, активно продолжалось. Однако в связи со сложным временем для страны, коим являлась первая половина XX в., исследовательские мероприятия временно приостанавливались. Начало археологическим работам в регионе в первые годы прошлого столетия было положено А. В. Адриановым. В 1909 г. он работал над составлением археологической карты Минусинской котловины. В этом документе А. В. Адрианов собрал воедино все ранее полученные данные о большом количестве памятников, располагавшихся неподалеку от деревни Ораки. Ученый также побывал на писанице Кедровой. Там он снял 24 копии с изображений зооморфных и антропоморфных фигур, методом эстампирования, и посчитал их общее количество. В ходе проводимых на памятниках работ А. В. Адриановым скопировано 62 рисунка [Там же].

В дальнейшем проведение археологических мероприятий было приостановлено революционной обстановкой. По завершении революций работы по изучению памятников возобновилось. В период с 1925 по 1929 г. на севере Минусинской котловины работал Г. П. Сосновский. Исследователь в 1925 г. провел разведочные работы в окрестностях озера Большого, где отметил несколько археологических объектов, а также вблизи улуса Ораки и села Парная. В это же время Г. П. Сосновский произвел раскопки андроновских, тагарских и карасукских захоронений у улуса Ораки. Позже результаты его работ были опубликованы М. Н. Комаровой. Помимо этого, Г. П. Сосновский отметил, что вблизи с местом его работ располагаются еще семь памятников на озере Большом, вблизи деревни Косые Ложки и у улуса Ораки.

В конце 20-х гг. XX в. в Шарыповском районе работали сотрудники Ачинского краеведческого музея В. Г. Карцов и П. Е. Чернявский. Их маршрут проходил через населенные пункты Малое Озеро и Большое Озеро. Музейными сотрудниками было найдено и исследовано несколько курганных групп. Также их заслугой является то, что они детально описали памятники, указали размеры курганных насыпей и сделали точную привязку, которая позволяет фактически во всех случаях легко обнаружить археологический объект на местности [Там же].

Свои исследования в 1940-е гг. продолжил Г. П. Сосновский, работавший на этот раз с изображениями на писанице Кедровая. Он провел повторную копировку 18 фигур, среди которых известны изображения двух котлов, трех человек, одиннадцати оленей, антилопы и всадника [Вадецкая, 1986, с. 161].

Изучение памятников Шарыповского района в период с XIX в. вплоть до 40-х гг. XX в. характеризовалось неточностью данных, приводимых рядом исследователей, что является главной причиной, усложняющей установление точного местонахождения того или иного памятника.

На протяжении долгого времени, с начала 60-х гг. XX в., в этом регионе проводили работы сотрудники Кемеровского пединститута под руководством А. И. Мартынова. Широкий размах разведочные работы получили в 1967–1970 гг., однако первые маршруты были выстроены еще в 1960 г., а последние уже в 1976 г. Итоги поисковых мероприятий публиковались авторами не единожды. Кроме того, руководитель экспедиций А. И. Мартынов раскопал в 1966 г. несколько курганов одного из больших раннетагарских захоронений, располагавшихся неподалеку от деревни Большое Озеро. Подобные широкомасштабные археологические работы на территории Шарыповского района ранее не проводились. Главным их итогом можно считать появление неопровержимых доказательств важности научного изучения богатой древней истории региона [Красниенко, Субботин, 1997, с. 7].

С 1977 г. на этой же территории развернулись работы Сибирской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (сейчас ИИМК РАН). За 20 лет сотрудниками экспедиции были проведены исследования более чем 30 различных памятников дописьменной истории, большая часть которых ранее была неизвестна в научных кругах. В первые годы экспедиция вела раскопки попадающих под разрушение объектов в зоне строительства КАТЭК совместно с кемеровскими археологами.

В 1981 г. в составе Сибирской экспедиции работал А. Н. Мелентьев. Он провел обстоятельное обследование Шарыповского района, по результатам которого была составлена первая археологическая карта района, включающая около 100 памятников. К сожалению, эта карта осталась неопубликованной, а о его разведках имеется лишь краткое упоминание в узкоспециализированной литературе. Тем не менее именно она стала базой для широких работ по паспортизации памятников района, начатой в 1994 г. [Там же, с. 9].

Стоит упомянуть также о работах по паспортизации памятников археологии Ужурского и Шарыповского районов, проводившихся с 1987 по 1991 г. кемеровскими (А. И. Мартынов и С. Н. Бибиков) и красноярскими (М. Б. Абсалямов и Л. В. Новых) археологами. Всего было подготовлено 74 паспорта, однако качество их оставляет желать лучшего: существуют серьезные замечания, что в целом не позволяет считать эту охранную документацию полноценным научным источником при составлении археологической карты района.

Таким образом, до начала паспортизации и полного археологического обследования памятников, начатого в 1994 г., была опубликована информация не более чем о 60–70 памятниках древней истории этих районов.

К списку известных памятников в 90-е гг. XX в. добавилась гора Каратаг. Впервые краткая информация о наскальных изображениях Каратага была опубликована Я. И. Сунчугашевым в 1990 г. [Сунчугашев, 1990, с. 206–207]. В его заметке неверно указаны данные о месте расположения петроглифов. Он пишет, что рисунки находятся на горе Каратаг южнее Малого озера, тогда как они расположены к востоку-северо-востоку. Через несколько лет о петроглифах на Каратаге стало известно С. В. Красниенко и А. В. Субботину – научным сотрудникам ИИМК РАН.

С 1997 по 2000 г. проводились экспедиции, занимавшиеся изучением петроглифов на писанице Каратаг и горе Кедровой. Здесь трудилась группа ученых из Санкт-Петербурга: Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. Повторное и более детальное обследование горы Кедровой было реакцией на негативное антропогенное воздействие, разрушавшее памятник наскального искусства. В результате этих работ на писанице было выявлено 18 групп петроглифов с 69 четкими изображениями, некоторые из них имеют плохую сохранность. Полученные в результате проведения работ данные совпадали с результатами исследования А. В. Адрианова [Петроглифы Каратага..., 2000, с. 9–36].

В Ужурском районе археологическому обследованию подверглись перспективные с точки зрения обнаружения петроглифов скальные выходы на вершинах гор или известные ранее местонахождения подобного рода. Поиски петроглифов проводились на горе Змеиная (Красная сопка), горных массивах на северо-западном берегу оз. Учум (в некоторых источниках, например у М. А. Кастрена, гора Писаная). В результате обследования было обнаружено одно тамгообразное изображение на горе Учум и несколько орнитоморфных изображений на горе Змеиная [Красниенко, Субботин, 2013, с. 36].

Петроглифы, найденные на горе Змеиной стали широко известны после публикации материалов археологической экспедиции ИИМК РАН, проводившейся в начале 2000-х гг. [Изображения на плитах..., 2003, с. 64, рис. 68, табл. 67; Красниенко, Субботин, 2013, табл. 16].

Наряду с исследованиями, проводимыми на горе Змеиной этой же экспедицией, были осуществлены разведочные работы на горе у озера Учум. В результате на всех открытых скальных выходах не было найдено никаких древних изображений, кроме одного тамгообразного знака. Однако, по устному сообщению начальника экспедиции Кемеров-

ского университета Е. А. Миклашевич, ими были обнаружены фрагментарно сохранившиеся изображения на скале к северу от озера Учум.

Осенью 2004 г. отрядом лаборатории археологии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева были проведены комплексные исследования археологических памятников северо-западной части Минусинской котловины (Ужурский и Шарыповский районы). Объектами проводимых исследований являлись писаницы и сопряженные с ними другие виды археологических объектов. Из-за неблагоприятных погодных условий работа экспедиции носила разведочный характер, что подразумевало лишь внешнее обследование памятников, их фото- и видеофиксацию, определение объемов и видов современных разрушений. Зафиксированные петроглифы копировались выборочно на полиэтилен или самоклеющуюся прозрачную пленку «ORACAL» [Археологические исследования..., 2004, с. 255–256].

В 2006 г. сотрудником Шарыповского музейно-выставочного и экскурсионного комплекса С. А. Краснолуцким было обнаружено очередное изваяние на восточном берегу Малого озера, в 4 км к юго-востоку от деревни Большое Озеро Шарыповского района Красноярского края. Данный объект можно отнести ко времени существования окуневской культуры (эпоха бронзы). Изваяние находилось в лежащем положении на вершине выступающего над окружающей местностью холма. У каменной стелы отсутствовала нижняя часть, которую С. А. Краснолуцкий обнаружил, расчищая поверхностный слой земли вокруг основного камня. Позже, сопоставив все части, исследователь смог сделать прорисовку древней скульптуры [Рыбаков, Краснолуцкий, 2007, с. 67–70].

В 2007 г. при совместной работе Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева и С. А. Краснолуцкого, нашедшего изваяние, было проведено контактное копирование изображений на микалентную бумагу и фотофиксация объекта [Новые данные..., 2008].

В октябре 2011 г. во время проведения научно-методического полевого семинара студентов и сотрудников Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева проведены разведочные работы, носившие поверхностный характер и направленные на поиски петроглифов, которые были ранее не известны на территории Шарыповского района. Работавший с отрядом КГПУ научный сотрудник Шарыповского краеведческого музея С. А. Краснолуцкий занимался исследованием наскальных рисунков на горе Четыгыз [Краснолуцкий, Заика, Журавков, 2013].

Также им обследуется одиночный упавший камень (Менгир Большое Озеро), который был обнаружен красноярским археологом М. Б. Абсалямовым в 1988–1989 гг. на восточном берегу озера Большое в 3 км к юго-востоку от населенного пункта Парная. При

осмотре этого менгира была выявлена на узкой торцовой грани камня среди выгравированных надписей, датируемых XX веком, руническая надпись и другие трудноопределимые изображения, выполненные путем выбивки и гравировки. Вертикальное положение менгира было восстановлено. Вместе с участниками полевого семинара проведено копирование петроглифов, а также консервационные и реставрационные работы по укреплению площадки вокруг стелы [Там же].

В 2014 г. в рамках полевой археологической практики студентами КГПУ им. В. П. Астафьева осуществлено внешнее обследование ряда памятников наскального искусства севера Минусинской котловины с целью выявления и определения современного состояния петроглифов. Наряду с этим произведена фотофиксация объектов, а также топосъемка и выборочная копировка наскальных рисунков [Заика, Вдовин, Конохов, 2016, с. 104–108]. По окончании работ установлены границы распространения наскальных рисунков, добавлены новые данные об известных ранее композициях и найдены новые петроглифы. Также разработаны меры по сохранению, постановке на учет и музеефикации памятников [Лыкова, 2015, с. 264–265].

В Ужурском районе осенью 2015 г. разведочным отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева, при изучении восточных частей склонов горы у озера Учум была открыта одна новая плоскость на нижнем ярусе скальных выходов. На плоскости были зафиксированы изображения воинов с навершиями на голове, фигуры животных, а также несколько тамгообразных знаков. В ходе разведки экспедиция проводила обследование курганов данного района [Заика, Лыкова, Вдовин, 2016; Пшегорский, Трофимов, 2016]. В Шарыповском районе были проведены работы на писаницах Каратаг и Четыгыз [Заика, Лыкова, Вдовин, 2016, с. 114–118].

Последующее изучение южных склонов скальных массивов горы над озером Учум на наличие петроглифов было продолжено в июле 2016 г. Тогда же выявлены и обследованы рисунки на четырех участках в центральной части скальных выходов. На данных плоскостях присутствуют изображения антропоморфных фигур, тамговидных знаков и различных зооморфных изображений. Рисунки выполнены в технике выбивки и гравировки [Заика, Трофимов, Вдовин, 2018, с. 106–108]. Весь найденный материал был скопирован на микалентную бумагу и на самоклеющуюся пленку «ORACAL». В ходе этих мероприятий археологический отряд провел внешний осмотр перспективных скальных выходов на наличие петроглифов на горе Змеиной. Найдены, помимо двух известных, две новые плоскости с рисунками [Трофимов, 2017].

В этом же году проводились работы в Шарыповском районе на писаницах Каратаг, Четыгыз и Кедровой [Куйдина, 2018, с. 79]. Здесь был проведен осмотр известных изоб-

ражений с целью установления их современного состояния и поиск новых наскальных рисунков. В ходе исследовательских мероприятий проведена копировка и фотофиксация выявленных и изученных ранее петроглифов. На горе Кедровой обнаружено 13 неизученных рисунков и уточнена информация о зафиксированных ранее композициях [Муршидова, 2018, с. 82].

В 2017 г. в ходе летней музейно-экскурсионной полевой практики студентами исторического факультета КГПУ им. В. П. Астафьева продолжено внешнее обследование юго-восточных склонов западной оконечности скальных обнажений у озера Учум. Здесь же были обнаружены новые рисунки на трех участках нижнего яруса скалы [Писаница Учум..., 2018, с. 108–111]. По результатам проведенных работ открыто шесть новых плоскостей с изображениями животных и антропоморфной фигуры. Рисунки выполнены в технике выбивки и гравировки. На писанице проведены топосъемка, фотофиксация петроглифов, копирование, а также определено их современное состояние [Трофимов, 2018]. Результаты многолетних исследований нашли отражение в итоговой статье [Трофимов, Заика, Вдовин, 2018].

Заключение

Таким образом, в истории археологического изучения петроглифов северо-западной части Минусинской котловины предварительно можно выделить несколько этапов. Первый этап – XVIII–XIX вв. Целью первых исследователей, побывавших на данной территории, было предоставление общей информации об этом регионе. Детальное изучение археологических памятников не входило в планы первых Академических экспедиций. Тем не менее они отмечали в своих путевых заметках наличие большого количества курганных насыпей вдоль пути их следования.

Непосредственно изучение петроглифов на северо-западе Минусинской котловины началось в середине XIX в., когда на территории современного Ужурского района побывал М. А. Кастрен. Им были обследованы и выявлены наскальные изображения на горе над оз. Учум. Исследователь дал подробное описание увиденных им рисунков.

Еще больший вклад в археологическое исследование петроглифов региона внесли финские ученые И. Р. Аспелин и Я. Аппельгрэн-Кивало. Их работа проводилась, как правило, на курганных могильниках и осуществлялась поэтапно. Сначала территория, на которой находились археологические объекты, зарисовывалась, учитывалось все, вплоть до количества насыпей. Следующий этап – составление плана расположения курганов и могильников, на которых были зафиксированы рисунки. Камни, отличавшиеся уникальным изобразительным материалом, археологи детально прорисовывали. И. Р. Аспелин впервые апробировал метод эстампирования (перевода на бумагу) изображений на могильных

камнях. Отдельного внимания заслуживает точность, с которой исследователи произвели топографическую привязку найденных памятников и копировку петроглифов.

Второй этап – XX в. Начало археологическим работам на территории региона в первые годы прошлого столетия было положено А. В. Адриановым. В 1909 г. он работал над составлением археологической карты Минусинской котловины. В этом документе А. В. Адрианов собрал воедино все ранее полученные данные о большом количестве памятников, располагавшихся неподалеку от деревни Ораки. Ученый также побывал на писанице Кедровой, где им была проведена копия изображений с усовершенствованным методом эстампирования. На этой территории в 20-х гг. проводил курганные раскопки Г. П. Сосновский. Позже, в 40-х гг., он продолжил свои исследования и на этот раз работал с изображениями на писанице Кедровой. Провел повторную копия изображений, дополнил информацию о петроглифах, дал их подробное описание. Результаты исследований этих ученых до сих пор интересны в научных кругах.

В 60–70-е гг. на территории Шарыповского района развернулись спасательные археологические исследования на территории КАТЭКа, проводившиеся Сибирской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР и кемеровскими учеными. В 80-е гг. начаты широкомасштабные работы по паспортизации памятников археологии Ужурского и Шарыповского районов, проводившиеся ленинградскими, кемеровскими и красноярскими археологами.

Данный этап, заложивший основу для дальнейших мероприятий по изучению этого региона, можно охарактеризовать как период проведения комплексных исследований в изучении памятников археологии, в ходе которых начали актуализироваться вопросы изучения петроглифов на обозначенной территории.

Третий этап – конец XX – начало XXI в. В это время появляется тенденция, направленная на целевое изучение наскального искусства региона. Усилиями сотрудников ИИМК РАН проводится исследование наскальных рисунков на горах Каратаг и Кедровая, петроглифов на курганных камнях, нашедшее отражение в монографии [Петроглифы Каратага..., 2000]. В последние годы изучением памятников наскального творчества Ужурского и Шарыповского районов активно занимается Красноярский государственный педагогический университет. В работах акцентируется внимание не только на исследовании наскальных рисунков, но и решении вопросов их сохранения и музеефикации.

В заключение можно сказать, что рассматриваемый регион является перспективным для изучения объектов древнего творчества. Во время каждой экспедиции обнаруживаются новые писаницы и ранее не замеченные петроглифы на уже известных памятниках. Современные ученые применяют новые методы для работы с объектами наскального

творчества, в этом им помогают накопленные знания предыдущих исследователей и новые технологии, которые сводят к минимуму погрешности в работе.

Список источников

- Научный архив ИИМК РАН. 1888 г. Ф. 1. № 43.
Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 23. Л. 49.
Научный архив ИИМК РАН. Ф. 42. № 140.
Сосновский Г. П. Картотека // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 42.

Список литературы

- Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Brife und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. – Helsingfors, 1931. 48–72 p.
- Aspelin I. R., Castren M. A. Anzeichnungen über die Altertümer in Kreise, Minusinsk // Suomen Muinaistutkimuksen Aikakauskirja. – Helsinki, 1901. – № 21. – P. 1–54.
- Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия РКИСВА. – СПб. Изд-во ИПБ, 1910. – Вып. 10. – С. 41–50.
- Археологические исследования на севере Минусинской котловины (предварительное сообщение) / А. Л. Заика, Н. И. Дроздов, А. П. Березовский, А. М. Кержаев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X. Ч. I. – С. 255–256.
- Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 167 с.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Заика А. Л., Вдовин А. С., Конохов В. А. Результаты исследования писаниц на юге Красноярского края в 2015 году // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы междунар. конф. / под ред. В. В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. – С. 104–108.
- Заика А. Л., Лыкова О. А., Вдовин А. С. Музеефикация памятников древнего наскального искусства на северо-западе Минусинской котловины // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. – 2016. – № 1. – С. 114–118.
- Заика А. Л., Трофимов А. А., Вдовин А. С. Писаница Учум (результаты исследования 2016 г.) // Сборник докладов Мартыановские краеведческие чтения (2016–2017 гг.). – Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова, 2018. – Вып. 11. – С. 106–108.
- Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края) / Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. – СПб.: Изд-во «ООО ЭликсПринт», 2003. – 122 с.
- Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 108 с.
- Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского края. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – 200 с.

Краснолуцкий С. А., Заика А. Л., Журавков С. П. Новые петроглифы севера Минусинской котловины // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 205–209.

Куйдина В. А. Петроглифы горы Кедровой. Проблемы Музеефикации // Сборник докладов Мартяновские краеведческие чтения (2016–2017 гг.). – Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова, 2018. – Вып. 11. – С. 79–82.

Лыкова О. А. Петроглифы северо-запада Минусинской котловины // Материалы LV Российской археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 264–265.

Муршидова М. А. Новые петроглифы горы Кедровой // Сборник докладов Мартяновские краеведческие чтения (2016–2017 гг.). – Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова, 2018. – Вып. 11. – С. 82–85.

Новые данные об окуневских изваяниях севера Минусинской котловины / А. Л. Заика, С. А. Краснолуцкий, Н. И. Рыбаков, А. П. Березовский // Мартяновские краеведческие чтения. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – Вып. V. – С. 58–63.

Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – 66 с.

Писаница Учум (результаты исследования 2017 г.) / А. Л. Заика, А. А. Трофимов, А. Ю. Халтаева, Т. К. Ермаков, М. А. Муршидова, В. А. Артамонова, А. В. Образцова // Сборник докладов Мартяновские краеведческие чтения (2016–2017 гг.). – Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова, 2018. – Вып. 11. – С. 108–111.

Пшегорский И. С., Трофимов А. А. Петроглифы Ужурского района Красноярского края (результаты исследований 2015 г.) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 230–231.

Рыбаков Н. И., Краснолуцкий С. А. Каменные изваяния и стелы междуречья Июсов, Печища и Малого озера (новые находки) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 67–70.

Стрелков С. А., Вдовин В. В. Алтае-Саянская горная область. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1969. – 412 с.

Сунчугашев Я. И. Петроглифы у Малого озера в Хакасии // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 206–207.

Трофимов А. А. Писаница Учум (результаты исследования 2017 года) // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Сургут; Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. – С. 180–183.

Трофимов А. А. Писаница Учум (результаты исследования 2018 года) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 220–222.

Трофимов А. А., Заика А. Л., Вдовин А. С. Писаница Учум // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – Вып. IX. – С. 137–147.

HISTORY OF THE STUDY OF PETROGLYPHS OF THE NORTH-WEST OF THE MINUSINSK BASIN

The article is devoted to the history of the study of monuments of rock art Minusinsk basin, namely, its North-Western part, the boundaries of which include the territory of the Uzhursky and Sharypovsky districts. The history of the study of this region dates back several centuries, starting with the first Siberian Academic expeditions sent to Siberia during the time of Peter I. During the research work carried out in the Minusinsk basin, members of the expeditions found a huge number of monuments of ancient history, namely, drawings on rocks and mound slabs. Further study of the petroglyphs and burial mounds actively continued in the XIX century. In the revolutionary and war years of the XX century, due to the difficult situation of all groups of the population, including scientists, the work was suspended for short periods of time. A new round in the development of the study of the North-Western region of the Minusinsk basin occurred in the postwar years and continues to this day. This area is attractive for its monuments for many Russian and foreign researchers. During the entire three-century history of the study of monuments of the North-West of the Minusinsk basin, a large number of objects with unique petroglyphic material were found and examined.

Keywords: petroglyphs, Minusinsk basin, tamga-like sign, anthropomorphic figure, Rock Art, barrow group, barrow stones, plane.

СТОЯНКА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПУНКТ (ПЕРЕВОЗИНСКАЯ): ЛЕГЕНДЫ АРХЕОЛОГИИ КРАСНОЯРСКА

Стоянка Переселенческий пункт (Перевозинская) – один из наиболее известных позднепалеолитических памятников Красноярска, вошедший в археологическую литературу как реперный объект позднего этапа афонтовской культуры Среднего Енисея. История изучения Переселенческого пункта неразрывно связана с именами всех исследователей красноярского палеолита на протяжении столетия (И. Т. Савенкова, Ж. де Бая, С. М. Сергеева, Г. П. Сосновского, В. И. Громова, Н. К. Ауэрбаха и др.) и отражена как в научных публикациях, так и в архивных материалах, несущих отпечаток своего времени. В данной статье рассматриваются спорные вопросы истории изучения Переселенческого пункта, касающиеся времени открытия памятника и места его расположения, а также интерпретации его материалов с учетом традиций 1920-х гг. Проанализированы коллекции каменного и костяного инвентаря с Переселенческого пункта, сохранившиеся в Эрмитаже и Красноярском краевом краеведческом музее. Впервые опубликованы материалы, оставшиеся необработанными по итогам исследований 1923 и 1925 гг.

Ключевые слова: история археологии, поздний палеолит, Енисей, афонтовская культура.

На протяжении многих десятилетий два названия – Перевозинская стоянка и Переселенческий пункт – так часто употреблялись вместе и столь же часто отдельно, что потеряно представление об их соотношении между собой. Как синонимы использовались они В. Г. Карцовым [Карцов, 1929, с. 7], как равноправные сосуществуют в полевых дневниках Г. П. Сосновского 1919–1920 гг.¹. В то же время в отчете археологического кружка имени И. Т. Савенкова за 1923–1924 гг. среди обследованных памятников раздельно упоминаются стоянки Перевозинская и Переселенческий пункт². Эта неясность в свою очередь рождала неопределенность и в вопросе о первооткрывателе: Ж. де Бай или Сергеев? только Ж. де Бай? или Савенков? 1896 г. и 1912 г. или только 1896 г.? В 1919 г. Сосновский писал: «Перевозинской стоянкой считаются пески с находимыми в них остатками прошлого, расположенные от Ладейской поскотины до места 2-го плашкоута». И там же: «влево от 2-го плашкоута в песчаных отложениях находят черепки, каменные орудия и прочее. На этом месте производил раскопку заведующий переселенческим пунктом

¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 3. Л. 6.; Д. 4. Л. 6.

² ГАКК. Ф. р-1380. О. 1. Д. 32. Л. 36–39.

Сергеев»³ (в данном случае «влево» Сосновского аналогично слову «ниже»). Десятью годами позже В. Г. Карцов писал, что археологический материал по правому берегу Енисея прослеживается, «начинаясь от самого перевоза и простираясь вниз по берегу на значительном протяжении (более 3-х км, хотя возможно с некоторыми небольшими перерывами)» [Карцов, 1929, с. 6]. Так как сама д. Перевозинская находилась в 1,5 км ниже Переселенческого пункта, два эти названия могли употребляться в разном контексте. В археологическую литературу Переселенческий пункт прочно вошел как самостоятельный памятник. Нет смысла менять теперь привычные представления, надо только учитывать, какое содержание вкладывали исследователи 1920-х гг. в эти термины.

При наложении современной карты Красноярска на карту 1927 г. с указанным зданием самого переселенческого пункта расположение стоянки по современным ориентирам должно соответствовать участку непосредственно восточнее Коммунального моста (рис. 1)⁴. На картосхеме Г. П. Сосновского (1935 г.) контуры трех Конных островов не соответствуют сегодняшнему острову Отдыха на обмелевшем Енисее, но расположение стоянки также указано непосредственно в нижней части Абаканской протоки [Сосновский, 1935, с. 193].

I-я надпойменная терраса, в отложениях которой залегают культурные остатки, тянется по правому берегу Енисея от устья р. Базаихи вдоль Большого, Среднего и Малого Конных островов (теперь это один остров Отдыха) и острова Телячьего (остров Молокова) до района бывшей д. Ладейки. Эта терраса «как и во многих местах, представляет типичное аккумулятивное образование с отметкой 9–11 м» [Громов, 1948, с. 329]. Местами ее высота достигает 20 и более метров. На поверхности террасы сохранились следы древних протоков и стариц. По В. И. Громову, палеолитические культурные остатки залегают в аллювиальных отложениях ежегодно затопляемой поймы, в «желтоватых глинистых карбонатных песках с яркими железистыми пятнами и тонкими прослойками сыпучих песков» на глубине около 6 м [Там же]. По мнению Г. П. Сосновского, стоянка располагалась «на древнем пойменном острове, отделявшемся от берега небольшой протокой...» [Сосновский, 1935, с. 200].

Сборы на разветвленных дюнах правого берега Енисея велись, по меньшей мере, всю последнюю четверть XIX в. местными любителями. Находки из железа, бронзы, каменные наконечники стрел были известны достаточно широко. В 1894 г. В. В. Передольский копал здесь погребения каменного века и палеометалла⁵ [Карцов, 1929, с. 7.]. Возможно,

³ Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 306. Л. 172.

⁴ Рождение правобережья: история половины Красноярска [Электронный ресурс] // newslab.ru [официальный сайт]. URL: <https://newslab.ru/article/821688> (дата обращения: 19.01.2019).

⁵ Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 3, Л. 6.

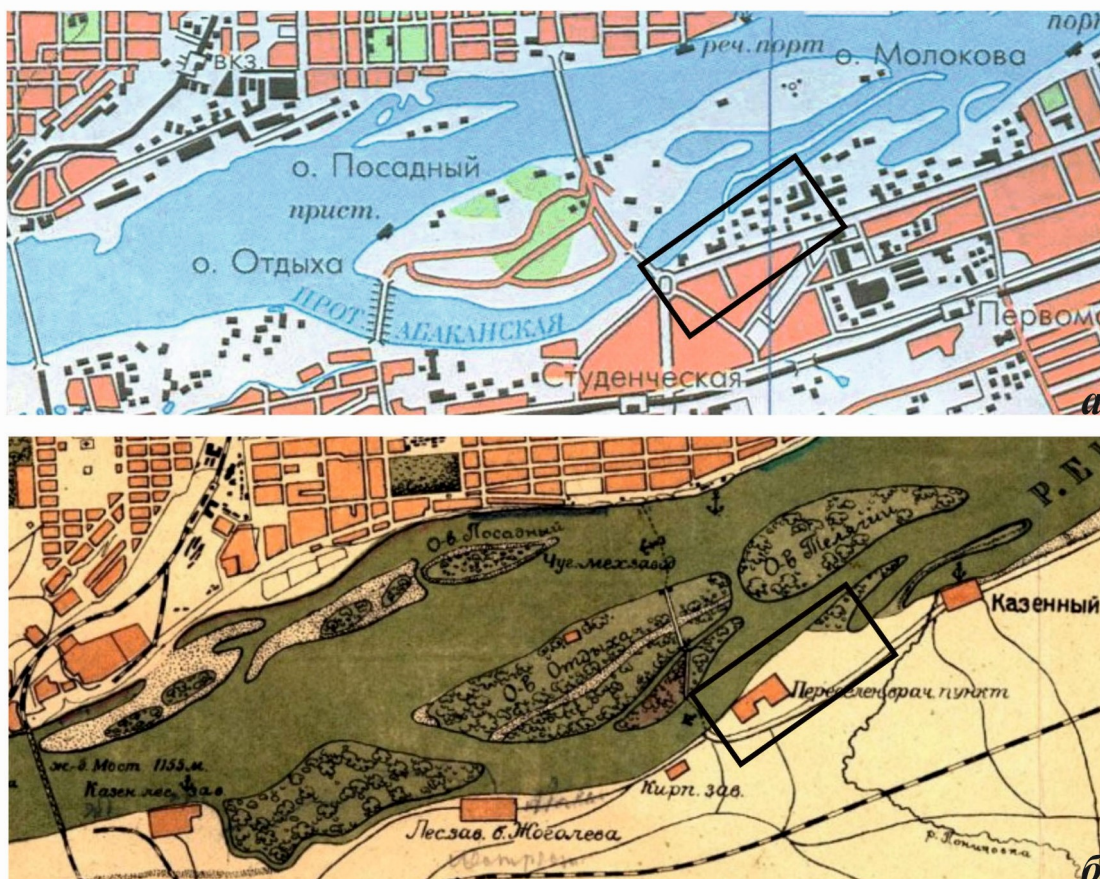

Рис. 1. Место расположения стоянки Переселенческий пункт на современной карте (а) и карте 1927 г. (б)

здесь были сделаны и единичные палеолитические сборы И. Т. Савенковым [Ауэрбах, 1929, с. 4]. Место было настолько популярно среди местных собирателей древностей, что по приезду в Красноярск Ж. де Бай ему предложили посетить окрестности д. Перевозинской. 3 сентября 1896 г. «в ближайшем к Енисею пункте» Ж. де Бай нашел одно или несколько каменных изделий. По В. Е. Ларичеву, это были «каменные изделия, поразившие его своим необычным видом – они, так же как и ашельские орудия в Западной Европе, были обработаны с двух сторон» [Ларичев, 1969, с. 60]. По Г. П. Сосновскому, было найдено только одно изделие «похожее на орудие Афонтовой горы»⁶. Неизвестно, удавалось ли кому-нибудь в дальнейшем найти палеолитические предметы у д. Перевозинской и были ли они интерпретированы как палеолитические.

Год открытия С. М. Сергеева не ясен до сих пор. У В. Г. Карцова приведена дата «1911 г.» [Карцов, 1929, с. 7], ее же приняли В. Е. Ларичев, Н. П. Макаров и А. С. Вдовин [Ларичев, 1969, с. 106; Макаров, Вдовин, 2018, с. 35]. Г. П. Сосновский датировал это событие 1912 г. [Сосновский, 1924, с. 12; 1934, с. 258; 1935, с. 192], Н. К. Ауэрбах – 1913 г. [Ауэрбах, 1930, с. 12]. Трудно сказать, на каких сведениях основывался каждый из иссле-

⁶ Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 306.

дователей. Вероятно, сборы в районе переселенческого пункта велись С. М. Сергеевым на протяжении ряда лет начиная с 1911 г., а именно в 1912 г. «на берегу протоки Енисея при земляных работах по прокладке дороги к переселенческому пункту под дюнным покровом, на глубине 6 м... в лессовидном слое *in situ* С. М. Сергеевым был обнаружен палеолитический очаг с обожженными камнями» [Сосновский, 1935, с. 192]. По всей видимости, раскоп С. М. Сергеева представлял собой «выемку» в обнажениях, образованных строительными работами. Это место потом было обозначено Г. П. Сосновским как «участок № 1» [Там же]. В 1920 г. с материалами С. М. Сергеева работал Г. Мергарт. В дальнейшем они вошли в его работу «The palaeolithic period in Siberia».

После С. М. Сергеева сборы у Переселенческого пункта проводил геолог музея А. Н. Соболев [Ларичев, 1969, с. 106]. В 1919–1920 гг. Г. П. Сосновским неоднократно предпринимались разведки по правому берегу Енисея, от переправы до Ладеек. Он выделял на Перевозинской стоянке два участка: дюны от плашкоута до затона (т. е. от самого здания переселенческого пункта до старой д. Перевозинской) и дюны от затона до ладейской поскотины (таким образом, Перевозинская стоянка практически сливалась с Ладейками)⁷. Во время своих неоднократных осмотров береговых обнажений Г. П. Сосновский выделял по одному – трем культурным слоям на глубине около 71, 220 и 430 см по характерной коричневой окраске «с белой известью». Представляют интерес дневниковые записи от 4 апреля 1920 г., когда Г. П. Сосновский с А. Ломакиным предприняли «экскурсию» на Перевозинскую стоянку⁸. «На дне выемки, не доходя Переселенческого пункта, были подняты осколки камня с характерной инкрустацией известняком, имеющие палеолитический характер... Сергеев, наверное, сделал свои находки в этих местах». В дальнейшем Г. П. Сосновский больше не возвращался к своим исследованиям в районе д. Перевозинской и ладейской поскотины.

В 1923 г. Г. П. Сосновским на дне глубокой (5–6 м) котловины, прорезавшей террасу по линии СЗ – ЮВ, буквально в 40–50 м юго-западнее здания переселенческого пункта, найдены несколько палеолитических кострищ с костями и каменными орудиями. Культурные остатки, залегавшие в «желтоватых глинистых песках», перекрывал только 15–20-см слой серых песочков. Раскопки здесь (участок № 2 – крайний восточный) велись в 1923 и в 1927 гг. Общая площадь раскопов – 40 м², из них в 1923 г. вскрыто 15, в 1927 г. – 25 м² [Сосновский, 1935, с. 192–193].

В 1925 г. при выравнивании дороги к причальным мосткам плашкоута был срыт край террасы. При обследовании этого места В. И. Грозовым и Г. П. Сосновским в обна-

⁷ Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 3. Л. 4.

⁸ Там же.

жении был замечен культурный слой «в виде темной полосы, содержащей вкрапления угольков, каменные осколки и расколотые кости животных». Здесь же, на участке № 3 (западнее участка № 1), был заложен раскоп площадью 22 м². Общее число предметов, найденных в раскопе (по данным Г. П. Сосновского), достигает 2350 экз., из них 50 каменных и костяных изделий, 650 отщепов и пластин, 1650 костных остатков. Наиболее многочисленны кости северного оленя, зайца, белой куропатки, встречаются кости косули, быка (бизона?), лошади, волка, марала, козла, барана, пещерного льва [Там же, с. 194–195, 201; Громов, 1948, с. 331].

По мнению Г. П. Сосновского, на всех трех участках вскрыт один культурный слой мощностью 1,5–7 см. В заполнении угли, пережженные кости, каменные осколки, кусочки охры, трубчатые кости животных со следами пребывания в огне, осколки раковин моллюсков. Костные остатки и изделия из камня концентрируются непосредственно вокруг очагов [Сосновский, 1935, с. 194–195, 200].

В своей статье 1935 г., публикуя материалы трехлетних (1923, 1925, 1927 гг.) раскопок Переселенческого пункта, Г. П. Сосновский, не оговаривая этого в тексте, среди материалов из раскопа помещает и подъемные сборы, сделанные в предыдущие годы не только им, но и С. М. Сергеевым [Там же, с. 191–218]. Так, среди орудий, полученных «на трех раскопанных участках», Г. П. Сосновский описывает «миндалевидное орудие двусторонней обработки, типа «*coup de poind*»» [Там же, с. 203, рис. 25, 1]. В фондах КККМ это орудие находится в коллекции (№ 118) разновозрастных подъемных сборов 1919 г. (рис. 2, 5), как и «орудие с резцовым сколом» [Там же, с. 205, рис. 26, 11] (рис. 2, 9). Более того, «орудие с отколотой боковой частью, от которой был отделен краевой скол резцового типа, найденный поблизости» [Там же, с. 209, рис. 26, 12], относится к ранним сборам С. М. Сергеева, в 1921 г. переданным им в дар музею⁹.

Материалы Переселенческого пункта были опубликованы Г. П. Сосновским в 1935 г. До сих пор точно не известны ни места хранения коллекций, ни объем опубликованного материала. В нашем распоряжении были три коллекции каменного и костяного инвентаря с Переселенческого пункта, хранящиеся в Эрмитаже (колл. 1539, включающая 57 каменных артефактов из раскопок Г. П. Сосновского, переданных на хранение в июле 1940 г.), и Красноярском краевом краеведческом музее (КККМ) (подъемные сборы С. М. Сергеева и Г. П. Сосновского, колл. № 110, 118, 122, 133, 143) и своеобразный «резерв» – часть коллекции раскопок 1923 и 1925 гг., возможно, выбракованная исследователями в процессе раскопок и не прошедшая даже первичную обработку – 1608 экз.). Состав последней коллекции очень показателен: в глазах археологов 1920-х гг. не представляли

⁹ КККМ, колл. 133, № 9.

интереса и не выделялись из общей массы каменного материала мелкие долотовидные орудия и проколки, микронуклеусы, заготовки и обломки орудий. Для обработки и дальнейшей публикации в первую очередь отбирали скребки, скребла, нуклеусы, чопперы, костяные поделки.

Учитывая однослойность памятника (возможности проверить этот факт мы лишены), считаю допустимым предложить совокупную характеристику археологического материала стоянки.

Материалом для изготовления орудий служила речная галька различных разновидностей кремня, яшмы, кварцита, роговика. Г. П. Сосновским отмечена тенденция использовать лучшие сорта камня на изготовление «тонких и небольшого размера орудий». Ведущей заготовкой для орудий является отщеп. Преобладали дорсальная и бифасиальная обработки. По Г. П. Сосновскому, ретушь могла быть контрударной (с заломами), мелкой «с правильными ячейками», иногда тонкой «пальцевидной», выглаживающей края. Отмечал он и прием «резцовых сколов», понимая под этим и отщепление микропластин с соответствующих нуклеусов [Сосновский, 1935, с. 202, 203].

Нуклеусы. Г. П. Сосновский выделял «крупные экземпляры неправильно дискоидальной формы» и «мелкие призматического типа» в трех разновидностях: грубоконические, односторонние и более правильные призматические [Там же]. Как дисковидный нуклеус описан и один из артефактов коллекции Эрмитажа, однако, изготовленный из вязкой базальтовой породы, он имеет четкие следы утилизации в виде забитостей по противоположащим краям. Одноплощадочный монофронт с сегментовидной площадкой выделен среди материалов подъемных сборов (КККМ). В отличие от большинства подобных изделий данный нуклеус имеет контрфронт, уплощенный снятиями с трех сторон (рис. 2, 12). Негативы снятий соответствуют отщепам и пластинчатым сколам. В целом, коллекции Эрмитажа и КККМ не дают ни одного экземпляра нуклеусов крупных форм.

В качестве скребка с дугообразным лезвием, обушком и с «параллельными каннелюрами» Г. П. Сосновский описывает клиновидный нуклеус с гребнем, модифицированным в виде скребкового лезвия [Там же]. Микроформы коллекции КККМ представлены единичными экземплярами (нередко в обломках) клиновидных и псевдоклиновидных микронуклеусов с широким коротким фронтом и овальной площадкой (рис. 2, 7, 9; 4, 1, 2). Можно отметить, что и в сохранившихся коллекциях, и в публикациях Г. П. Сосновского, клиновидные микронуклеусы, как бы они ни назывались («скребки с каннелюрами на обушке» или «орудия с резцовыми сколами»), практически отсутствуют.

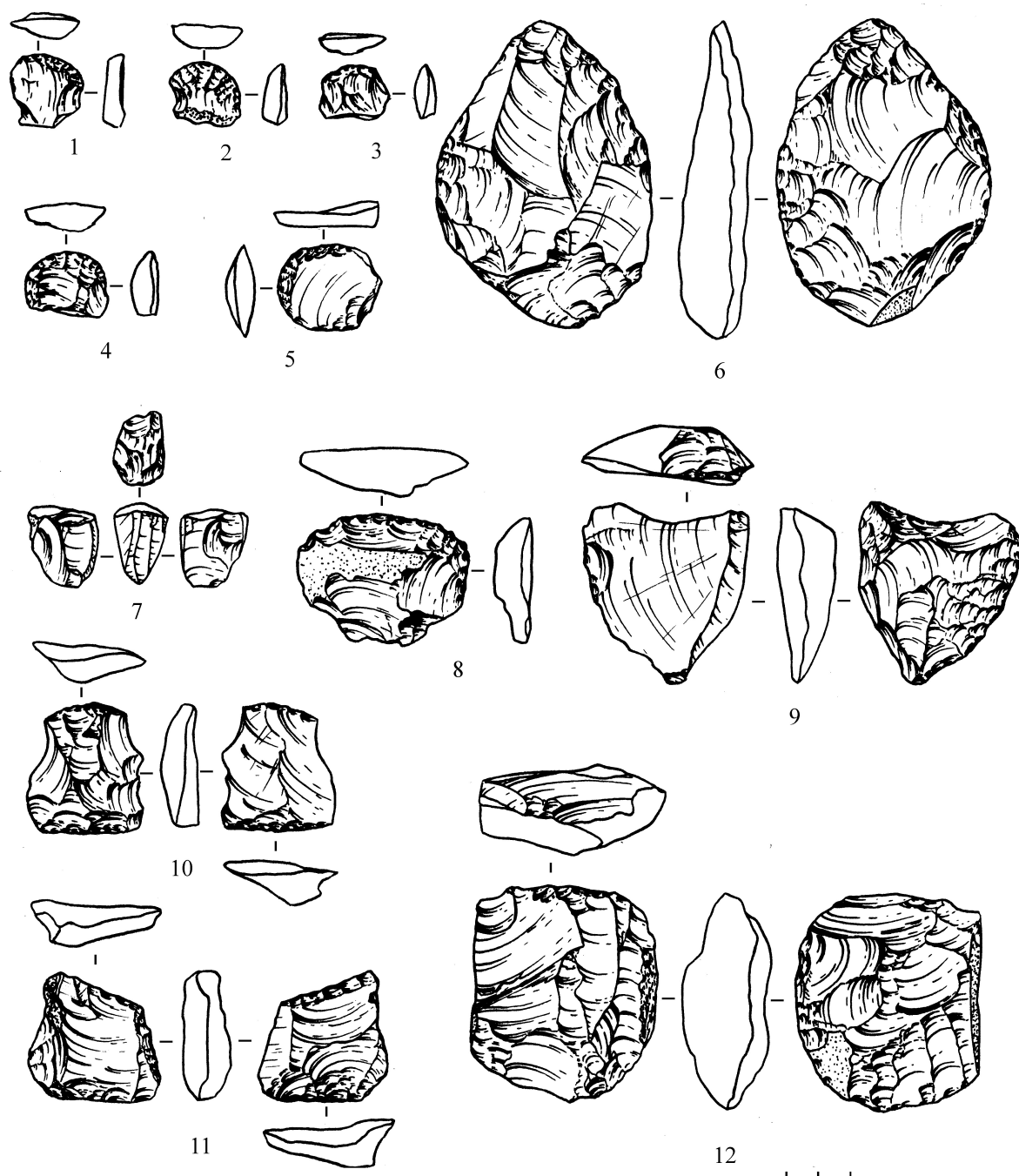

Рис. 2. Переселенческий пункт. Подъемные сборы 1919 г. (колл. КККМ № 110, 118). Каменный инвентарь:

1–5 – скребки; 6 – бифас; 7 – микронуклеус; 8 – скребло, 9 – заготовка клиновидного нуклеуса; 10, 11 – долотовидные орудия; 12 – нуклеус

Скребла. По Г. П. Сосновскому, большинство скребел изготовлено «на широких и массивных отщепах и принадлежит к обычной для енисейского палеолита овальной и сегментовидной форме скребла с выпуклым рабочим краем» [Там же, с. 205]. Несколько скребел из этой серии представлено в коллекции Эрмитажа. Все они, за единственным исключением, изготовлены на овальных отщеповых заготовках, в основном первичных. Рабочая часть во всех случаях располагается на широкой части заготовки, будь то край или

дистальный конец. Степень оформления варьирует от лаконичной ретуши непосредственно вдоль линии рабочего края до ретуши, покрывающей всю или большую часть поверхности дорсала (рис. 3, 3–8). Единственным является вентральное боковое скребло-унифас со следами эоловой обработки поверхности (рис. 3, 1). Не зная условий нахождения артефакта, невозможно говорить о безоговорочной принадлежности его к данному комплексу.

Все скребла имеют вентральную подработку обушка или овальных концов в виде подтески или ретуши утилизации, опять же, независимо от того, на каком элементе заготовки располагается рабочий край.

Г. П. Сосновский выделяет также «скребла небольшого размера», в частности с двумя сходящимися под углом краями, и как «разновидности описываемой серии» называет отщепы «типа примитивных пластин» с мелкой ретушью по выпуклому краю, а также отщепы случайных форм со следами вторичной обработки [Там же, с. 207]. Вероятно, это могли быть ножевидные орудия на отщепах с мелкой краевой ретушью, представленные в коллекции Эрмитажа.

В коллекции подъемных сборов КККМ присутствуют только небольшие формы скребел на отщепах (рис. 2, 8).

Скребки. Одна из наиболее многочисленных групп – более 80 экз. Г. П. Сосновский выделяет восемь разновидностей, не вкладывая в основу классификации никакого определенного критерия [Там же]. Это «непропорционально утолщенные экземпляры с круто обработанным выпуклым рабочим лезвием», «скребочки подтреугольных очертаний с полуквадратным лезвием», «на конце продолговатого отщепа», «плоские подквадратной формы скребочки (типа «утиного носа») с обработкой ретушью одного выпуклого бокового края», «микроскребочки... с тщательной обделкой тонкой ретушью рабочей части», «случайной формы, приготовленные на мелких обломках раздробленного отщепа», «орудия типа мелкого скребла-скребка на отщепах более крупного размера», «округлые скребочки с признаками геометризации формы, с ретушью по краям большей части окружности орудия». «Близки к скребкам», по Сосновскому, и мелкие орудия «с заострением на одном конце, обработанные мелкой ретушью по всем краям». Скребки «резерва» демонстрируют три варианта оформления: микроскребки боковые на отщепах с широким выпуклым рабочим краем, обработанным крутой мелкофасеточной ретушью (рис. 4, 10), скребки боковые на первичных отщепах с нерегулярной краевой ретушью, концевой скребок на фрагменте пластины с крутой ретушью по выпуклому краю. В подъемных сборах, помимо указанных форм, присутствуют также скребки с унифасиальным оформлением поверхности и широким полуконцентрическим рабочим краем (рис. 2, 1–5).

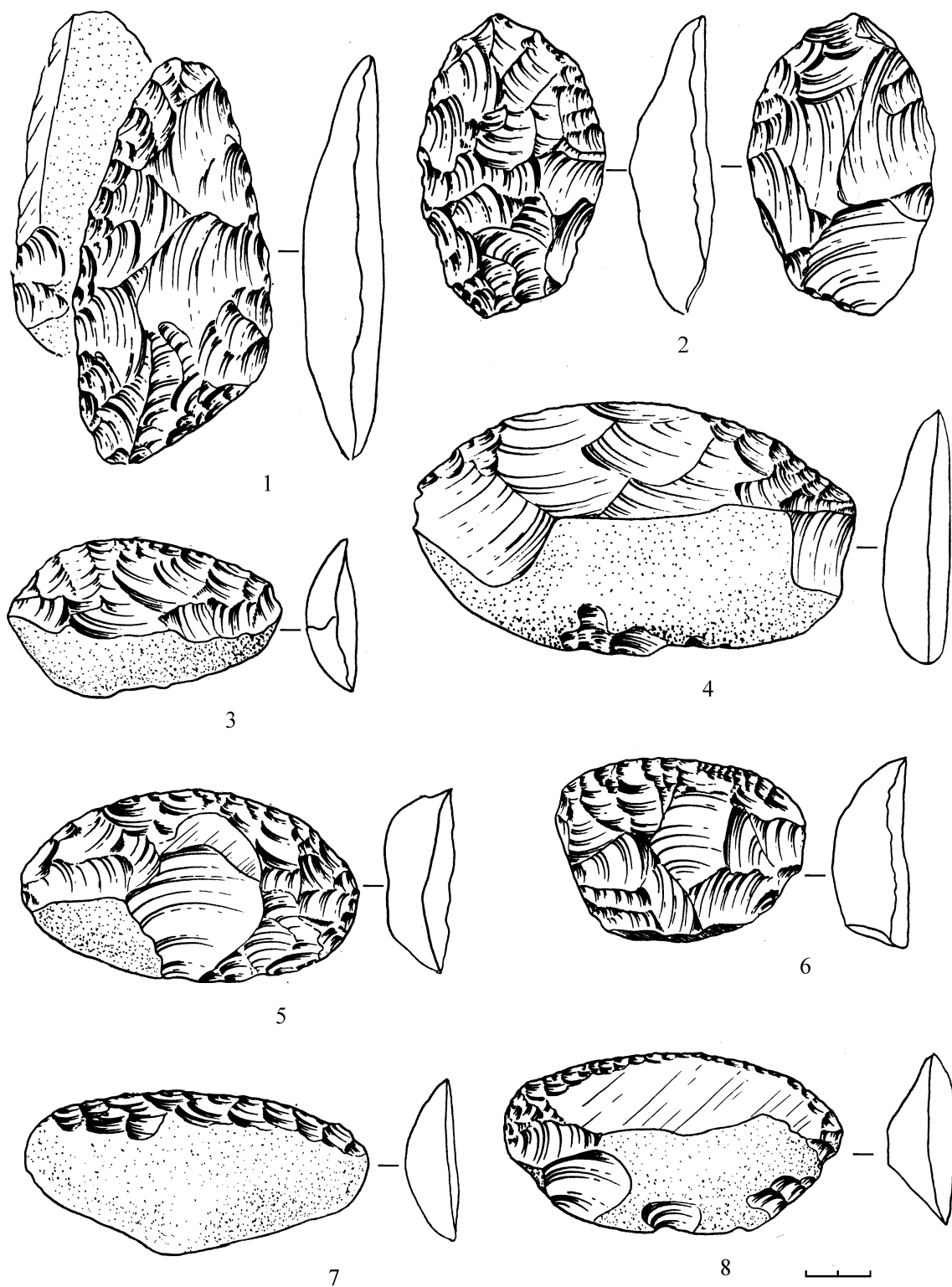

Рис. 3. Переселенческий пункт. Материалы раскопок Г. П. Сосновского (колл. Эрмитажа № 1539).
Каменный инвентарь:
1, 3–8 – скребла; 2 – бифас (заготовка?)

Долотовидные орудия. У Г. П. Сосновского эта группа представлена в двух вариантах: 1) долотовидные в виде «массивных отщепов грубой обработки, с желобчатыми выемками по краю, занимающих среднее место между крупными экземплярами *pièce essai* и вогнутыми скребками», причем «не найдено «долотообразных орудий», извест-

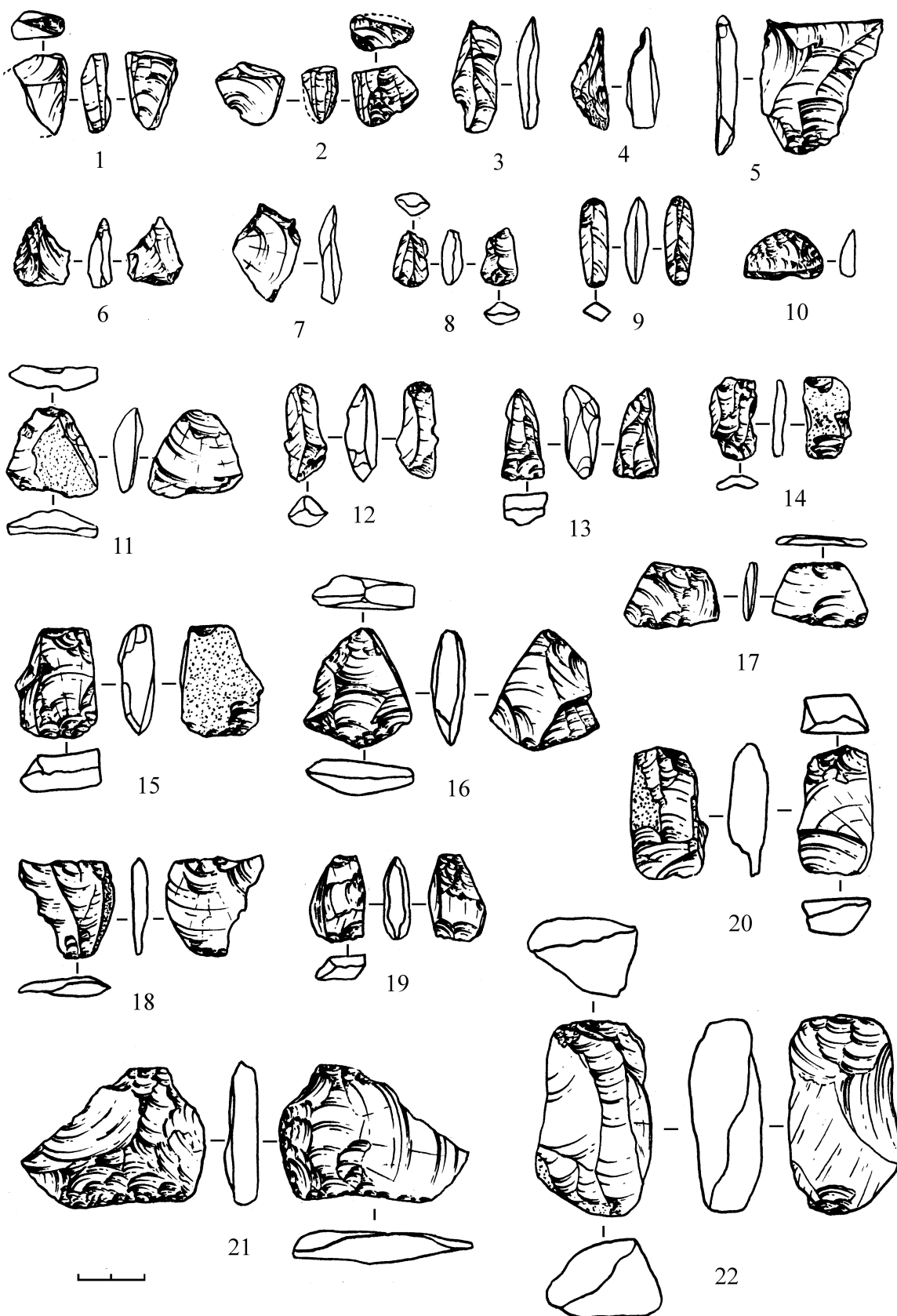

Рис. 4. Переселенческий пункт. Материалы раскопок Г. П. Сосновского (колл. КККМ). Каменный инвентарь:

1, 2 – микронуклеусы; 3, 5, 7 – проколки; 4, 6 – резцы; 8, 9, 11–22 – долотовидные орудия; 10 – скребок

ных с Афонтовой 2...»; 2) нуклевидные формы – *pièces esaiées*, среди которых выделяет более крупные, «приготовленные из утолщенных кусков камня», и более мелкие и миниатюрные формы, у которых в ряде случаев рабочий край имеет желобчатый вид [Там же].

Неожиданно большая группа долотовидных орудий выявлена в коллекции «выбранного» материала (45 экз.). Орудия изготовлены на отщепах, обломках и сколах, как правило, небольших по размеру, но массивных в сечении. Нестандартными являются долотовидные на проксимальном сегменте призматической пластины с противолежащими рабочими краями по обоим маргиналам, на маленькой кварцитовой галечке с одним рабочим краем, на крупном обломке гальки, треугольное в профиле и сечении с прямым клинообразным рабочим краем. Как правило, предварительная обработка орудия отсутствовала или была минимальной. Только в ряде случаев можно говорить о целенаправленной подготовке формы. Как правило, заготовками являлись разноформатные отщепы (рис. 4, 11, 14–18, 20–21) и мелкие нуклевидные обломки (рис. 4, 8–9, 12–13, 19) с оформлением двух противолежащих краев как равноценных, так и специализированных (обушок – рабочий край). Две пары рабочих участков имело единственное орудие с бифасиальной обработкой поверхностей. В одном случае прослеживаются два смежных под углом около 110° узких обушка и два соответствующих им рабочих края в идентичном положении (рис. 4, 16). Оба рабочих участка у большинства орудий параллельны и сходны по ширине (рис. 4, 15, 20), отклонения от модели относительно редки, встречены в двух вариантах: один край шире другого в 4–5 раз (рис. 4, 11, 18, 21), края параллельны и одинаковы по размеру, но расположены в разных плоскостях («винт») (рис. 4, 22). Можно выделить три геометрические формы: 1) прямоугольник (продольные формы, где рабочие участки располагаются по коротким концам заготовки, поперечные – соответственно по широким, и квадратные); 2) треугольные, где обушок располагается на вершине, рабочий край – на гипотенузе заготовки; 3) овал, где расположение рабочих участков произвольно. Среди прямоугольных продольных форм выделяется довольно многочисленная группа орудий на пластинчатых сколах с шириной рабочих краев около 0,5 см (рис. 4, 9, 12). Долотовидные орудия из подъемных сборов относятся к группе прямоугольных продольных и поперечных форм, как правило, крупных размеров (рис. 2, 10–11).

Проколки, провертки. Г. П. Сосновским упоминается единственное орудие этой категории, впрочем, не интерпретируемое в данном качестве [Там же, с. 207, рис. 26, 5]. Проколки и провертки из коллекции «резерва» (5 экз.) изготовлены на пластинах и пластинчатых сколах. Прослеживаются два основных варианта оформления рабочего края: обработка выступающего узкого или широкого конического жальца мелкофасеточной

дорсальной ретушью (рис. 4, 3, 5, 7) и приспособление естественного выступа на заготовке (в этом случае ретушь носит вспомогательный характер).

Резцы. Мелкие резцовые сколы прослеживаются в единичных случаях как элемент оформления рабочей части проколов (?) (рис. 4, 4, 6).

Бифасиальные орудия. В описании законченных изделий Г. П. Сосновский выделяет небольшую группу двусторонне обработанных орудий без определенных типологических признаков [Сосновский, 1935, с. 207, рис. 26, 4]. Одно из орудий миндалевидной формы («*coup de poind*»), полученное из подъемных сборов [Там же, с. 203] (рис. 2, 6), вызывает сомнение в принадлежности к палеолиту. В коллекции Эрмитажа также присутствует бифасиальное орудие (заготовка?) неясной функциональной принадлежности (рис. 3, 2).

Г. П. Сосновский также описывает остроконечник краевого оформления на широкой пластине («основание стесано и слегка притуплено») [Там же]. Подобных изделий в наших коллекциях встречено не было.

Галечные орудия (чопперы, струги, отбойники). Помимо традиционных отбойников, изделиями, характеризующими каменную индустрию, Г. П. Сосновский считал «крупные куски расколотых галек со сколами щербинами от ударов на поверхности и целые желваки галек со сколами на одном конце», предполагая для них (в зависимости от степени обработки) как рубящие функции («для раздробления костей животных»), так и скребущие («нуклевидные скребла») [Там же]. Практически здесь описаны две разновидности чопперов: рубящие (собственно чопперы) и скребущие (струги, массивные скребла). В коллекциях КККМ они представлены в виде орудий на не крупных гальках с подтреугольным или овальным рабочим краем. Здесь же найдены отбойники – кубовидные оббитые гальки и поперечно расколотые гальки с отвесной оббивкой плоскости рассечения.

Костяные изделия. Все четыре орудия, описанные Г. П. Сосновским (острия, шило и лоцило), изготовлены из рога северного оленя и характеризуются округло или плоско заостренными рабочими концами [Там же, с. 210–211].

Анализируя материалы Переселенческого пункта, Г. П. Сосновский относил его к «первой половине поздней стадии верхнего палеолита Енисея», что по западноевропейской периодизации «должно соответствовать самому концу мадлена или началу азиля», времени исчезновения мамонта и преобладания северного оленя и лошади [Там же, с. 212]. Вопрос о типологическом соотношении материалов Переселенческого пункта и Афонтовой горы в 1930-е гг. не ставился, так как их принадлежность к одному и тому же населению долины Енисея подразумевалась априори.

В послевоенные годы изучением Переселенческого пункта никто серьезно не занимался. Массовая застройка правого берега Енисея в районе паромной переправы и будущего Коммунального моста дала основания считать стоянку уничтоженной, хотя то, что «стоянка в сильной мере развеейна и разрушена, а также на значительной территории застроена», отмечал еще В. Г. Карцов [Карцов, 1929, с. 6]. В то же время Институт урбанистики (г. Санкт-Петербург) в 1993 г. определил границы памятника вдоль берега Енисея от ул. Гладкова до ул. Навигационной. Все последующие работы на этой территории, проводившиеся в 2012 и 2014 гг., результатов не дали¹⁰.

Таким образом, сравнительно большая изученность Переселенческого пункта к концу 1920-х гг. сделала этот памятник, вернее его стратиграфическое положение, эталонным для целой группы енисейских стоянок. Ко времени «начальной фазы послеледниковой эпохи» вместе с Переселенческим пунктом В. И. Громов в 1928 г. отнес также Ладейки, третий и четвертый слои Бирюсы, Улазы, Аешка, Анаш, Батени [Громов, 1928]. Позже в эту группу были включены Лепешкино, Бузунова, Кокорево I, III, IV, нижний горизонт Бирюсы [Громов, 1948, с. 375–379; Сосновский, 1934, с. 264–267]. Хронологические рамки существования этих памятников, по современным представлениям, составляют весьма широкий диапазон – 15–12 тыс. лет (если исключить стоянки типа Аешки). По З. А. Абрамовой, Переселенческий пункт «ближе всего к афонтовской культуре» и может быть датирован в пределах 12–10 тыс. л. н. [Палеолит Енисея, 1991, с. 96].

При неясности вопроса о возрасте (вряд ли он когда-либо теперь будет решен) основной вывод сомнения не вызывает: Переселенческий пункт, Афонтова гора I–IV, Большая Слизнева, Караульный бык, Нанжуль, 4 культурный слой Лиственки [Позднепалеолитическая стоянка..., 1992, с. 16–34; Макаров, Ямских, 1995; Астахов, 1999; Палеолит Енисея. Лиственка, 2005, с. 42–44;] представляют собой красноярскую группу памятников афонтовской культуры со своей, практически неизученной пока, на фоне всего енисейского позднего палеолита, индивидуальностью [Васильев, 1988, с. 64–82]. Возможно, введение в научный оборот всего массива археологического материала, полученного при раскопках Афонтовой горы II в 1990–2000 гг., позволит увидеть, наконец, эту красноярскую индивидуальность афонтовской культуры в динамике ее развития от нижних горизонтов Афонтовой горы II до культурного слоя Переселенческого пункта.

¹⁰ Томилова Е. А. Отчет о проведении археологического обследования в г. Красноярске на выявленном объекте археологического наследия «Стоянка Переселенческий пункт», 2014 г. // Архив ИА РАН. 2014.

Список источников

Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Д. 3, 4, 306.

ГАКК. Ф. р-1380. О. 1. Д. 32.

Государственный Эрмитаж, коллекция 1539, № 1–26.

КККМ, коллекции № 110, 118, 122, 133, 143.

Томилова Е. А. Отчет о проведении археологического обследования в г. Красноярске на выявленном объекте археологического наследия «Стоянка Переселенческий пункт», 2014 г. // Архив ИА РАН. 2014.

Список литературы

Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 208 с.

Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. Часть 1. Каменный период. – Красноярск: Средне-Сибирское государственное географическое общество, 1929. – 19 с.

Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова Ш. Труды общества изучения Сибири и ее производительных сил. – Новосибирск, 1930. – Вып. 7. – 59 с.

Васильев С. А. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 64–82.

Громов В. И. К вопросу о возрасте сибирского палеолита // Доклады АН СССР. – 1928. – № 10. – С. 171–176.

Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды института геологических наук АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – Вып. 64, геологическая серия (№ 17). – 524 с.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1929. – 58 с.

Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Часть 1. – Новосибирск: Наука, 1969. – 390 с.

Макаров Н. П., Вдовин А. С. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 207 с.

Макаров Н. П., Ямских А. Ф. Археология и палеогеография многослойной стоянки Караульный бык // Палеогеография Средней Сибири. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 1995. – Вып. 2. – С. 81–112.

Палеолит Енисея / З. А. Абрамова, С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Н. М. Ермолова, Н. Ф. Лисицын. – Л.: Наука, 1991. – 157 с.

Палеолит Енисея. Лиственка / Е. В. Акимова, Н. И. Дроздов, В. П. Чеха, С. А. Лаухин, Л. А. Орлова, А. Ф. Санько, Е. А. Шпакова. – Красноярск; Новосибирск: «Универс»; «Наука», 2005. – 180 с.

Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнева / А. С. Вдовин, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских, Н. Д. Оводов // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). – Красноярск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1992. – С. 16–34.

Рождение правобережья: история половины Красноярска [Электронный ресурс] // newslab.ru [офиц. сайт]. URL: <https://newslab.ru/article/821688> (дата обращения: 19.01.2019).

Сосновский Г. П. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска // Записки Иркутского научного музея. – Иркутск: Изд-во ВСОРГО, 1924. – Вып. 1. – С. 1–16.

Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конф. АИЧПЕ. – Л.; М.; Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 246–303.

Сосновский Г. П. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины // Палеолит СССР. Известия ГАИМК. – М.; Л., 1935. – Вып. 118. – С. 152–218.

E. V. Akimova

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk*

**PERELENCHESKIY PUNKT (PEREVOZINSKAYA) SITE:
LEGENDS OF ARCHAEOLOGY OF KRASNOYARSK**

Pereselencheskiy punkt (Perevozinskaya) site is one of the most famous Krasnoyarsk's Late Paleolithic sites, as the most significant site of the late period of Afontovo culture of the Middle Enisey. History of Pereselencheskiy punkt research goes hand in hand with Krasnoyarsk Late Paleolithic researchers (Savenkov I. T., Joseph de Baye, Sergeev S. M., Sosnovskiy G. P., Gromov V. I. and others) and has been reflected in many scientific publications and archive material that bear the stamp of the epoch. The article deals with the contentious issues of history of Pereselencheskiy punkt site research, especially the period of exploring the site and its location, interpretation of its materials by Sosnovskiy G. P. bearing in mind traditions of 1920s. Stone and bone inventory collections that are kept in the Hermitage and Krasnoyarsk Regional Local Lore Museum have being revised. Unprocessed materials of 1923 and 1925 have published for the first time.

Keywords: history of archaeology, Late Paleolithic, Enisey, Afontovo archaeological culture.

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

E-mail: pmandryka@yandex.ru, pollina1987@rambler.ru

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА МИНЖУЛЬ ПОД КРАСНОЯРСКОМ

В статье анализируются результаты раскопок многослойной стоянки Минжуль, расположенной в Красноярской лесостепи. В ходе полевых работ было выделено три культурных слоя. В первом зафиксированы фрагменты сосудов ладейской культуры, железные наконечник стрелы и игла, отходы черной металлургии. Слой содержит однородные в культурно-хронологическом отношении материалы и датируется первой третью II тыс. н. э. Во втором слое отмечены единичные железные изделия, каменные орудия, фрагменты десяти разнотипных сосудов. Керамика находит аналогии в материалах раннего Средневековья, тагарского времени и поздней бронзы Красноярской лесостепи. Находки третьего культурного слоя наиболее многочисленны. Среди каменного инвентаря выделяется коллекция нуклеусов, разнотипных скребков, тесел и топоров, скребел, наконечников стрел, грубых галечных орудий, есть проколка и бифасиально обработанные изделия. Керамика слоя характерна для неолита и раннего бронзового века лесостепных районов Приенисейской Сибири.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, Красноярская лесостепь, неолит, бронзовый век, ранний железный век, Средневековье, стоянка, керамика, каменная индустрия.

Введение

Изучение древностей г. Красноярска и его окрестностей имеет длительную историю, но большинство вопросов археологии этого района до сих пор не решены. Значительная часть имеющихся материалов происходит из случайных сборов, зачастую не привязанных к конкретным объектам. Результаты многих работ остаются не опубликованными. В этой связи введение в научный оборот массива материалов, полученных в ходе раскопок многослойной стоянки Минжуль, позволит расширить и существенно дополнить источниковую базу по истории региона в древности и Средневековье.

Материалы

Стоянка Минжуль расположена в 33 км выше города Красноярска. Здесь Енисей начинает выходить из так называемой трубы – участка его течения через отроги Восточного Саяна между Чулымо-Енисейской котловиной и Красноярской лесостепью. Археологический материал зафиксирован на обеих приустьевых 14–15-метровых террасах реки Минжуль – левобережного притока Енисея. Территория памятника частично застроена, огорожена и недоступна сейчас для дальнейших исследований.

Памятник открыт Владимиром Петровичем Симаковым, учителем средней школы № 17 г. Красноярска. В августе 1955 г. директором Красноярского краевого музея З. К. Глусской и сотрудником Археологической экспедиции Института истории материальной культуры А. А. Гавриловой, под общим руководством М. П. Грязнова, проводились полевые исследования на памятнике¹. Здесь был собран подъемный материал, сделана зачистка, заложены два раскопа. В фондах КККМ хранится небольшая коллекция предметов 1955 г. без номера, полученная в ходе этих работ*. Среди находок небольшое число отходов первичного расщепления камня, обломков костей животных, фрагментов керамики без орнамента, а также индивидуальных находок. Среди последних железный бронебойный наконечник стрелы с круглым в сечении черешком без упора и четырехгранным заостренным пером (рис. 1, 3). Размер наконечника 7,5×0,8×0,8 см. В керамической коллекции также присутствует один фрагмент венчика без орнамента (рис. 1, 5) и фрагменты стенок сосудов, орнаментированные различными оттисками гребенчатого и гладкого штампа (рис. 1, 4, 7, 8). Среди изделий из камня нужно отметить монофронтальный призматический нуклеус размерами 3,2×3,1×1,9 см со скошенной площадкой (рис. 1, 9) и отщеп с краевой ретушью с дорсальной стороны размерами 3,8×3,0×0,4 см (рис. 1, 6). Дополняют коллекцию два обломка рога косули со следами обработки (рис. 1, 1, 2).

В 1964 г. сбор подъемного материала с территории стоянки проводил археолог Красноярского краевого музея Н. В. Нащекин. На правом берегу реки, около дома бакенщика, он фиксирует ножевидные пластины и мелкие фрагменты керамики². В конце 70-х гг. сборы подъемного материала на стоянке осуществляет учитель средней школы № 1 г. Дивногорска К. В. Зырянов. В 1979 г. памятник осматривается участниками Среднеенисейского отряда Североангарской экспедиции Красноярского пединститута во главе с В. А. Погудиным. В осыпях песчаного обрыва они поднимают каменный топор, наконечники копья и стрелы, отщепы и фрагменты керамики эпохи раннего металла [Погудин, Дроздов, 1980]. В 1980 г. небольшая зачистка борта террасы левого берега реки Минжуль выполняется сотрудником Красноярского краевого музея Н. П. Макаровым³.

В 1985 г. на осыпях и в обнажениях левобережной приустьевой террасы р. Минжуль П. В. Мандрыкой фиксируется многочисленный подъемный материал, состоящий из каменных отщепов и сколов, обломков костей животных и зуба лошади, а также фрагментов керамики с обмазочными валиками, пальцевыми защипами, рубчатой выколоткой и

¹ Грязнов М. П. Список археологических памятников, план и смета арх. работ в ложе водохранилища Красноярской ГЭС. 1955 // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 61. Л. 8.

* Авторы выражают искреннюю благодарность С. М. Фокину за помощь в работе с коллекциями, хранящимися в фондах КККМ.

² Нащекин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 г. // НА КККМ. Оп. 5. Д. 96.

³ Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции музея в 1980 году // Архив КККМ. 712/05.

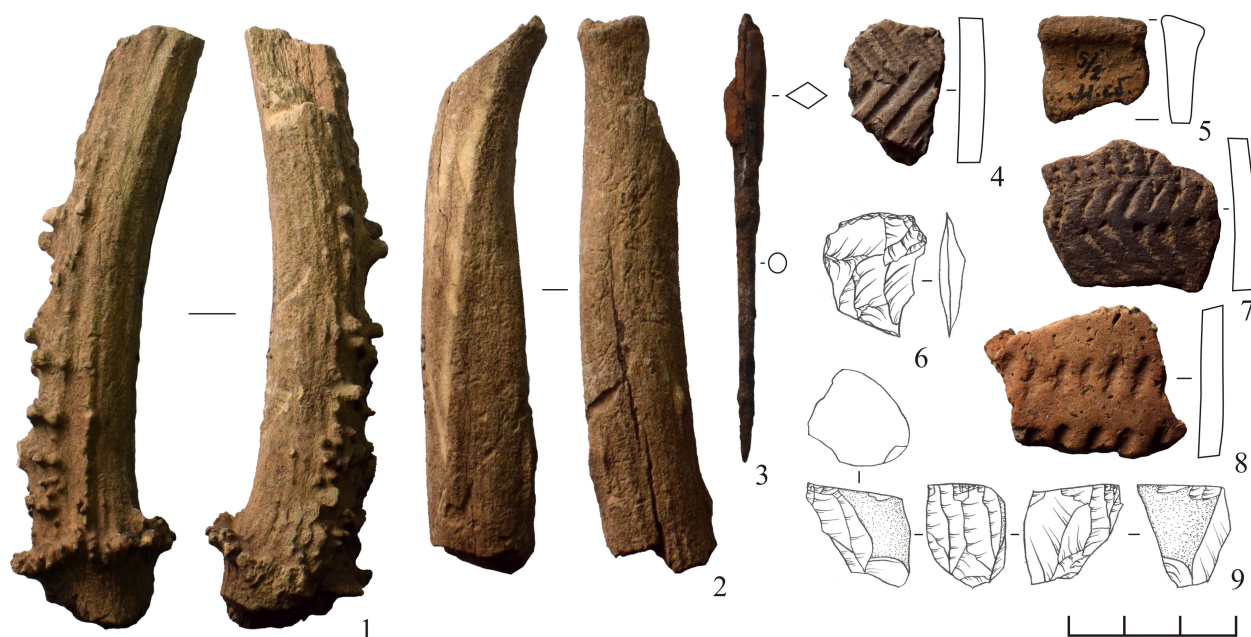
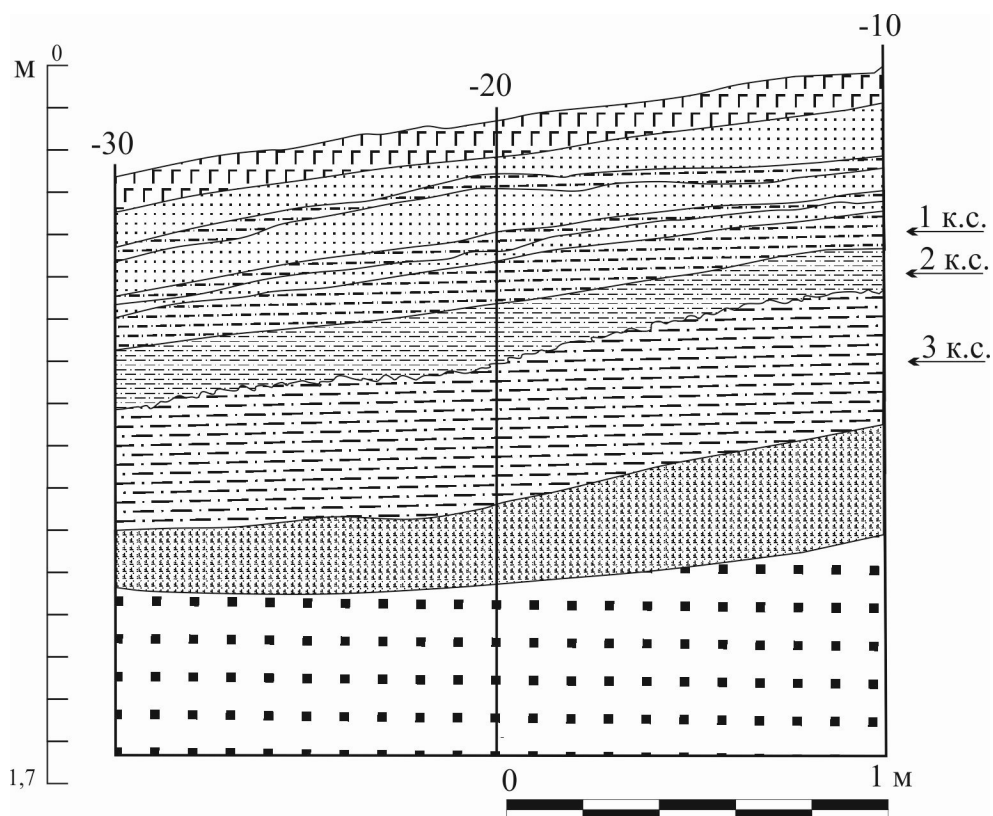

Рис. 1. Материалы стоянки Минжуль, полученные А. А. Гавриловой в ходе работ 1955 г.:
1, 2 – рог; 3 – железо; 4–5, 7–8 – керамика; 6, 9 – камень

без орнамента. Шесть крупных фрагментов относились к одному сосуду с рубчатой выколоткой, впоследствии фрагменты от него были зафиксированы в третьем культурном слое (см. далее).

Раскопки стоянки Минжуль проводились в 1988, 1990 и 1991 гг. отрядом под руководством П. В. Мандрыки. Раскопы 1988 и 1990 гг. примыкали друг к другу, раскоп 1991 г. располагался несколько в стороне (на мысу, за дорожным спуском). Общая вскрытая площадь составила 112 м². Полевыми работами и сопоставлением материалов из разных участков памятника выделено три культурных слоя. На площадях раскопов 1990 и 1991 гг. покровные почвенные отложения были нарушены распашкой, поэтому стратиграфическая ситуация приводится по восточной стенке раскопа 1988 г., на которой наиболее полно сохранились геологические наслоения (сверху вниз, мощность в см) (рис. 2):

- темно-бурый песчаный почвенно-растительный слой – 10–12;
- серый мелкозернистый песок – 5–14;
- темно-бурая гумусированная супесь – 3–4;
- серый мелкозернистый песок – 6–14;
- темно-бурая гумусированная супесь – 4–5;
- серый мелкозернистый песок – 2–5;
- темно-бурая гумусированная супесь, содержит материал первого культурного слоя – 10–11;
- красно-бурая супесь, содержит материал второго культурного слоя – 12–16;

[дерн] -1 [темно-бурая супесь] -2 [серый песок] -3 [красно-бурая супесь] -4 [светло-бурая супесь] -5 [желтый песок] -6 [светло-серый песок с включениями карбонатизированной глины] -7
 1 – дерн; 2 – темно-бурая супесь; 3 – серый песок;
 4 – красно-бурая супесь; 5 – светло-бурая супесь;
 6 – желтый песок; 7 – светло-серый песок с включениями
 карбонатизированной глины.

Рис. 2. Стратиграфическая колонка стоянки Минжуйль

- светло-бурая супесь, в подошве залегает материал третьего культурного слоя – 32–40;
- желтый крупнозернистый песок – 16–30;
- светло-серый песок с включениями карбонатизированной глины – видимая мощность 40 см.

Археологический материал *первого культурного слоя* приурочен к темно-бурой гумусированной супеси. В раскопе 1988 г. он перекрывался слоями наносного песка и погребенных супесчаных почв, что обеспечило его хорошую сохранность. В раскопах 1990 и 1991 гг., залегая под дерном, слой был нарушен многочисленными перекопами и траншеями современного поселка. Большая часть материалов происходит из раскопа 1988 г. Находки зафиксированы на глубинах от 0,45 до 0,55 м по всей толще слоя. Отмечены единичные обломки костей косули и зуб лошади, металлические изделия и два скопления фрагментов керамики, а также оплавленный кусочек бронзы и скопление железных шлаков из нижней части плавильной камеры сыродутного горна.

Железный черешковый боеголовковый четырехгранный наконечник стрелы (рис. 3, 2) имеет выделенную ромбовидную, остроугольную боевую головку и длинную округлую шейку с упором. Размеры наконечника 7,0×0,5×0,4 см. Железная игла, квадратная в сечении, с уплощенным ушком (рис. 3, 3), ее размер 9,3×0,4×0,3 см.

В слое зафиксированы скопления фрагментов керамики от двух однотипных сосудов. Первый из них – горшок с профилированной низкой шейкой, отогнутым венчиком, покатыми плечиками и шаровидным туловом (рис. 3, 4). Венчик орнаментирован оттисками подушечки пальца и ногтя. На плечиках такие же оттиски расположены группами по четыре, «крестом». Керамика грубая, слоистая, темно-серого цвета, на внутренней стороне фиксируются отпечатки пальцев и слой нагара. Внешняя поверхность горшка немного подлощена. Толщина стенок 0,7 см, диаметр сосуда по венчику 34 см.

Второй горшок со слабопрофилированной шейкой, отогнутым венчиком и покатыми плечиками (рис. 3, 1). Край сосуда орнаментирован глубокими округлыми наколами с С-образным углублением внутри. Такой оттиск остается от подушечки пальца и ногтя. На плечиках сосуда расположены два ряда таких же наколов. Керамика плотная, коричневого цвета, на внутренней стороне прослеживаются вмятины от отпечатков пальцев и затирания поверхности твердым предметом. Толщина стенок 0,5 см, диаметр сосуда по венчику 24 см.

Второй культурный слой приурочен к красно-бурой супеси, ровный по простиранию, не имеет нарушений, отделяется от вышележащего слоя цветом и плотностью. Глубина залегания артефактов от 0,55 до 0,65 м, они отмечены по всей толще. В южной части раскопа 1988 г. зафиксировано воронкообразное понижение слоя. Найдены фрагменты керамики, металлические и каменные изделия, бронзовые шлаки, фрагменты костей косули и лошади.

Железные предметы: обломок пластинки (рис. 4, 3) размерами 3,6×1,0×0,2 см; тонкая четырехгранная игла (рис. 4, 4) размерами 5,1×0,1×0,1 см; черешковый треугольный наконечник стрелы размерами 5,5×1,3×0,2 см, вырезанный из тонкого листа металла (рис. 4, 5).

О литье бронзы на памятнике свидетельствуют два шлака и фрагмент керамики, с внутренней стороны которого прикипел королек бронзы.

Керамика слоя разнообразна, по фрагментам венчиков и стенок, рецептуре формовочной массы определяются десять сосудов. К первому отнесены черепки, залежавшие скоплением вместе с расколотыми костями косули. Собрана верхняя часть горшка с прямой шейкой и покатыми плечиками (рис. 4, 2). Венчик прямой, украшен насечками. На шейку нанесены пять рядов оттисков гладкого прямоугольного орнамента, которые

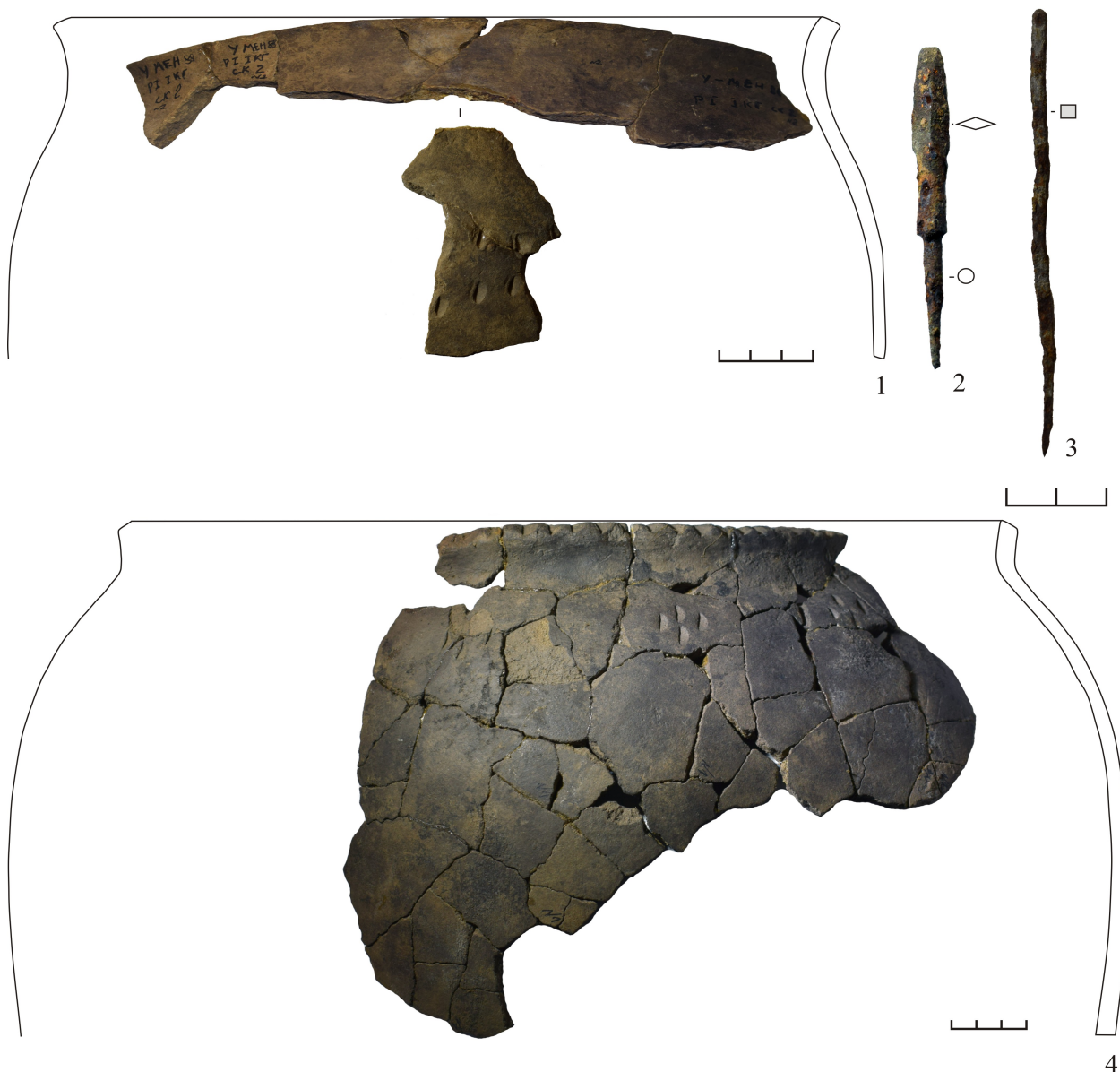

Рис. 3. Материалы первого культурного слоя стоянки Минжуль:
1, 4 – керамика; 2, 3 – железо

строятся в мотив «елочка». Сосуд темно-серого цвета, на внутренней стороне сохранились следы затирания стенок твердым предметом. Диаметр сосуда по венчику 26 см, толщина стенок 0,5 см.

Черепки второго сосуда также залежали скоплением. Они относятся к емкости простой открытой формы, с каплевидным в сечении венчиком (рис. 4, 1). Под краем выдавлен горизонтальный гладкий желобок шириной 1,0 см. Керамика коричневого цвета, плотная, в составе формовочной массы значительная примесь дресвы. Толщина стенок сосуда 0,6 см.

Третий сосуд представлен несколькими фрагментами венчика и стенок (рис. 4, б), залежавшими в слое разрозненно. Сосуд закрытой формы, со слабо выраженной прямой шейкой и покатыми плечиками. Венчик прямой, с внешней стороны украшен насечками.

Рис. 4. Материалы второго культурного слоя стоянки Минжуль:
1, 2, 6–15 – керамика; 3–5 – железо; 16–18 – камень

На плечиках читаются два горизонтальных ряда парных наколов. Керамика серо-коричневого цвета, плотная. Толщина стенок 0,5 см.

Четвертый сосуд представлен двумя фрагментами венчика (рис. 4, 7). Шейка горшка утолщена налепной лентой шириной 3,0 см. Она украшена плотными оттисками пальцевых защипов, вертикальными и наклонными. Керамика светло-коричневая, плотная. Толщина фрагментов 1,1 см.

Черепки от пятого сосуда залегали в слое как в скоплении, так и разрозненно. Реконструируется верхняя часть емкости простой закрытой формы (рис. 4, 9). Край сосуда утолщен налепным валиком, который рассечен пальцевыми вдавлениями. Под ним проходит пояс ямок, ниже еще один рассеченный валик. На внешней поверхности тулова фиксируются «вафельные» отпечатки выбивания. Керамика серо-коричневого цвета, плотная, на внутренней поверхности прослеживаются пальцевые вдавления и толстый слой нагара. Толщина стенок 0,4 см.

Еще два сосуда представлены единичными фрагментами венчиков. Они принадлежали горшкам закрытой формы, с отогнутым краем и с профилированной шейкой. Один тонкостенный (толщина 0,3 см), его край с внешней стороны украшен насечками. На шейке отмечается вертикальный налепной валик с насечками (рис. 4, 13). Фрагмент светло-коричневого цвета. Другой сосуд с толщиной стенок 0,5 см, светло-коричневого цвета. Насечками украшен только венчик (рис. 4, 8).

К восьмому сосуду отнесены черепки стенок, залежавшие скоплением и украшенные обмазочными валиками, которые образуют мотив «елочка». Керамика с большим количеством дресвы в формовочной массе, валики выглядят грубыми, с бороздками от зерен твердых частиц. На некоторых черепках возле краев присутствуют отверстия, возможно, для стягивания трещин лопнувшего (во время обжига или использования) сосуда. На внутренней поверхности – нагар. Сосуд коричневого цвета, толщина стенок 0,4–0,6 см. Среди черепков в скоплении найден астрагал косули.

Девятый сосуд характеризуется тонкостенным горшком, украшенным тонкими налепными валиками и оттисками крупнозубой гребенки (рис. 4, 10). Валики оформлены пальцевыми защипами. Керамика светло-коричневая, толщина черепка 0,4 см.

Последний, десятый, сосуд представлен небольшими фрагментами стенок, украшенными тонкими налепными валиками, оформленными защипами. Керамика серо-коричневого цвета, толщина стенок 0,5 см (рис. 4, 14).

Кроме черепков от сосудов, в слое зафиксированы фрагменты керамических трубчатых изделий диаметром около 4,0 см, светло-коричневого цвета (рис. 4, 11, 12, 15). Толщина их стенок 0,3 см, что не соответствует известным воздуховдным соплам для сыродутных горнов. Наличие «карнизиков» по краю допускает их крепление к стенкам сосудов, где они могли выступать либо трубчатыми ушками, либо высокими поддонами.

Из слоя происходит небольшое количество каменных изделий. Среди них концевой скребок высокой формы на халцедоновом сколе округлой формы (рис. 4, 18). Выпуклое лезвие обработано крутой ретушью. На спинке сохранились участки с галечной коркой. Размер орудия 2,7×2,0×1,4 см. Имеются два ножа, выполненные на широких пластинчатых

снятиях. Один – вкладыш – оформлен бифасиальной покрывающей ретушью (рис. 4, 16). Другой – на пластине с краевой двусторонней ретушью и следами подшлифовки на плоскости (рис. 4, 17). Размеры орудий 2,7×4,2×0,3 см и 2,3×4,3×0,3 см. Также в слое залегали отщепы, сколы, пластинки без следов вторичной обработки.

Третий культурный слой приурочен к подошве слоя светло-бурой супеси и залегал на глубине 0,85–0,90 м от дневной поверхности. Слой ровный, мощностью до 10 см. В нем были отмечены фрагменты керамики, отходы первичного расщепления камня, каменные орудия, обломки костей животных, обожженная глина.

Керамическая коллекция слоя невелика, по фрагментам венчиков можно выделить шесть сосудов. От первого найден фрагмент с прямым, округлым в сечении краем. Под ним проходит ряд «жемчужин», еще ниже – два ряда наколов (рис. 5, 2). Керамика красно-коричневого цвета, в изломе – черная. Толщина стенок 0,5 см.

Фрагменты венчиков от двух сосудов орнаментированы горизонтальными рядами оттисков гребенки, дополненных поясом парных или одиночных ямок. Фрагменты венчика четвертого сосуда украшены горизонтальными полосами оттисков отступающей мелкозубчатой лопатки и поясом ямок (рис. 5, 3). От пятого сосуда сохранился фрагмент без орнамента. Это чашка (рис. 5, 1) закрытой формы со скошенным внутрь обрезом. Предполагаемый диаметр по венчику 9–10 см, высота 8–9 см, толщина стенок 0,6 см. Внешняя поверхность стенок залощена, внутренняя без следов нагара.

Еще один сосуд простой открытой формы (рис. 5, 3). Венчик скошен наружу, оформлен насечками. Под краем сосуд украшен двумя горизонтальными полосами из отступающих оттисков мелкозубчатого орнамента с прямоугольным рабочим краем, ниже нанесен ряд ямок. Толщина стенок 0,8 см, с внешней стороны они покрыты отпечатками рубчатой колотушки.

В слое также зафиксированы два фрагмента плоских доньшек от керамических сосудов. Угол перехода плоскости дна к придонной части тупой, без уступа. С внешней стороны оба доньшка украшены рядами наклонно поставленной гребенки. Еще отмечены небольшие фрагменты стенок сосудов со следами рубчатой выколотки, оттисками гребенки и без орнамента.

Среди неопределимого остеологического материала отмечена заготовка какого-то изделия (подвески?) из обломка длинной трубчатой кости размерами 12,8×2,8×0,3 см (рис. 5, 6). Возле одного края просверлено отверстие диаметром 0,2 см.

Представительна и разнообразна коллекция каменных изделий, для которых исходным сырьем выступали речные гальки. О проведении на стоянке операций по первичному расщеплению свидетельствуют находки преформы, пренуклеуса и восьми нукле-

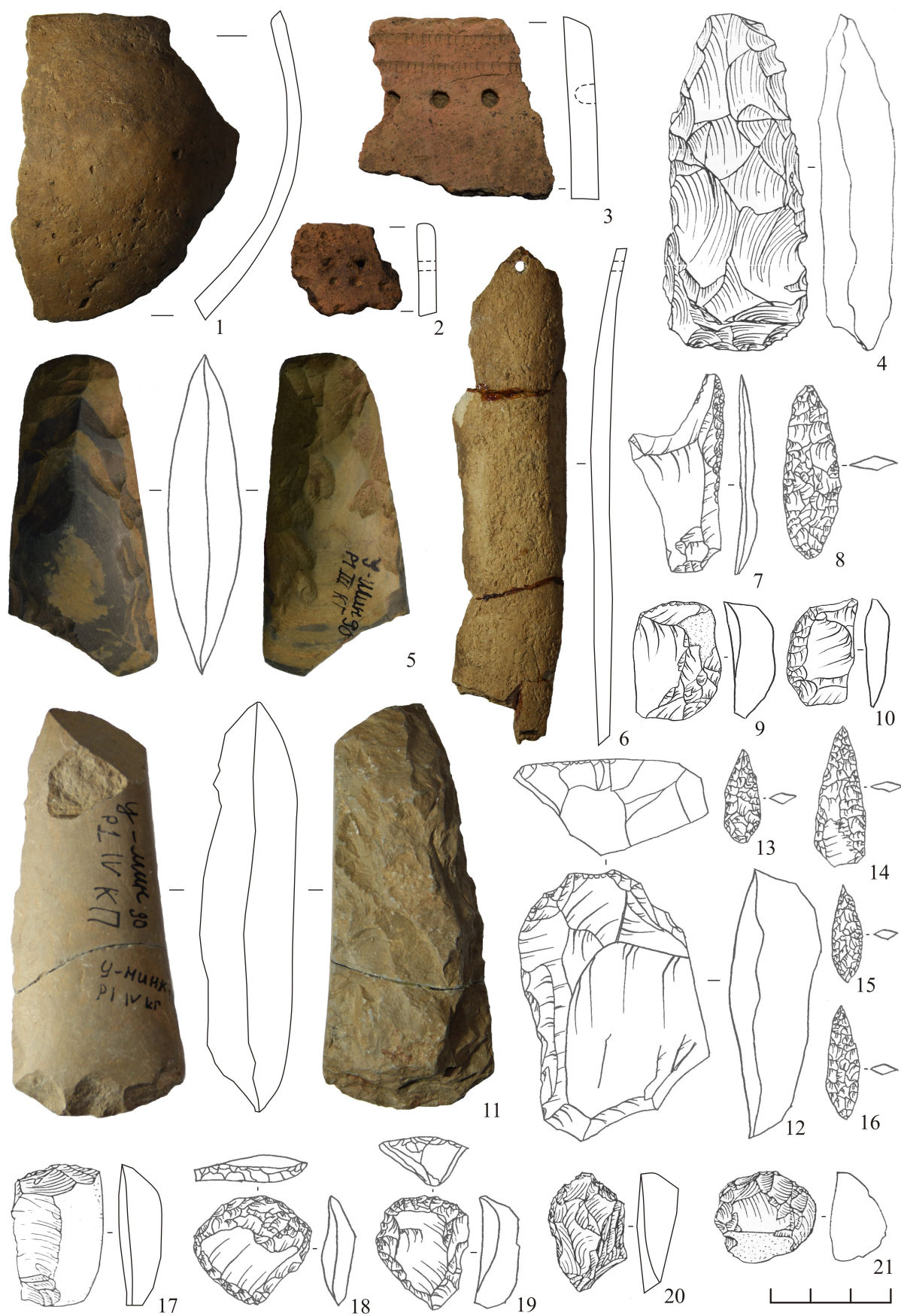

Рис. 5. Материалы третьего культурного слоя стоянки Минжуль:
 1-3 – керамика; 6 – кость; остальное – камень

усов, отходы первичного расщепления представлены отщепами, сколами, редкими пластинками.

К преформе условно отнесен массивный скол с гальки. Он кубовидной формы. Для скалывания подготовлены боковые плоскости и односторонней притупляющей крупной ретушью один выпуклый край (рис. 7, 7). Размеры изделия $7,8 \times 6,0 \times 5,0$ см. Пренуклеус выполнен из гальки, одним сколом оформлена гладкая скошенная площадка и несколькими снятиями намечены два фронта, контрфронт без обработки (рис. 6, 7). Размер изделия $6,1 \times 6,0 \times 4,8$ см.

Призматические микронуклеусы служили для получения микропластинок длиной не более 3,6 см. Один сработанный, размерами $3,0 \times 1,5 \times 1,6$ см, с круговым скалыванием и конусовидным основанием (нуклеус-드릴) (рис. 6, 9), другой – двухплощадочный, также полифронтальный, размерами $2,3 \times 1,7 \times 0,8$ см (рис. 6, 12). Три ядрища одноплощадочные, фронт скалывания занимает $2/3$ периметра, а контрфронт со следами подработки или сохраняет галечную корку (рис. 6, 10, 11, 18). Их размеры от $1,8 \times 0,8 \times 0,8$ см до $3,2 \times 2,1 \times 1,6$ см. Два нуклеуса торцовые, монофронтальные, площадки скошены, боковые грани оформлены оббивкой (рис. 6, 14, 15). Их размеры $3,0 \times 2,8 \times 1,6$ см и $3,6 \times 2,6 \times 1,8$ см. Последний нуклеус бифронтальный, со скошенной площадкой (рис. 6, 13). Один фронт с заломом. Размер изделия $1,2 \times 2,0 \times 2,6$ см.

Орудия представлены разнообразным набором. К ножам можно отнести два изделия на отщепах трапецевидной формы с краевой односторонней ретушью. У одного из них с дорсальной стороны сохранилась галечная корка (рис. 6, 6), у другого – негативы пластинчатых снятий (рис. 6, 19). Размеры орудий $4,3 \times 5,2 \times 1,0$ см и $2,1 \times 3,1 \times 0,5$ см. Нож-вкладыш представлен плоским в сечении обломком с бифасиальной обработкой (рис. 6, 17). Его размеры $3,0 \times 2,6 \times 0,5$ см. Еще два ножа выполнены на дистальном конце пластины и пластинчатом отщепе. По протяженным краям изделий нанесена ретушь.

Скребловидные орудия выполнены на уплощенных гальках. На одной, массивной, грубыми унифасиальными краевыми сколами оформлен полукруглый рабочий край (рис. 7, 5). Кроме этого, на широких плоскостях изделия фиксируются следы забитости, возможно, предмет служил еще и наковальней. Размер орудия $12,5 \times 17,5 \times 2,5$ см, вес 408 г. Второе скребловидное орудие из удлиненной овальной гальки. По одному протяженному краю грубыми сколами образована рабочая кромка (рис. 7, 6). Размер орудия $12,5 \times 5,1 \times 3,0$ см. Третье имеет рабочий край, который занимает $2/3$ периметра изделия и оформлен крупными сколами (рис. 6, 3). Размер орудия $10,8 \times 9,2 \times 3,0$ см.

В слое найдено восемь скребков. Три из них – концевые, выполнены на отщепах. Первый в сечении треугольный, рабочий край выпуклый (рис. 5, 19). Лезвие высокое,

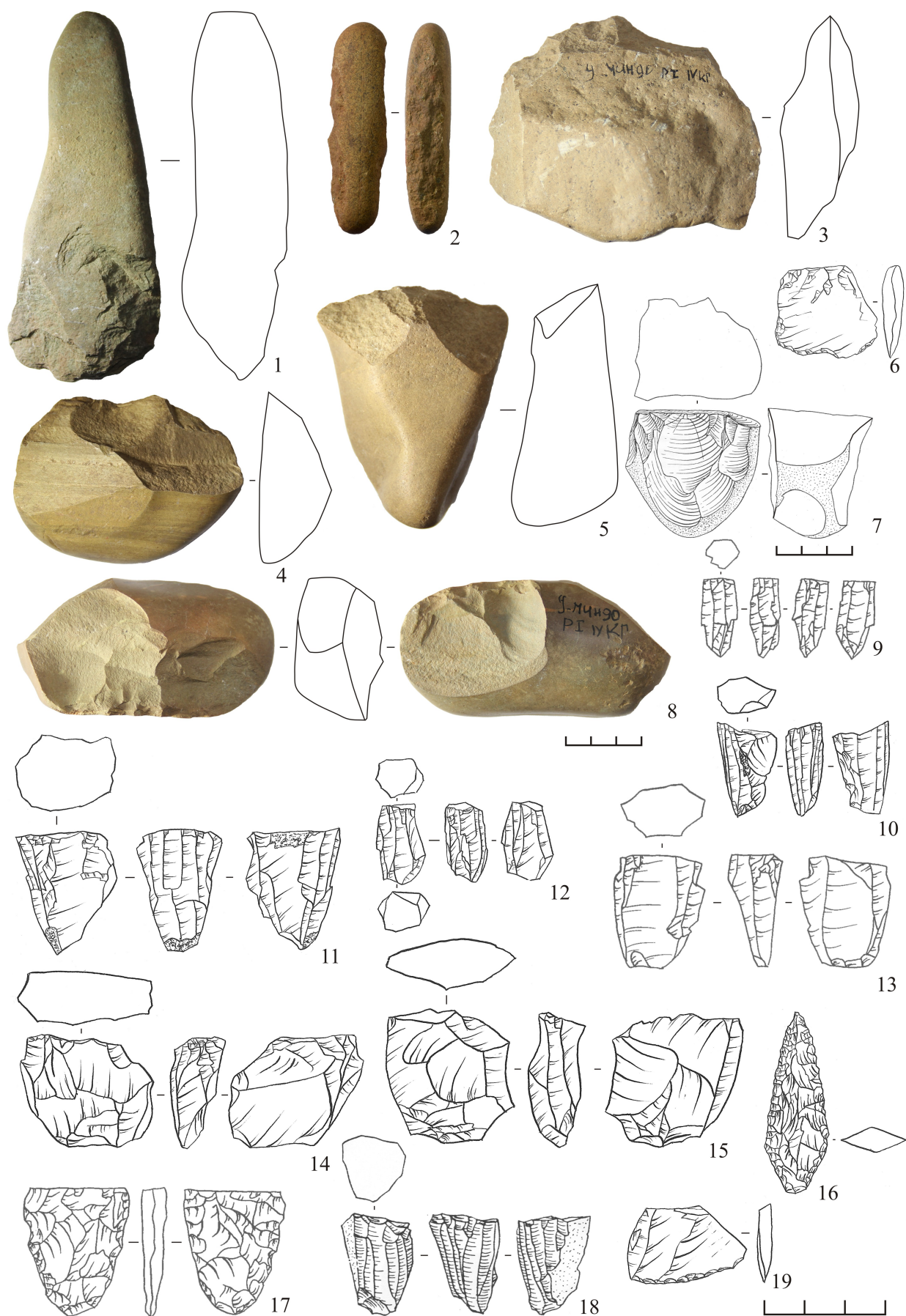

Рис. 6. Материалы третьего культурного слоя стоянки Минжуй. Изделия из камня

Рис. 7. Материалы третьего культурного слоя стоянки Минжуй. Изделия из камня

оформлено крутой пластинчатой ретушью. Есть незначительная подработка и с обушковой части орудия. Его размер $2,8 \times 2,7 \times 1,1$. Второй скребок в сечении линзовидный, с выпуклым лезвием, которое оформлено унифициальной разнофасеточной ретушью. Краевой ретушью оформлена обушковая часть орудия (рис. 5, 18). Его размер $2,5 \times 2,8 \times 0,5$ см. Третий скребок имеет прямой рабочий край, который оформлен краевой (рабочей?) ретушью, а одна боковая грань сохраняет галечную корку (рис. 5, 17). Размеры орудия $3,7 \times 2,5 \times 1,6$ см.

Один боковой скребок подпрямоугольной формы, выполнен на треугольном в сечении сколе, рабочий край выпуклый, оформлен притупляющей (рабочей?) краевой ретушью (рис. 5, 9). С дорсальной стороны изделия сохранился участок галечной корки. Размер $3,5 \times 2,3 \times 1,0$ см. Другой боковой скребок выполнен на массивном сколе (рис. 5, 12). Рабочий край оформлен крутой разнофасеточной ретушью. Размеры орудия $7,2 \times 4,5 \times 2,5$ см. Третий скребок из этой группы с прямым рабочим краем, который оформлен разнофасеточной крутой ретушью (рис. 5, 10). Его размеры $3,5 \times 1,9 \times 0,7$ см.

Скребок с двумя смежными лезвиями выполнен на сколе. Один рабочий край выпуклый, оформлен унифициальной притупляющей крутой ретушью, другой – прямой, изношен (рис. 5, 20). Размер орудия $3,1 \times 1,9 \times 0,9$ см.

Скребок округлой формы, выполнен на высоком галечном сколе, рабочий край занимает $\frac{3}{4}$ периметра орудия (рис. 5, 21) и оформлен унифициальной крутой ретушью. Размеры скребка $2,5 \times 2,1 \times 1,3$ см.

Проколка на широком пластинчатом отщепе с обломанным острием (рис. 5, 7) и рабочей частью, оформленной бифасиальной краевой ретушью. Размер орудия $6,2 \times 2,4 \times 0,3$ см.

Рубящие орудия из слоя объединяет трапециевидная в плане форма, линзовидное сечение и зауженная обушковая часть. Один топор подшлифован с двух сторон, симметричное в сечении лезвие обломано (рис. 5, 5). Размеры $7,5 \times 3,5 \times 1,8$ см. Второе орудие оформлено со всех сторон крупными сколами, прямое лезвие забито (рис. 5, 4). Размеры $8,2 \times 3,6 \times 1,9$ см. Третий топор выполнен на массивном галечном сколе, имеет полукруглое забитое лезвие. Орудие оформлялось односторонней оббивкой (рис. 5, 11). Его размеры $10,5 \times 4,3 \times 1,7$ см.

Разнообразна коллекция наконечников стрел, среди них шесть целых и пять обломанных. Один наконечник вытянутой треугольной формы с прямой обломанной базой и линзовидным сечением (рис. 5, 14). Он оформлен захватывающей бифасиальной ретушью. Его размеры $3,3 \times 1,2 \times 0,3$ см. Остальные наконечники стрел лавролистной формы, в сечении линзовидные (рис. 5, 8, 13–16; 6, 16). Они оформлены бифасиальной покрывающей ретушью. Их размеры варьируют от $2,3 \times 0,8 \times 0,2$ см до $5,6 \times 2,0 \times 1,0$ см.

Среди находок третьего слоя выделяется группа орудий на гальках или плитках с минимальной подработкой. Отмечены четыре грузила четырехугольной в плане формы. На противоположных сторонах сколами оформлены выемки-перехваты (рис. 7, 1–4). Размеры изделий от 12,0×10,0×2,0 см до 14,0×9,5×1,6, вес от 324 г до 644 г.

Два «ретушера» из вытянутых, овальных в сечении галек (рис. 6, 2; 7, 8). Следы забитости отмечены на торцах орудий, боковые грани подправлены грубыми сколами. Размеры изделий 8,1×2,0×1,4 см и 7,2×2,3×1,8 см.

Серию предметов можно отнести к галечным орудиям, один край которых оформлен односторонней крутой оббивкой. Форма изделий обусловлена конфигурацией используемых галек. Вероятно, в древности происходил целенаправленный отбор сырья для конкретных задач. Следы забитости на торце одного орудия, могут указывать на его использование в качестве молотка (рис. 6, 1). Его размеры 15,5×6,5×4,0 см. Три других изделия, у которых острые кромки без следов подработки, скорее всего, выступали заготовками скребел, но могли использоваться и как самостоятельные орудия (рис. 6, 4–5, 8). Размеры изделий 9,2×7,6×4,0 см, 10,0×7,4×2,6 см и 10,2×5,3×3,5 см.

Обсуждение

В ходе полевого изучения стоянки Минжуль было вскрыто три культурных слоя, содержащих разновременный материал. Находки первого слоя относятся к ладейской культуре, которая впервые была выделена В. Г. Карцовым в 1929 г. Характерные признаки сосудов этой культуры: срезанный или отогнутый наружу венчик, преобладание в орнаментации ногтевых и пальцевых вдавлений, ямок, прочерченных горизонтальных и наклонных линий. Реже встречаются оттиски фигурных штампов и крупной гребенки [Фокин, 2017, с. 139]. В целом орнаментация на сосудах разреженная, мотивы просты, декорировались венчик, шейка и плечики. Встречаются плоскодонные формы, часто сосуды залощены снаружи и имеют толстые стенки.

В. Г. Карцовым была предложена широкая датировка ладейской культуры в рамках VII–X – XIII–XIV вв. [Карцов, 1929, с. 48]. С. М. Фокиным интервал бытования ладейской керамики в лесостепных районах Приенисейской Сибири определяется IX/X – XIII/XIV вв. [Фокин, 2017, с. 140]. Интервальный характер нижней и верхней даты объясняется отсутствием в Красноярской лесостепи изученных по современной методике памятников развитого Средневековья. Большая часть имеющихся материалов происходит из случайных сборов, а ранее раскопанные объекты, включая эпонимное городище, оказались к сегодняшнему дню уничтоженными. Памятники, где удалось вычленить «чистые» комплексы ладейской культуры единичны, и находок в них немного.

Для материалов ладейской культуры имеется только одна радиоуглеродная дата, полученная из городища Пакуль, расположенного в северной части Красноярской лесостепи. При раскопках памятника были найдены фрагменты от четырех сосудов, железные плоские наконечники стрел, обломки костей домашних животных. По древесине из оборонительной стены городища получена дата 990 ± 80 (СОАН-6786), указывающая, что истинный календарный возраст находится в интервале 892–1218 гг. [Mandryka, Senotrusova, 2009, p. 355].

Важной находкой для датировки керамики ладейской культуры выступает сосуд, зафиксированный в погребении XIII–XIV вв. на могильнике Краснополянский-1 в долине р. Кан [Кунгуров, Кунгурова, 2018, рис. 7].

Керамика первого слоя Минжуля аналогична не только сосудам ладейской культуры из окрестностей г. Красноярска и других лесостепных районов Средней Сибири, но и керамике из более отдаленных в географическом отношении территорий [Беликова, 1996, с. 130–131; Фокин, 2017, с. 140], что важно для определения времени ее бытования. Сосуды со срезанным краем и разреженной орнаментацией широко представлены в памятниках начала II тыс. н. э. на юге Западной Сибири. Отмечаются они в Среднем Причулымье, Верхнем Приобье, Нижнем Притомье, Кузнецкой котловине и рассматриваются в рамках единого «керамического ареала» [Плетнева, 1997; Адамов, 2000, с. 33; Ширин, 2004; Бобров, Васютин, 2007; Водясов, 2018, с. 87]. В отличие от енисейских сосудов, западносибирская керамика преимущественно круглодонная, в декоре чаще встречаются ямки и гребенчатые оттиски. Сходство же прослеживается по профилировке сосудов, оформлению венчика, орнаментации горловины, элементам и мотивам орнамента. По всей видимости, можно говорить как минимум об эпохальной близости посуды юга Средней и Западной Сибири в начале II тыс. н. э.

Исследователями высказано несколько точек зрения о появлении такой посуды на юге Западной Сибири. Согласно одной из них, возникновение ее произошло под влиянием сроткинской культуры [Адамов, 2000, с. 83], в которой плоскодонные сосуды с трапециевидным туловом, профилированным и отогнутым наружу венчиком известны уже во второй половине IX в. н. э. [Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 219]. Другие авторы видят истоки этой керамической традиции в материалах верхнеобской культуры [Бобров, Васютин, 2007, с. 173]. Третьи связывают зарождение ее с районами Верхнего Прииртышья [Арсланова, 2013, с. 264] в кимако-кыпчакской среде, откуда в начале XI в. такие сосуды массово распространяются по Верхнему Приобью [Водясов, 2018, с. 87]. Несмотря на различие во взглядах о месте и среде происхождения этой посуды, все исследователи

едины в том, что на юге Западной Сибири она появляется не ранее X в. или даже начала XI в. и используется как минимум до конца XIV века [Там же].

Появление обсуждаемого типа керамики в ладейских комплексах лесостепных районов Средней Сибири не могло произойти раньше. В Красноярской лесостепи изготовление профилированных сосудов со срезанным наружу венчиком не имеет местных корней, эта керамическая традиция появляется в районе уже в сформированном виде. Она существенно отличается от керамических традиций южнотаежных районов Средней Сибири, где в X–XIV вв. широко использовалась гребенчатая керамика лесосибирской культуры [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013].

Не противоречат предложенной датировке первого слоя стоянки Минжуль и другие полученные материалы. Бронебойный наконечник стрелы находит аналогии в Среднем Причулымье, где они присутствуют в погребениях середины XI–XIII вв. [Беликова, 1996, с. 77, 100]. Подобные боеголовковые наконечники стрел использовались енисейскими кыргызами в интервале IX–XII вв. [Худяков, 1980, с. 107]. Железные иглы также широко представлены в комплексах первой половины II тыс. н. э. Известны они в Нижнем Приангарье, в Верхнем [Верхнее Приобье..., 2008, с. 134] и Томском Приобье [Плетнева, 1997, рис. 119, 9], на Чулыме [Беликова, 1996, с. 69].

Таким образом, в первом культурном слое стоянки Минжуль отмечен типичный для ладейской культуры набор вещей и керамики, который может быть датирован первой третью II тыс. н. э.

Материалы второго культурного слоя разновременные, на что указывают зафиксированные типологически неоднородная керамика и каменные изделия. Сосуд с прямой вертикальной шейкой, орнаментированный гладкими наколами в мотиве «елочка» аналогичен горшкам, обнаруженным на поселениях Шилка-9 (в третьем культурном слое) и Бобровка (во втором культурном слое), которые датируются концом I – началом II тыс. н. э. [Археология..., 2003, с. 162; Мандрыка, 2005, с. 177]. Известны такие сосуды и на других памятниках лесостепных и южнотаежных районов Среднего Енисея. Фрагмент аналогичного сосуда отмечен в инвентаре погребения у д. Миндерла, которое датируется IX–X вв. [Фокин, 2003]. По мнению С. М. Фокина, в Красноярской лесостепи посуда этого типа бытовала на протяжении всего раннего Средневековья вплоть до начала II тыс. н. э. [2017, с. 140]. На стоянке Минжуль, судя по стратиграфическому залеганию, формирование второго культурного слоя должно было закончиться к рубежу I–II тысячелетий, что приемлемо для датировки керамики с прямой вертикальной шейкой.

Керамика, украшенная пальцевыми защипами и тонкими налепными валиками, широко представлена в лесостепных и южнотаежных районах Среднего Енисея, но едино-

го мнения по ее датировке и культурной принадлежности пока не сложилось. Сосуды этой группы датируют серединой – второй половиной I тыс. н. э. [Фокин, 2017, с. 140], либо I–VII вв. н. э. [Бирюлева, 2016, с. 230].

Неорнаментированный сосуд с каплевидным в сечении венчиком и гладким желобком под ним типичен для памятников тагарского времени Красноярской лесостепи [Мандрыка, 1998, с. 67]. К этому же времени следует отнести емкость с двумя налепными рассеченными валиками, поясом ямок и «вафельным» декором, а также фрагменты от поддонов или трубчатых налепных ушек.

Отмеченные каменные ножи, скребки и отходы первичного расщепления указывают на начало накопления второго культурного слоя стоянки Минжух в конце бронзового века. Концевые скребки на отщепах и ножи-вкладыши встречены на поселении карасукского времени Сосны II и других стоянках Монастырского комплекса археологических памятников [Мандрыка, Адамович, 2003]. Приведенные данные указывают на смешение во втором слое стоянки Минжух находок конца II тыс. до н. э., середины I тыс. до н. э. и середины I тыс. н. э.

Материалы третьего культурного слоя стоянки Минжух находят многочисленные аналогии в памятниках неолита и раннего бронзового века Красноярской лесостепи. Коллекция изделий, изготовленных из галек или сколов с них, близка неолитическим материалам со стоянок на скале Шалунин Бык [Археологический материал..., 1995], в устье р. Бирюсы [Гурина, 1964] и комплексам с усть-бельской керамикой стоянки Удачный-14 [Титова, Бирюлева, 2016]. По результатам раскопок последнего памятника выделены отличительные черты каменной индустрии носителей усть-бельской керамической традиции Красноярской лесостепи. К ним отнесено присутствие значительного числа галечных орудий, микропластинчатое расщепление с призматических и клиновидных ядрищ, использование боковых скребков и пренуклеусов из гальки [Гурулёв, Бирюлева, 2018, с. 62].

По мнению Н. П. Макарова, набор каменных изделий из листовидных наконечников стрел, грубо оббитых тесел трапециевидной формы, призматических, клиновидных и конических нуклеусов, концевых скребков и скребел на гальках палеолитического облика характеризует в Красноярском районе комплексы эпохи ранней бронзы [2005, с. 165].

Керамика из третьего слоя стоянки Минжух неоднородна. Здесь отмечены два фрагмента венчиков от сосудов усть-бельского типа, по вопросам датировки которого исследователи имеют различные мнения. Н. П. Макаров относит появление усть-бельской керамики в Красноярской лесостепи к эпохе ранней бронзы, хотя сосуды со сплошной ornamentацией различными штампами появляются еще в развитом неолите [Макаров, 2005, с. 155; с. 162]. Другие исследователи рассматривают эти комплексы как неолитические

[Титова, Бирюлева, 2016; Гурулёв, Бирюлева, 2018]. Иркутскими и кемеровскими исследователями аналогичная керамика отнесена к казачинской культуре, которая складывается в Канской и Красноярской лесостепи в среднем неолите [Бобров, Савельев, Тимощенко, 2016, с. 337].

Керамика с рубчатой выколоткой, оттисками отступающего орнамента и поясом ямок под венчиком традиционно рассматривается в контексте глазковской культурной традиции. В Канско-Рыбинскую котловину она проникает из Прибайкалья в первой половине II тыс. до н. э. [Тимощенко, Савельев, 2013, с. 22], для Красноярской лесостепи предложена более широкая дата – конец III – конец II тыс. до н. э. [Макаров, 2005, с. 162]. Плоскодонные сосуды со сплошной орнаментацией, подобные находкам на Минжуле, известны в окрестностях Красноярска во втором культурном слое стоянки Боровое-2. Сопоставление их с окуневской керамикой позволило Н. П. Макарову датировать их ранним бронзовым веком [Там же, с. 163].

В целом, несмотря на стратиграфическое вычленение третьего культурного слоя стоянки Минжуль (отделение его от вышележащего слоя прослойкой без находок), он содержит разновременные материалы, датирующиеся поздним неолитом и ранним бронзовым веком.

Заключение

В ходе изучения стоянки Минжуль был получен разнообразный и выразительный материал. В первом слое зафиксирован комплекс предметов, характерных для ладейской культуры начала II тыс. н. э. Второй культурный слой содержит материалы раннего Средневековья, тагарского и карасукского времени. В третьем культурном слое присутствуют материалы культур охотников и собирателей позднего неолита и раннего бронзового века. Предметы из коллекции 1955 г. дополняют результаты полевых исследований конца XX в. и не противоречат полученным результатам. Материалы стоянки близки находкам из других памятников южной части Красноярской лесостепи и берегов Енисея на участке пересечения хребтов Восточного Саяна. В круг этих объектов входят Бирюсинские стоянка и пещеры, памятники Монастырского археологического комплекса, пещеры Еленева и Тугаринова, стоянки Боровое, Усть-Мана, Шалунин Бык, Базаиха, Ладейская-2 и другие. Находясь на границе между горной тайгой и степными участками лесостепи, данный район создает условия для контакта групп населения, ведущих разные типы производящего и присваивающего хозяйства. Публикация архивных и новых археологических материалов, их обобщение откроет возможности выявить характер таких взаимодействий в древности и Средневековье.

В культурных слоях стоянки Минжуй зафиксированы материалы, свидетельствующие о кратковременном пребывании людей на этой территории, причем не только охотников, рыболовов и собирателей, но и скотоводов и металлургов.

Список источников

Грязнов М. П. Список археологических памятников, план и смета арх. работ в ложе водохранилища Красноярской ГЭС. 1955 // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 61.

Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции музея в 1980 году // Архив КККМ. 712/05. 106 л.

Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 г. // НА КККМ. Оп. 5. Д. 96. 44 л.

Список литературы

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Томск – Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. – 405 с.

Археологический материал и палеогеография многослойной стоянки Шалунин Бык / Н. П. Макаров, П. В. Мандрыка, А. Ф. Ямских, Г. Ю. Ямских // Палеогеография Средней Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1995. – С. 113–135.

Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – 138 с.

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.

Бирюлева К. В. Валиковая керамика Нижнего Приангарья в I тыс. н. э. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – № 5. – С. 226–232.

Бобров В. В., Васютин А. С. Некоторые проблемы интерпретации керамических материалов конца I – начала II тыс. н. э. на Верхней Оби // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2007. – Т. 13. – С. 173–177.

Бобров В. В., Савельев Н. А., Тимошенко А. А. О культурной принадлежности неолитических комплексов Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи // *Esse quam videri*: к 80-летию Германа Ивановича Медведева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016 – С. 328–338.

Водясов Е. В. Городище Усть-Таган: памятник черной металлургии Верхнего Приобья // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2018. 1 (19). – С. 84–98.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Кунгуров А. Л. Поселения сроткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2016. – № 4 (92). – С. 218–229.

Гурина Н. Н. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции // КСИА. – 1964. – № 97. – С. 88–97.

Гурулёв Д. А., Бирюлева К. В. Каменная индустрия усть-бельского комплекса стоянки Удачный-14 // Человек и Север: Антропология, археология, экология. – Тюмень: ФИЦ «ТюмНЦ СО РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 59–62.

Карцов В. Г. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Материалы к археологии Красноярского района. – Красноярск: Красноярск. гостипо-лит., 1929. – 59 с.

Кунгуров В. А., Кунгурова Н. Ю. Некрополь первой половины II тыс. в бассейне р. Кан // Древности Сибири и Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – № 9 (21). – С. 69–92.

Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. – 2005. – № 1 (3). – С. 149–171.

Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П. В. Поселение Ладейское-2 – новый памятник тагарской культуры в черте города Красноярска (к вопросу о времени существования тагарской культуры в Красноярской лесостепи) // Сибирский межмузейный сборник. – Красноярск: КККМ, 1998. – С. 61–71.

Мандрыка П. В., Адамович В. А. Новый памятник карасукского времени в районе Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – Вып. II. – С. 68–73.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье. // Вестник ТГУ. История. – 2013. – № 2. – С. 67–71.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

Погудин В. А., Дроздов Н. И. Разведка от Дивногорска до устья реки Кан // АО 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 225–226.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 424 с.

Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 19–27.

Титова Ю. А., Бирюлева К. В. Новые материалы неолита и бронзового века Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 107–116.

Фокин С. М. Средневековая керамика Красноярской лесостепи // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. – Томск: ИД «ДПРИНТ», 2017. – С. 138–142.

Фокин С. М. Средневековое погребение Миндерла // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 313–315.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Ширин Ю. В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. – Вып. 6. – С. 69–112.

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Pakul Fort and Problem of Distinguishing of Ladeyskaya Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – (2009 2). – № 3. – Pp. 349–360.

MULTILAYER SITE MINZHUL' NEAR KRASNOYARSK

In this article analyzed results of the excavated multi-layer site Minzhul in the Krasnoyarsk forest steppe. On the site separated three cultural layers. In the first layer marked fragments of vessels of Ladeisk culture, iron arrowhead and needle, slags. Findings are monoculture, dated first half II thousand AD. In the second layer found singular iron products, stone tools, fragments of different type ten vessels. Pottery had analogy in material of Early Middle Age, Tagar Time and Late Bronze Age of the Krasnoyarsk forest steppe. Findings of the third layer were the most multitudinous numerous. Here found many stone products: not typical cores, scrapers, axes and adzes, side-scraper, arrowheads, coarse boulder tools, piercing tool and bifacial items. The pottery of this layer is characteristic for the Neolithic and Early Bronze Age forest steppe districts of the Near Yenisei Siberia.

Keywords: Middle Siberia, Krasnoyarsk, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Age, site, pottery, lithic industry.

КЕРАМИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ПАМЯТНИКОВ ОСТРОВА СЕРГУШКИН (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)*

В статье рассматриваются керамические материалы эпохи бронзы, полученные авторами в ходе проведения охранно-спасательных раскопок стоянок Сергушкин 1 и 3, входящих в состав ансамбля археологических памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье). Керамика характеризуется пластичным или тощим тестом с примесью песка либо дресвы и овалоидной или параболоидной формой корпуса с подтреугольным утолщенным изнутри венчиком. Стенки сосудов гладкие или «рубчатые», орнаментация включает цепочку «жемчужин» или ямок под венчиком, а также простейшие узоры (косые кресты, наклонные линии, ромбическая сетка, зигзаг и пр.), выполненные прочерчиванием или оттисками отступающей лопаточки. Подчеркивается неоднородность рассматриваемой керамики, не позволяющая объединить ее в один тип. Данная керамика находит широкий круг аналогий в археологических материалах Байкало-Енисейского региона и сопредельных территорий, по аналогии с которыми датируется эпохой бронзы.

Ключевые слова: Северное Приангарье, остров Сергушкин, бронзовый век, керамический комплекс, морфология, «рубчатая» керамика, аталонгский пласт.

Введение

Группа археологических памятников острова Сергушкин, расположенного в среднем течении реки Ангары, в 50 км выше по течению от с. Кежмы Красноярского края, была открыта в 1970-е гг. В. И. Привалихиным и в последующее время неоднократно им обследовалась [Привалихин, 1987, 2009, 2011]. В рамках охранно-спасательных работ, проводившихся отрядами ИАЭТ СО РАН, в период с 2009 по 2011 г. нами были осуществлены полевые изыскания на трех памятниках этого ансамбля – Сергушкин 1, 3 и Взвоз. В результате был получен значительный по своему объему археологический материал, охватывающий весь хронологический спектр древних культур региона от раннего неолита до развитого Средневековья [Герман, Леонтьев, 2013]. Подавляющую его часть составила керамика. Наиболее ранние образцы посуды, представленные сосудами устьбельского, раннего сетчатого, аплинского, хайтинского и посольского типов, нами опубликованы [Герман, Леонтьев, 2013а; Леонтьев, Герман, 2016; Леонтьев, Герман, 2017; Леонтьев, Герман, Рыбин, 2017; Леонтьев, Герман, 2018; Материалы неолитического вре-

* Работа подготовлена в рамках выполнения программы ГЗ № 0352-2019-0006 (ЕГИСУ НИОКТР № АААА-А17-117041410051-7).

мени..., 2012]. Данная статья посвящена краткому описанию керамики, датированной нами эпохой бронзы.

Описание материалов

Хронологическая атрибуция рассматриваемой керамики носит достаточно условный характер, к эпохе бронзы она отнесена лишь на основании аналогий с материалами других памятников. В виде отдельных разрозненных обломков и компактных развалов сосудов, расположенных вне контекста каких-либо объектов культурно-хозяйственного или ритуального характера, эта посуда была встречена в культурных слоях стоянок Сергушкин 1 (386 фрагментов) и Сергушкин 3 (1320 фрагментов), но полностью отсутствовала на пункте 2 памятника Взвоз.

Судя по найденным обломкам горшков, все они были изготовлены из красноцветных глин с естественным включением пылеватого слюдистого песка. Рецептура формовочных масс различна. Сосуды преимущественно малого объема с диаметром венчика до 15–17 см и толщиной стенок до 0,4 см, выполнены из пластичного теста с малым количеством отошающих добавок. Поверхность их стенок относительно гладкая, а поперечный излом зернисто-ровный. Сосуды большего размера с толщиной стенок от 0,4 до 0,7 см слеплены из тощего или очень тощего теста с визуальной фиксируемой искусственной примесью разноразмерных (от 1 до 5 мм и более в поперечине) слабо окатанных или остроугольных зерен дресвы различного минералогического состава. Проступая из-под слоя глины, они придают поверхности этих сосудов выраженную бугристую фактуру. Поперечный излом черепков комковато-обломочный. Небольшая часть рассматриваемой посуды изготовлена из очень тощего теста с обильной примесью мелкозернистого песка. Поверхность сосудов с толстыми (0,6–1 см) стенками имеет выраженную «наждачную» фактуру и рыхлый рассыпчатый излом.

Способ формовки неясен. У некоторых сосудов большого объема стенка в поперечном изломе расслаивается на две приблизительно равные части – внешнюю и внутреннюю, что, вероятно, может являться результатом конструирования их емкостной части методом последовательного наложения слоев глины на некий полумягкий шаблон. При этом какие-либо отпечатки на внутренней стороне сосудов отсутствуют, а сама она имеет хаотичный рельеф, наиболее ярко выраженный в придонной части и включающий многочисленные бугорки, вмятины, наплывы теста и поверхностные трещины между ними. Сказанное позволяет предположить, что независимо от направления формовки емкость сосудов моделировалась на каком-то гладком полумягком шаблоне (например – на кожаном мешке с песком) и по окончании изнутри специально почти не обрабатывалась. Следы финальных формовочных операций – вмятины от подушечек пальцев, вдавления ног-

тей и короткие штриховые трассы от заглаживания деревянным (?) шпателем присутствуют только на внутренней стороне приустьевой зоны.

По характеру внешней поверхности рассматриваемая керамика разделяется на три группы. Для первой характерны четкие следы выбивки рубчатой колотушкой, имеющие вид относительно упорядоченных (сверху вниз по диагонали или, реже, по горизонтали (рис. 1, 1, 7–12; 2, 3; 3, 1; 4, 2–5; 5, 5–6) или хаотичных, расположенных группами (рис. 2, 5–6, 8; 5, 7) «штриховых» оттисков по всей поверхности от венчика до днища. Ширина желобчатых вмятин на разных сосудах колеблется от 2 до 5 мм и приблизительно равна расстоянию между ними. В приустьевой части «штрихи» иногда бывают направлены вертикально или под незначительным углом. Ко второй группе относятся сосуды с ровной поверхностью (рис. 1, 2, 5, 13; 2, 1–2, 4, 7, 9–14; 4, 1; 5, 1–4). Вероятно, они также подвергались уплотняющей выбивке, но только гладкой колотушкой. Третья группа представлена небольшим количеством сосудов как малого, так и большого объема, чьи стенки покрыты «расчесами», выполненными протягиванием в горизонтальном или диагональном направлении орудия с широким дискретным краем, вероятно – той же рубчатой колотушки (рис. 1, 14; 2, 15; 3, 2; 4, 6). У части этих горшков область венчика носит следы вертикально направленных «расчесов» (1, 14; 4, 6).

Полностью форма точно реконструируется только у двух сосудов (рис. 5, 6, 7). Это высокие параболоидные «банки» закрытого типа с круглым дном и экватором, расположенным ниже середины высоты корпуса. Стенки их изгибаются плавно, венчик слегка отогнут наружу. По наблюдению И. Г. Глушкова, такая форма характерна для сосудов, корпус которых моделировался на мягком шаблоне (мешочек с песком), находящимся в свободном (подвешенном) состоянии [Глушков, 1996, с. 50–51]. Судя по сохранившимся фрагментам, вся остальная посуда имела близкую форму. Отличия между отдельными горшками составляют положение экватора, который в некоторых случаях приходился на середину – верхнюю треть корпуса (рис. 3, 1; 4, 1, 2; 5, 3), а также оформление венчика. Так, у части сосудов приустьевая область морфологически не обособлена и, являясь простым продолжением стенки, плавно изгибается внутрь горшка (рис. 3, 1; 4, 4–6). У некоторых сосудов, напротив, подвенечная зона сильно вытянута вверх и образует прямую короткую шейку (рис. 2, 8, 11–13; 3, 2). Самой же распространенной является форма венчика со слабым отгибом вверх и/или наружу (рис. 1, 11, 13; 2, 7, 14–15; 4, 1–3).

Внутренняя сторона устья преднамеренно утолщена. Выделяется три типа ее оформления. При первом, судя по структурным изломам, изначально прямой и тонкий венчик сосуда сильно отгибался внутрь и покрывался сверху и снаружи слоем глины того же состава, что и стенки горшка. В результате получалось четко выраженное утолщение в

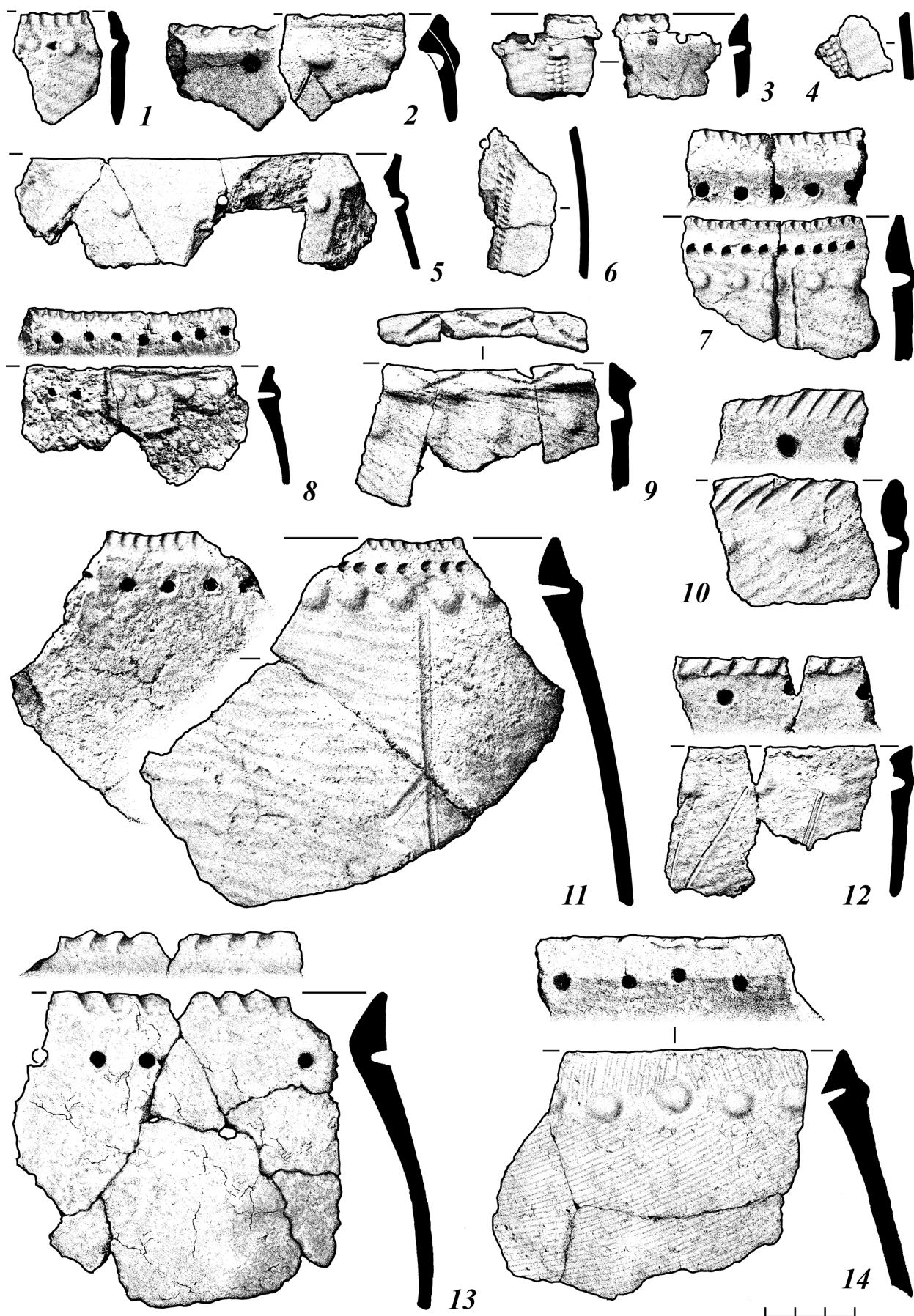

Рис. 1. Керамика эпохи бронзы острова Сергушкин:
1–14 – Сергушкин 3

виде остроугольного или прямоугольного разностороннего треугольника, образующего направленный внутрь емкости низкий козырек (рис. 2, 1–2, 4, 10; 3, 1). Во втором случае, наиболее распространенном, утолщение имеет вид обращенного внутрь тупоугольного равностороннего треугольника (рис. 1, 2–3, 8, 11, 14; 2, 12; 4, 1–5; 5, 1–7). Способ его формовки неясен. Третий тип характеризуется слабо выраженным полуовальным утолщением по внутренней стороне, получившимся путем простой расформовки устья пальцами, возможно – с незначительным добавлением глины (рис. 1, 10, 13; 2, 5, 13–15; 3, 2; 4, 6). Встречены и единичные индивидуальные формы профиля венчика, при которых утолщение и выраженный скос сформованы не по внутренней, а по внешней его стороне (рис. 1, 9; 2, 9), а также сосуды с прямым венчиком без утолщений (рис. 1, 1; 2, 6). Интересен фрагмент сосуда с выраженной «рубчатой» поверхностью, чье устье опоясывал «воротничок» из наложенной на внешнюю сторону глиняной ленты (рис. 2, 8). Такой способ оформления венчика наиболее характерен для посуды карабульского типа (цэпаньская культура) раннего железного века [Макаров, Быкова, 2011].

Верхний край венчика оставался приостренным или скругленным. В единичных случаях он уплощался подрезкой или заглаживанием шпателем (рис. 2, 12; 3, 1; 4, 2; 5, 4). Единожды встречен сосуд, по срезу венчика которого наложением комочков глины с последующей их расформовкой выполнены разреженные и далеко отстоящие друг от друга треугольные вертикальные выступы (рис. 5, 2).

Орнаментация сосудов скупа. Чаще всего это лишь цепочка «жемчужин» и/или круглых ямочных вдавлений под устьем (рис. 1, 5, 14; 2, 2, 7, 15; 4, 4), в большинстве случаев дополненная косыми насечками или вдавлениями ребра палочки по внешней и/или внутренней стороне венчика (рис. 1, 1, 9–10, 13; 2, 7), либо по его срезу (рис. 2, 6, 11–12, 15; 4, 2; 5, 4).

Более сложный декор включает различные дополнительные орнаментальные мотивы, выполненные отпечатками отступающей лопаточки, прочерченными или прорезными линиями, либо ямочными вдавлениями. В первом случае это горизонтальные (рис. 1, 7, 11), вертикальные (рис. 1, 3; 5, 1) и диагонально наклонные (рис. 1, 4–6; 2, 14; 4, 2) ряды, а также одинарный горизонтальный зигзаг, расположенный над цепочкой «жемчужин» (рис. 3, 1) или сразу под ней (рис. 5, 5). Прорезанием и прочерчиванием выполнены разреженные вертикальные или диагонально наклонные линии, направленные от устья сосуда к его экватору и ниже (рис. 1, 12; 3, 2; 4, 6), косые кресты (рис. 2, 4, 13; 4, 3, 5; 5, 3) или ромбическая сетка (рис. 2, 1), перевернутые Ψ-образные символы (рис. 1, 11) и горизонтальный (рис. 1, 2, 9; 2, 9) или вертикальный (рис. 5, 6) зигзаг. Лишь на двух сосудах обе эти техники орнаментации – отступающая лопаточка и прочерченные линии – были встре-

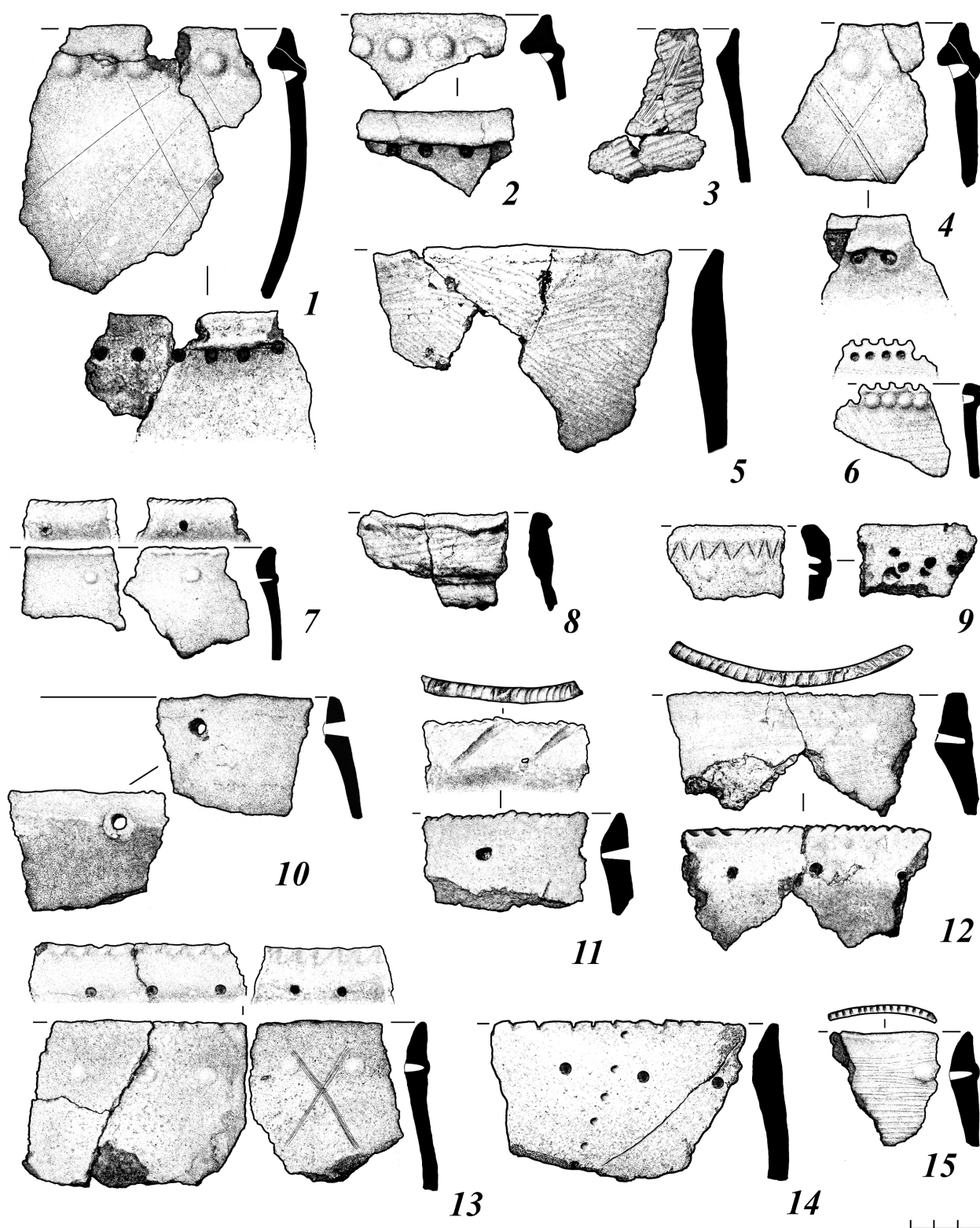

Рис. 2. Керамика эпохи бронзы острова Сергушкин:
1–2, 4–5, 7, 11–15 – Сергушкин 1; 3, 6, 8–10 – Сергушкин 3

чены совместно (рис. 1, 11; 2, 14). Разреженные группы из двух горизонтальных рядов круглых ямочных вдавлений украшают лишь один сосуд (рис. 5, 7).

Обращает на себя внимание нечеткость выполнения декора: «жемчужины» часто имеют очень низкий рельеф, а прореченные или прорезные линии едва заметны. Возмож-

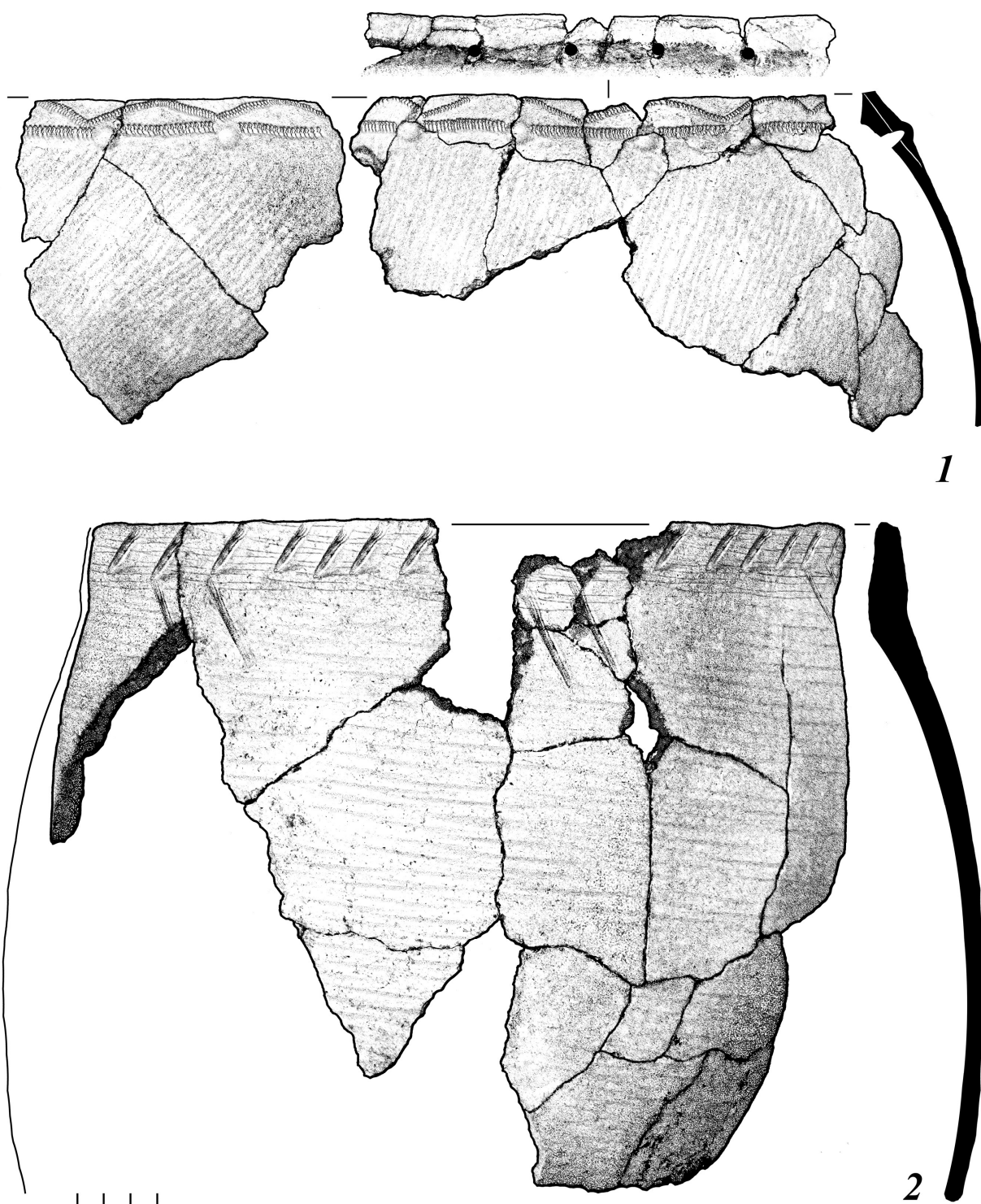

Рис. 3. Керамика эпохи бронзы острова Сергушкин:
1 – Сергушкин 1; 2 – Сергушкин 3

но, это связано с тем, что орнамент наносился на уже подсохшую поверхность сосуда и поэтому просто не мог быть выполнен более рельефно. Единичные же горшки были и вовсе не орнаментированы (рис. 2, 5, 8).

Цвет рассматриваемой посуды – коричневый разных оттенков с бурыми, серыми и черными обжиговыми пятнами, излом часто с более темной внутренней прослойкой. Фрагменты сосудов из культурного слоя памятника Сергушкин 3 имеют более светлую

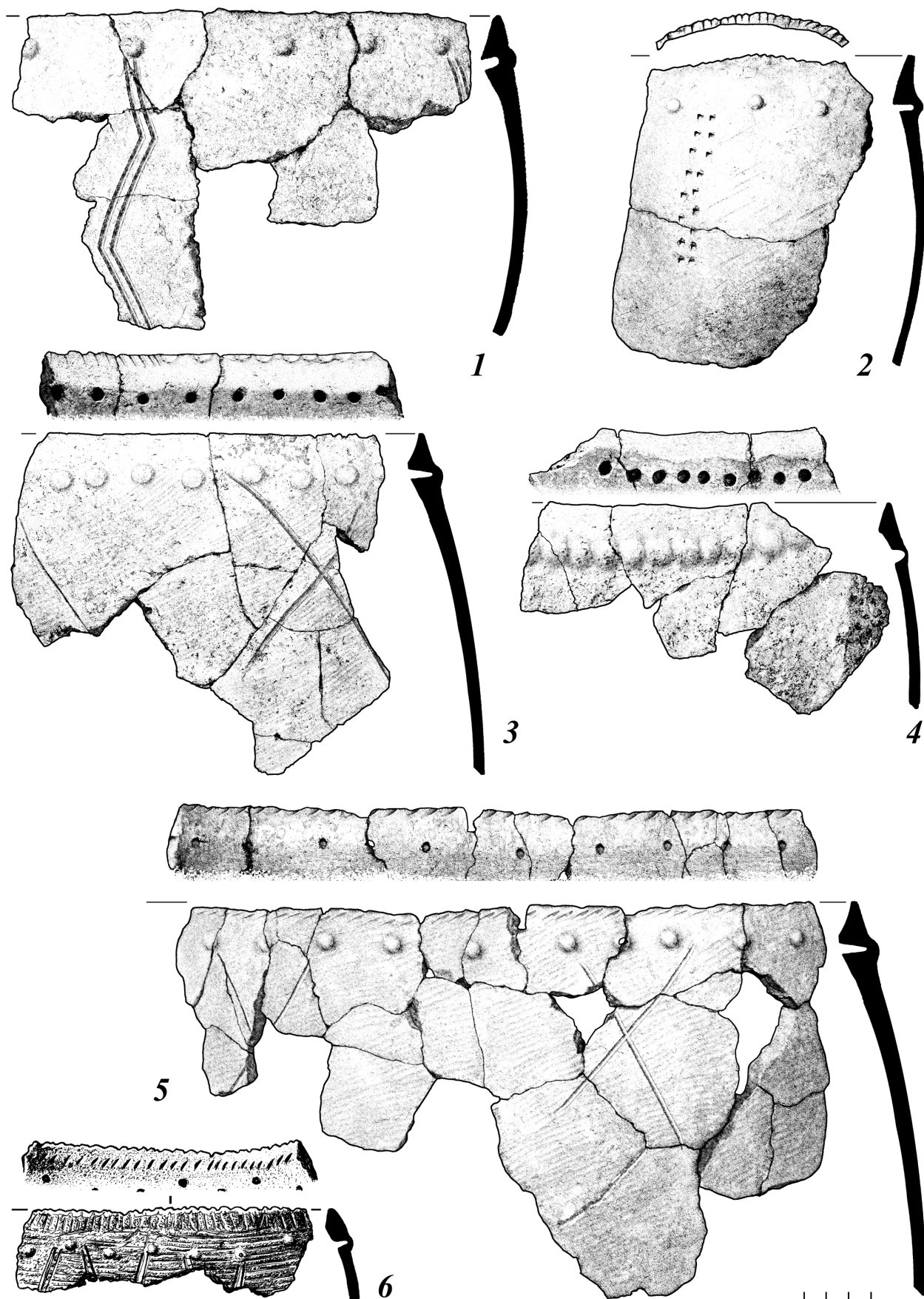

Рис. 4. Керамика эпохи бронзы острова Сергушкин
 1–3, 5 – Сергушкин 3; 4, 6 – Сергушкин 1

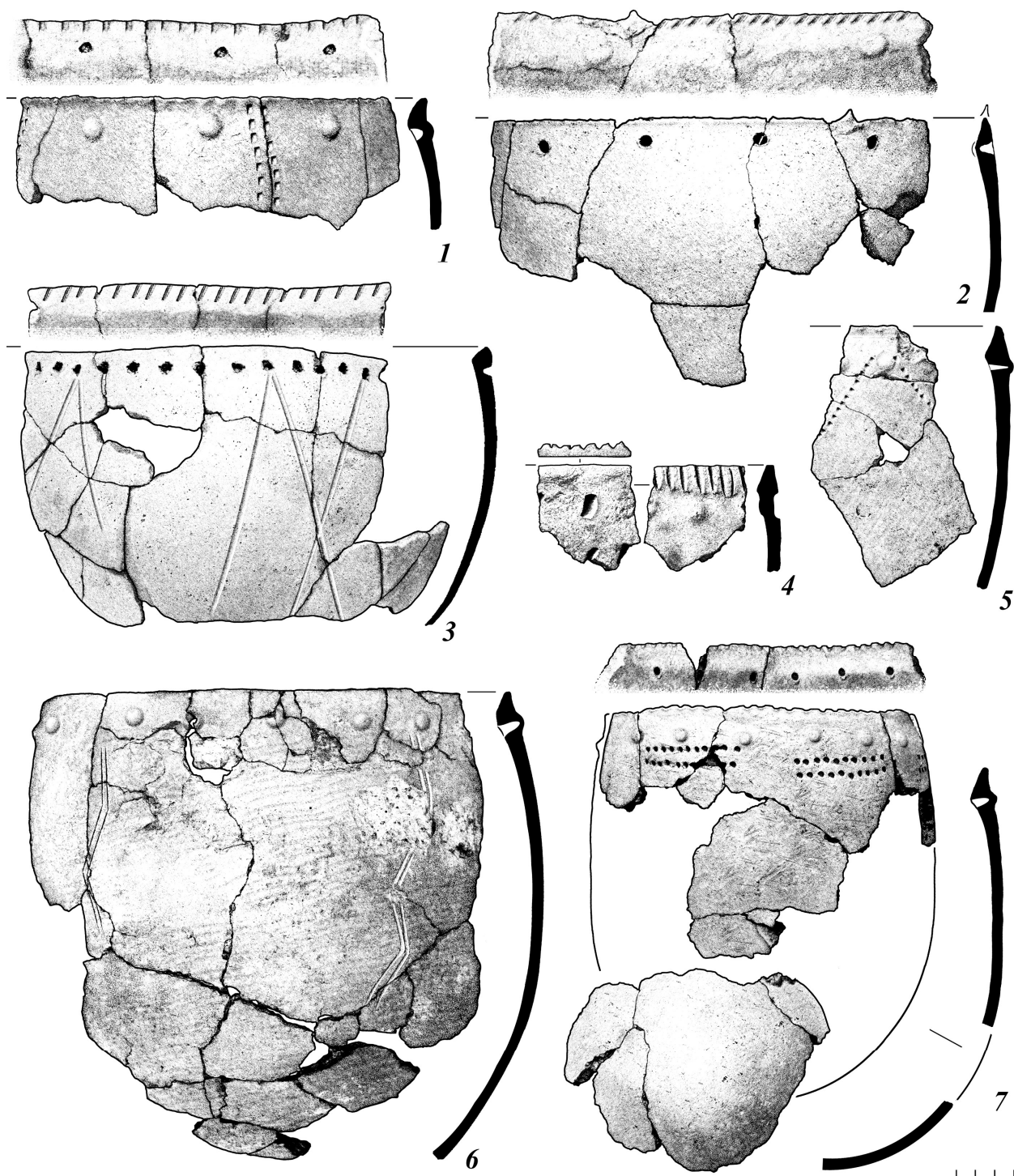

Рис. 5. Керамика эпохи бронзы острова Сергушкин:
1–2, 4–5, 7 – Сергушкин 1; 3, 6 – Сергушкин 3

красноватую окраску и почти всегда лишены следов нагара, что связано с особенностями их археологизации [Леонтьев, Герман, 2018, с. 72].

Обсуждение

Керамика, тождественная описанной выше, найдена на многих памятниках Приангарья [Амзараков, 2013, рис. 2, 4; Стоянка им. Генералова..., 2014, рис. 5, 2–3; Стоянка Пашина..., 2016, рис. 98; Дударек, Лохов, 2014, рис. 3, 2; Леонтьев, Гурулёв, 2017, рис. 1,

5–6, 8–9, 11–12; Мандрыка, Сенотрусова, 2014, рис. 9, 2; 10, 3; Привалихин, 2009, рис. 1; Савин, 2010, рис. 8, 9; Уланов, Бердников, 2015, рис. 6, 2], а также сопредельных территорий [Генералов, Абдулов, 2000, с. 92, рис. 2, 8–9; Угольников, Уголькова, 2001, с. 14–15, табл. LIV, 4; LV; LVI; Леонтьев, 2008, рис. 4, 4–6, 8; 5, 1–2]. Как правило, исследователями она не выделяется из общего массива древней посуды с рубчатой поверхностью и датируется по аналогии с ней периодом позднего неолита [Усть-Ковинская группа..., 1990; Исследование стоянки Усть-Кова-I..., 2011], эпохой бронзы [Адамов, Данилов, Турова, 2011, с. 350; Амзараков, Ковалева, 2010, с. 484; Амзараков, 2013, с. 204; Бурилов, Березин, 1987, с. 118; Выборнов, Котляров, Присекайло, 2012, с. 432; Стоянка Пашина..., 2016, с. 88–92; Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010, с. 562; Макаров, 2013, с. 160; Исследование стоянки Усть-Тушама..., 2012; Савин, 2010, с. 583] или рубежом бронзового – раннего железного века [Савин, Солодская, Груздева, 2011, с. 466]. По совокупности таких внешних признаков, как «рубчатый характер поверхности и использование в орнаментации пояса “жемчужин” в привенчиковой зоне», всю древнюю посуду подобного облика было предложено объединить в аталонгский региональный керамический пласт, датируемый в хронологическом диапазоне XXI – конец XIII вв. до н. э. [Гурулёв, Максимович, 2016, с. 190; Леонтьев, Гурулёв, 2017, с. 48]. В связи с этим необходимо высказать ряд замечаний:

1. Указанные признаки вовсе не являются эксклюзивными для керамики эпохи бронзы Байкало-Енисейской Сибири. Четко выраженные следы выбивки «рубчатой» колотушкой здесь впервые фиксируется уже на неолитической посуде хайтинского [Бердников, Уланов, Соколова, 2017, с. 292] и серовского [Бердников, 2013, с. 211; Бердников, Уланов, Соколова, 2017, с. 288–289] типов. В закрытых комплексах серовского времени такие горшки соседствуют с керамикой с сетчатой поверхностью [Горюнова, 2002, с. 31]. Орнаментация подвенечной зоны однорядным «жемчужником» также получает свое распространение в финале неолита [Сухомлина, Дударек, 2016, с. 98; Базалийский, 2012, рис. 13] и доживает вплоть до раннего железного века [Леонтьев, Герман, 2013, рис. 2, 1, 3]. Следовательно, оба предложенных признака аталонгского пласта – «рубчатая» поверхность сосудов и орнаментация их «жемчужинами» – не могут рассматриваться в качестве надежного индикатора при хронологической атрибуции древней посуды.

2. Определение аталонгского пласта исключительно как совокупности «жемчужно-рубчатых» сосудов бронзового века Северного Приангарья без учета дополнительных признаков не позволяет оделить его от других типов посуды рассматриваемого региона данного исторического периода. Например, для керамики улахан-сегеленняхского облика, фрагменты которой встречены, по меньшей мере, на трех памятниках р. Ангары [Стоянка

им. Генералова..., 2014, с. 165; Гурулёв, Максимович, 2016, с. 189; Леонтьев, Герман, Рыбин, 2017, с. 178], также характерен «жемчужник» (в том числе многорядный) и выбивка вафельной или рубчатой колотушкой [Дьяконов, 2012, с. 113]. Остатки трех именно таких горшков были найдены нами в культурном слое памятника Сергушкин 1 [Леонтьев, Герман, Рыбин, 2017, рис. 1, 8–10]. Необходимо отметить, что посуда улахан-сегеленняхского типа встречена также на Байкале [Уланов, Бердников, 2015, с. 69] и даже далеко на юге – в Кизир-Казырском районе [Леонтьев, 2008, рис. 6, 3], где она соседствовала с керамикой «глазковского» облика [Там же, рис. 5, 1–2]. Следовательно, распространение практики изготовления «рубчатой» посуды с «жемчужником» носило транскультурный характер и потому не может быть увязано только с аталонгским керамическим пластом.

3. Таким образом, очевидно, что выделение аталонгского пласта как совокупности керамических материалов определенного облика, распространенных на территории Приангарья и соседних областей в эпоху поздней бронзы, нуждается в дополнительном обосновании. На сегодняшний день не выработано четких критериев, позволяющих отличать его от «рубчатой» посуды серовского времени, к которой А. П. Окладников причислял и фрагменты сосудов со стоянки Аталанга (Аталонга) [Окладников, 1950, с. 213].

Несомненно, что «жемчужно-рубчатая» посуда являет собой генетическое продолжение позднесеровской керамической традиции и потому должна была бытовать на протяжении всего бронзового века. Сосуды, тождественные найденным нами в культурных слоях памятников острова Сергушкин, вероятно, маркируют собой один из существовавших ее вариантов. Их форма – параболоидные или овалоидные «банки» закрытого типа с круглым днищем – живо напоминает основу, на которой они, очевидно, моделировались (мешочек с песком). Выбивка «рубчатой» колотушкой и орнаментация «жемчужинами» не являются для этих сосудов обязательными признаками. Из общей массы разновременного керамического материала их четко выделяет характерная утолщенная изнутри подтреугольная форма профиля венчика. В тех случаях, когда это фиксируется, видно, что устье горшков моделировалось в два этапа: вначале верхний край стенки сильно отгибался внутрь, а после снаружи и сверху он покрывался дополнительным слоем глины. Такая техника лепки чужда серовской керамической традиции. С известной долей условности она может быть сопоставлена со способом оформления венечной части горшков посольского и усть-бельского типов. Для них же характерна и орнаментация отпечатками отступающей лопаточки, широко встречающаяся на «жемчужно-рубчатой» посуде бронзового века, но отсутствующая на керамике серовского времени.

Заключение

Сказанное позволяет предполагать, что становление керамической традиции бронзового века шло при активном культурном взаимодействии различных этнических групп поздненеолитического населения региона. Смещение потомков «серовцев» с представителями населения иного внешнего облика, происходившее в глазковское время, фиксируется и на уровне антропологии [Мовсисян, Пежемский, 2015, с. 101–102].

Рассматриваемая керамика со стоянок острова Сергушкин неоднородна. Несмотря на то что включенные в нее сосуды имеют сходную технологию, близкую морфологию и общий стиль орнаментации, некоторые различия в составе формовочных масс и способах моделирования приустьевой части позволяют утверждать, что они были изготовлены либо в различных по своему культурному происхождению коллективах, либо в разные исторические периоды. По этой причине данная посуда не может быть объединена в рамках одного типа.

Список литературы

Адамов А. А., Данилов П. Г., Турова Н. П. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 350–353.

Амзараков П. Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления Богучанской ГЭС // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Археология. – 2013. – № 1 (5). – С. 200–205.

Амзараков П. Б., Ковалева О. В. Предварительные итоги исследования памятников стоянок Рожково и Остров Сосновый в Кежемском районе Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010 – Т. XVI. – С. 483–487.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2017. – № 2. – С. 275–300.

Бурилов В. В., Березин Д. Ю. Работы на Нижней Ангаре // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987. – С. 118–121.

Выборнов А. В., Котляров А. В., Присекайло А. А. Итоги полевых исследований стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 431–434.

Генералов А. Г., Абдулов Т. А. Картирование геоархеологических объектов Нижнеудинского района // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 гг. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 89–92.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2013а. – № 1 (2). – С. 133–155.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: Изд-во Красноярского краевого краеведческого музея, 2013. – С. 57–72.

Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 328 с.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. – 84 с.

Гурулёв Д. А., Максимович Л. А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Международной научной конф. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 185–194.

Дударек С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 7. – С. 54–80.

Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 106–115.

Исследование стоянки Усть-Кова-I (пункт 2) в 2011 году / В. М. Харевич, И. В. Стасюк, Е. В. Акимова, О. А. Горельченкова, Е. Н. Кукса, Ю. М. Махлаева, Е. А. Томилова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 482–486.

Исследование стоянки Усть-Тушама – 1 в 2012 году / Е. П. Рыбин, В. С. Славинский, А. А. Аношкин, А. Г. Рыбалко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 473–477.

Леонтьев В. П., Гурулёв Д. А. Комплекс материалов второго культурного слоя стоянки Усть-Кова (по результатам работ 2010 г.) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – Вып. VIII. – С. 45–59.

Леонтьев С. Н. Керамика неолита – эпохи бронзы нижнего течения р. Казыр // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 65–91.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика аплинского типа в археологических материалах острова Сергушкин // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Международной научной конф. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 66–73.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика раннего железного века стоянки Сегушкин-1 // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. – С. 58–68.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Усть-бельская традиция в материалах острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – Вып. IX. – С. 71–79.

Леонтьев С. Н., Герман П. В. Шнуровая керамика эпохи неолита с острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Енисейский Север: история и современность. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2017. – Вып. 3. – С. 18–31.

Леонтьев С. Н., Герман П. В., Рыбин Е. П. Некоторые образцы керамики с памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – Вып. VIII. – С. 177–180.

Макаров Н. П. Быкова М. В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 227–231.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 130–175.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 8. – С. 63–81.

Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаргуша Ю. Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 559–564.

Материалы неолитического времени стоянки Сергушкин-1 пункт «А» (раскопки 2012 года) / В. С. Славинский, П. В. Герман, С. Н. Леонтьев, Е. П. Рыбин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 486–491.

Мовсесян А. А., Пежемский Д. В. Существовала ли генетическая преемственность между населением различных этапов прибайкальского неолита? // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2015. – № 3. – С. 94–104.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. Ч. I и II. Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – № 18. – 412 с.

Привалихин В. И. Исследование погребений раннего железного века стоянки и могильника Сергушкин-2 в Северном Приангарье // Второй век подвижничества. – Красноярск: КККМ, 2011. – С. 184–202.

Привалихин В. И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 90–95.

Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: КККМ, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.

Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–586.

Савин А. Н., Солодская О. В., Груздева Е. А. Исследование поселенческого комплекса Усть-Верея-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 463–468.

Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, И. М. Бердников, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударек,

Н. Б. Соколова, А. А. Тимощенко, А. А. Попов, Н. В. Харламова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 7. – С. 150–191.

Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов) / А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко, Ю. Н. Гаргуша, Д. А. Гурулёв, С. В. Шнайдер, Н. А. Кулик, С. К. Васильев, Е. А. Кербс. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. – 168 с.

Сухомлина Д. А., Дударек С. П. Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Российской археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. – С. 98–99.

Угольников Ю. Н., Уголькова В. С. Древности Тункинской котловины. – Кемерово: ООО «Сириус», 2001. – 226 с.

Уланов И. В., Бердников И. М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2015. – Т. 12. – С. 47–80.

Усть-Ковинская группа археологических памятников / Н. И. Дроздов, В. П. Чеха, С. А. Лаухин, Е. В. Акимова, В. Г. Кольцова, Е. В. Артемьев, А. А. Бочкарев, В. П. Леонтьев, А. А. Викулова // Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея): экскурсия № 2. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 147–181.

S. N. Leontiev, P. V. German¹

*¹Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo*

BRONZE AGE POTTERY FROM SERGUSHKIN ISLAND SITES (NORTHERN ANGARA REGION)

The article deals with the Bronze Age pottery materials which authors found during the rescue excavation of Sergushkin settlement 1 and 3 as a part of Sergushkin island archaeological sites assemblage (Northern Angara region). The pottery is characterized by soft paste with sand or landwaste and oval like or parabolic form of the body with triangle like collar which is thicker inside. The vessel walls are smooth or «ribbed», the decoration includes a chain of «pearls» or pits under the collar and the simplest patterns (slanting crosses, inclined lines, rhombic net, zigzags etc.) traced or impressed with a spatula. The paper highlights dissimilarity of this pottery which doesn't allow to determine it as the same type. This pottery has a wide range of analogies among the archaeological materials from Baikal-Yenisei region and border territories which let to relate it to the Bronze Age.

Keywords: Northern Angara region, Sergushkin Island, Bronze Age, pottery assemblage, morphology, «ribbed» pottery, Atalanga layer.

К. В. Бирюлева, Д. А. Гурулёв, Е. В. Голубева, Ю. А. Титова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

E-mail: ksy36ss@yandex.ru, pepel-ls@mail.ru,

knyazevaklio@yandex.ru, abdulia@mail.ru

ПОСОЛИНСКАЯ ПРОТОКА-1 – СТОЯНКА I ТЫС. Н. Э. НА ГРАНИЦЕ ЛЕСОСТЕПИ И ТАЙГИ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Статья посвящена анализу материалов стоянки Посолинская Протока-1, расположенной в южной части тайги Среднего Енисея, граничащей с Красноярской лесостепью, в Большемуртинском районе Красноярского края. Памятник открыт в 2004 г., изучался раскопами в 2005 и 2018 гг. силами коллектива исследователей Сибирского федерального университета. В результате раскопок стоянки изучен один культурный слой, приуроченный к гумусовому горизонту «современной» почвы. Здесь обнаружены рассеянные фрагменты лепных керамических сосудов, железные плавильные шлаки, кузнечные инструменты на гальках. Обнаруженная керамика находит сходства в материалах шилкинских, ладейских и айканских комплексов, а также других памятников I тыс. н. э. лесной зоны Среднего Енисея. Ее нахождение в пределах стоянки следует связывать с кратковременными посещениями места небольшими группами населения. Большинство сосудов является отражением таяжских керамических традиций, однако есть отдельные элементы декора, которые могут свидетельствовать о лесостепном культурном влиянии. Датировка слоя определяется I тыс. н. э.

Ключевые слова: тайга Среднего Енисея, Красноярская лесостепь, ранний железный век, раннее Средневековье, лепная керамика, черная металлургия, трасология, шилкинская культура, ладейская культура, керамика айканского типа.

Введение

I тыс. н. э. для тайги Среднего Енисея ознаменовалось широким распространением металлургии железа. По одной из гипотез этот процесс начинается в регионе на рубеже эр с приходом носителей шилкинской культуры [Мандрыка, 2017]. Культурно-исторические трансформации последующего времени в регионе остаются слабоизученными, что связано с недостаточностью источниковой базы. Имеющиеся материалы происходят из ряда информативных стратифицированных и закрытых поселенческих комплексов, а также нескольких погребальных памятников. На их базе мы имеем представление о характерных для I тыс. н. э. элементах формы и орнаментации керамических сосудов. В то же время общая малочисленность памятников не позволяет проследить характер материальной культуры в целом, динамику развития керамических традиций и черной металлургии, а также возможные культурные связи населения региона.

С целью пополнения источниковой базы для изучения этого периода в течение нескольких лет отрядами археологической экспедиции Сибирского федерального университета проводились полевые работы на стоянке Посолинская Протока-1. Памятник представляет интерес, помимо прочего, своим расположением в пограничной зоне южной части тайги Среднего Енисея и Красноярской лесостепи. Суммарному анализу полученных в разные годы материалов посвящена настоящая статья.

Описание материала

Стоянка Посолинская Протока-1 находится в Большемурутинском районе Красноярского края и приурочена к 8–10-метровой левобережной надпойменной террасе р. Енисей близ нижней оконечности о-ва Посолинский, в приустьевой части правого берега безымянного ручья. Памятник открыт в 2004 г. Ю. А. Титовой (Абдулиной). Ей же в 2005 г. заложен разведочный раскоп площадью 20 м², где был получен малочисленный, но однослойный и хронологически близкий поселенческий материал. Результаты работ были тезисно опубликованы ранее [Абдулина 2005, 2006]. В 2018 г. археологической экспедицией под руководством К. В. Бирюлевой и Д. А. Гурулёва* раскоп был расширен на 100 м².

Единственный культурный слой на памятнике приурочен к подошве темно-серого гумусового горизонта «современной» почвы суглинистого состава, на глубине 15–25 см от уровня современной дневной поверхности. Среди наиболее многочисленных находок выделяются фрагменты лепных керамических сосудов, железные шлаки, а также орудия на гальках. Анализ планиграфии культурного слоя закономерностей в пространственном распределении материала не выявил. Фрагменты керамики залегали одиночно либо небольшими скоплениями, разброс частей одного горшка мог достигать 6 м. Шлаки обнаружены на всем пространстве раскопа без каких-либо выраженных скоплений. Закономерность в расположении орудий на гальках также не была отмечена.

В состав *керамической коллекции* входят фрагменты от 10 сосудов. Некоторые из них близки между собой по ряду морфологических черт (общей форме и профилю конструктивных частей, наличию налепов, элементам орнамента и способу построения композиций):

– для трех сосудов стоянки характерно утолщение шейки налепной лентой, украшенной рядами овальных наколов, строящихся в мотив «елочка», а также орнаментация тулова тонкими налепными валиками (рис. 1, 1–3). Один из них представлен фрагментом венчика с отслоившейся налепной лентой (рис. 1, 3). На тулове другого сосуда удалось проследить часть орнаментальной композиции в виде четырех горизонтальных вали-

* В работе экспедиции 2018 г. принимали участие сотрудники Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири П. В. Мандрыка, Л. А. Максимович и Д. А. Виноградов, а также студенты Гуманитарного института СФУ; за помощь в проведении полевых работ авторских коллективов выражает им глубокую признательность.

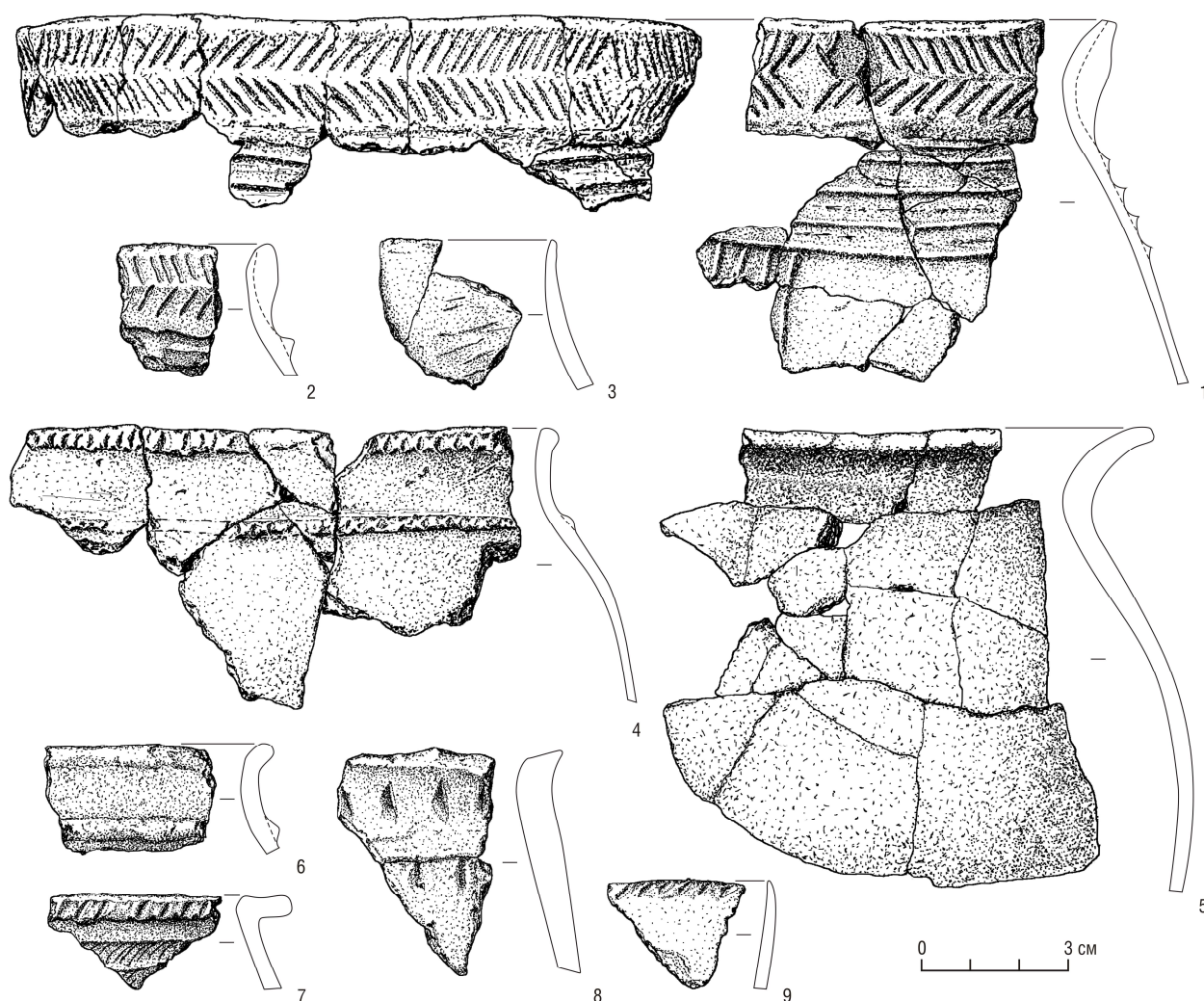

Рис. 1. Керамические сосуды стоянки Посолинская Протока-1

ков и примыкающих к нижнему из них четырех сгруппированных вертикальных валиков. Украшение наклепной ленты на этом сосуде строится четырьмя секторами, каждый последующий из которых зеркально отображает предыдущий (рис. 1, 1);

— два горшка сближает наличие отогнутой шейки и орнамента в виде одного жгутикового валика, расположенного в ее основании (рис. 1, 4, 6). На одном из сосудов внешний борт венчика и валики орнаментированы овальными наколами (рис. 1, 4);

— тулово двух других горшков украшено горизонтальными рядами овальных наколов (рис. 1, 8). От них в раскопе зафиксированы только части стенок. По основанию шейки одного из них, видимо, располагался ряд «жемчужин», о чем свидетельствует зафиксированная в профиле «ямка», нанесенная с внутренней части сосуда;

— также в слое обнаружен неорнаментированный горшок с сильно профилированной шейкой и шаровидным туловом (рис. 1, 5);

– отдельным фрагментом представлен сосуд с отогнутым краем венчика наподобие «карнизика», украшенным наклонно поставленными овальными насечками (рис. 1, 7). На его тулове фиксируются два горизонтальных ряда отступающих овальных наколов;

– кроме того, на стоянке обнаружен сосуд простой открытой формы (чаши (?)) с орнаментацией венчика наклонно поставленными овальными наколами (рис. 1, 9).

Помимо фрагментов посуды в слое найден обломок обожженного керамического изделия размерами 1,5×6,5×0,9 см. В формовочной массе отмечены включения гранитно-гнейсовой дресвы (размеры твердых частиц – 2–4 мм). На поверхности фиксируются оттиски папиллярных линий, орнамента нет. Функциональная принадлежность изделия не ясна.

Кроме того, при раскопках зафиксировано 94 *железных шлака*. Вес отдельных экземпляров варьирует в пределах 3–40 г. Из общего числа выделяется один крупный шлак, вес которого составляет 162 г. Все шлаки по внешнему виду напоминают плавильные [Водясов, Зайцева, 2017], на большинстве из них фиксируются отпечатки древесного угля. На основании большого количества шлаков можно предполагать близкое расположение горна за границами изученной раскопом части памятника.

Галечные орудия (4 экз.) преимущественно не обработаны и диагностированы по микроследам износа. Среди них выделены:

– молоток по горячему железу, выполнен на гальке овальной, чуть уплощенной формы. На двух продольных боковых гранях пикетажем выполнены выемки для крепления к рукояти. Изделие сильно изношено. Размеры орудия – 4,3×5,8×3,1 см, вес – 131 г;

– молоток-гладилка по железу на массивном валуне вытянутой трапецевидной формы без дополнительной обработки. В качестве бойка выступал широкий выпуклый торец предмета. Две смежных широких продольных грани использовались для выглаживания горячего металла. Износ орудия достаточно интенсивный. Форма, универсальный характер орудия и расположение следов износа позволяет предположить его ручное использование. Размеры предмета – 8,2×13,4×7,6 см, вес – 1132 г;

– гладилка по мягкому горячему железу представляет собой уплощенную гальку вытянутой овальной формы. Интенсивно изношена одна широкая продольная грань, на плоской поверхности которой отмечены вкрапления металла и характерная заглаженность. Размеры орудия – 5,9×17,4×3,4 см, вес – 609 г;

– наковальня по металлу (?) представлена валуном уплощенной подтреугольной формы. Широкая ровная плоскость сохраняет некоторую уплощенность и вдавления разной формы, характерные для обработки мягкого металла давлением. Размеры изделия – 11,4×12,6×5,7 см, вес – 1280 г.

Помимо этого, в слое обнаружена галька вытянутой плитчатой формы. Следов использования на ней не отмечено. По всей поверхности фиксируются окислы ожелезнения. Предмет обладает магнитными свойствами и, вероятно, является отдельностью руды. Размеры его – 17,1×8,6×4,0 см, вес – 1243 г.

Фаунистических остатков, за исключением одного неопределимого обломка трубчатой кости, в культурном слое не зафиксировано.

Обсуждение результатов

Обнаруженные материалы позволяют определить время формирования культурного слоя памятника – I тыс. н. э. Датировка основана на аналогиях зафиксированным керамическим сосудам. Не противоречит данной датировке сходство орудий металлообработки, зафиксированных на стоянке, с предметами из стратифицированных комплексов таежной зоны Среднего Енисея и Нижней Ангары [Князева, 2011; Голубева, 2016, с. 112].

Представленная керамика находит аналогии на памятниках как лесостепной, так и таежной зоны Среднего Енисея. Сосуды с налепной лентой близки по облику горшкам, обнаруженным в таежной зоне Среднего Енисея: в культурных слоях 2 и 2а поселения Бобровка [Археология и палеоэкология..., 2003, с. 115, рис. 37; с. 146, рис. 50], в третьем культурном слое поселения Шилка-9 [Мандрыка, 2005, с. 17], в первом культурном слое селища Шилка XIII (работы К. В. Бирюлевой 2017 г.) и др. Отдельные экземпляры похожей керамики обнаружены и в пределах Красноярской лесостепи в приустьевой части р. Качи в историческом центре г. Красноярска [Тарасов, Фокин, 2005]. Возраст формирования слоя стратифицированного поселения Бобровка, где была обнаружена похожая керамика, определен в интервале конца I – начала II тыс. н. э. [Археология и палеоэкология..., 2003, с. 162]. Помимо этого, рассматриваемые горшки имеют сходство с посудой усть-ковинского типа Нижнего Приангарья, датировка которой определяется в рамках второй половины I тыс. н. э. [Мандрыка, Бирюлева, 2011]. На основании аналогий время существования этой посуды допустимо предварительно определить в пределах раннего Средневековья.

Горшки со жгутиковым валиком в основании шейки характерны для типа 1 шилкинской культуры, для которого такой элемент орнамента является ведущим [Мандрыка, 2008, с. 73]. Датировка культуры в настоящее время определяется интервалом II в. до н. э. – I в. н. э. [Мандрыка, 2017, с. 221].

Сосудам с туловом, украшенным овальными наколами, сложно подобрать достоверные аналогии ввиду малых размеров сохранившихся фрагментов. Использование в орнаментации овальных наколов, покрывающих, преимущественно, шейку и плечики, характерно для некоторых сосудов ладейской культуры, датировка которой определяется

концом I – началом II тыс. н. э. [Фокин, 2017, с. 140, рис. 1]. Ладейская керамика известна как на лесостепных [Карцов, 1929а, б], так и на таежных памятниках долины Енисея. Время формирования ладейского городища Пакуль, расположенного на северной границе Красноярской лесостепи, определяется в интервале IX–XIII вв. [Mandryka, Senotrusova, 2009, p. 355].

Достоверные аналогии неорнаментированному горшку с сильнопрофилированной шейкой авторам неизвестны. С. М. Фокин указывал, что неорнаментированные сосуды существовали в Красноярской лесостепи на протяжении всего Средневековья [2017, с. 140]. Затруднено также определение культурной принадлежности керамической чаши (?), представленной небольшим фрагментом.

Предположительно, время существования сосуда с отогнутым краем венчика наподобие «карнизика» можно определить серединой – второй половиной I тыс. н. э. Керамика с подобным оформлением венчика встречается на памятниках таежной зоны енисейского бассейна, граничащих с лесостепью и степью. Тулово таких сосудов украшалось, преимущественно, пальцевыми защипами и обмазочными валиками. На границах Красноярской лесостепи подобные горшки обнаружены на поселении Айканка [Мандрыка, 1997, с. 214], в 1-м культурном горизонте Пещеры Еленева [Макаров, 2012, с. 20–21], в материалах Ладейского городища [Фокин, 2009, с. 128] и др. Подобные горшки известны также в верховьях р. Кан [Фокин, 2010, с. 49–51] и на территории таежного Кизир-Казырского района [Леонтьев, 2005; Леонтьев, Леонтьев, 2009, рис. 66, 67].

Как видно из приведенных аналогий, керамика стоянки различна не только по внешнему облику, но и по времени бытования. Судя по всему, нахождение фрагментов керамической посуды следует связывать с непродолжительными посещениями этого места небольшими группами населения. Однозначно связать следы черной металлургии и металлообработки с конкретной керамикой нельзя.

Результаты трасологического исследования найденных в слое галек позволяют отнести их к категории орудий, связанных с металлургическим производством, в частности с кузнечной обработкой железа. Наличие начальных этапов металлургического производства на стоянке фиксируется только на основании обнаружения шлаков. Расположение кузнечных инструментов предполагает их вероятное перемещение и не позволяет выявить точное место расположения производственной площадки. Отсутствие на раскопанном участке неметаллических орудий, связанных с другими хозяйственно-производственными отраслями, может говорить о временном характере стоянки либо об ее производственной специализации.

Заключение

Анализ планиграфии и артефактов стоянки Посолинская Протока-1 позволяет сделать ряд выводов. Обнаруженный керамический материал был, очевидно, оставлен в результате кратковременного посещения этого места отдельными группами населения в пределах I тыс. н. э. Наиболее раннюю датировку имеют сосуды шилкинской культуры; позднейшей, возможно даже относящейся к развитому Средневековью, является керамика, обладающая сходством с посудой ладейской культуры. Керамика стоянки находит аналогии как в таежных, так и лесостепных памятниках енисейского бассейна. Большая ее часть относится к таежным керамическим традициям, однако наличие сосуда, близкого по облику ладейской керамике, а также горшка без орнамента может свидетельствовать о некоторых культурных влияниях со стороны лесостепного населения.

На площади стоянки зафиксированы отходы черной металлургии и инструменты металлообработки на гальках, диагностированные по микроследам износа. Оснований для их датировки более узким временным промежутком, чем I тыс. н. э., на данный момент нет.

Список литературы

Абдулина Ю. А. Новое поселение эпохи Средневековья Красноярской лесостепи Посолинская Протока-1 // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2006. – Т. II. – С. 3–4.

Абдулина Ю. А. Новые археологические памятники на территории Большемуртинского района Красноярского края // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Материалы I (XLV) Российской с международным участием археологической и этнографической конф. студентов и молодых ученых (РАЭСК-XLV). – Иркутск: Изд-во «Радиян», 2005. – С. 49–50.

Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – 138 с.

Водясов Е. В., Зайцева О. В. Что может рассказать археологу железный шлак? // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 4. – С. 107–115.

Голубева Е. В. Теория и практика экспериментально-трассологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 144 с.

Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища // Труды Археологической секции РАНИОН. – 1929б. – Т. IV. – С. 559–567.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. – Красноярск: Государственный музей Приенисейского края, 1929а. – 63 с.

Князева Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. – С. 109–116.

Леонтьев Н. В. Хуннские истоки обмазочно-валиковой керамической традиции «лесных» народов Среднего Енисея // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 89–91.

Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 178 с.

Макаров Н. П. Железный век и эпоха Средневековья пещеры Еленева // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. 5. – С. 19–30.

Мандрыка П. В. Культура гуннского времени в южной тайге долины Енисея // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: материалы VIII Междунар. науч. конф. – Changchun, China, 2017. – С. 217–225.

Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или К вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 209–217.

Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 68–76.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. 5. – С. 50–61.

Тарасов А. Ю., Фокин С. М. Материалы раннего и развитого Средневековья в исторической части г. Красноярска // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – Вып. IV. – С. 58–65.

Фокин С. М. Результаты разведочных исследований Верхнего Кана // Енисейская провинция. – Красноярск: Литера-Принт, 2010. – С. 45–56.

Фокин С. М. Средневековая керамика Красноярской лесостепи // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: материалы междунар. конф., посвященной 80-летию юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск: ИД «Д'Принт», 2017. – С. 138–142.

Фокин С. М. Средневековые материалы Ладейского и Ермолаевского городищ // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: сборник, посвящ. юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск: Аграф-Пресс, 2009. – С. 124–130.

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Pakul Fort and Problem of Distinguishing of Ladeyskaya Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – (2009 2). – № 3. – Pp. 349–360.

**POSOLINSKAYA PROTOKA-1 – THE I MILLENNIUM AD SITE ON THE BORDER
BETWEEN FOREST-STEPPE AND TAIGA OF MIDDLE YENISEI**

The paper considers the materials from the site Posolyinskaya Protoka-1, located in the southern part of the Middle Yenisei taiga zone bordering the Krasnoyarsk forest-steppe (Bolshemurtinsky District of Krasnoyarsk Krai). The site was opened in 2004 and excavated in 2005 and 2018 by a team of researchers of Siberian Federal University. During the excavation a single cultural layer was researched. The layer located in a humus horizon of «modern» soil. Scattered fragments of sculpture pottery vessels, iron smelting slags and blacksmith pebble tools were found. The pottery has analogies in Shilka, Ladeiskaya and Aikanka archaeological complexes, as well as other materials of 1st millennium AD sites of the forest zone of Middle Yenisei. Its location on the site should be associated with short-term visits to this area by small groups of people. Most of the vessels are a representation of the taiga ceramic traditions, but there are some decorative elements that may indicate forest-steppe cultural influence. The chronological framework of the layer is determined in 1st millennium AD.

Keywords: Middle Yenisei taiga zone, Krasnoyarsk forest-steppe, Early Iron Age, Early Middle Ages, handmade pottery, ferrous metallurgy, microwear analysis, Shilka culture, Ladeiskaya culture, Aikanka pottery type.

М. А. Муршидова¹, А. Л. Заика²

¹ Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

² Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева, г. Красноярск

E-mail: murshidova.marina@mail.ru, zaika_al@mail.ru

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В ПЕТРОГЛИФАХ ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ

Данная статья посвящена анализу образа медведя в петроглифах Шалаболинской писаницы. Этот персонаж известен здесь еще со времени распространения неолитических культур. Архаичные изображения животного отличаются реалистичностью, минимализацией хищнической сущности. Среди всех изображений медведей и медведеподобных существ, зафиксированных на писанице, большинство восходят именно к неолиту. В последующие эпохи медведь все реже появляется в наскальном творчестве. Так, на рассматриваемом памятнике известно лишь два изображения медведеподобных существ, относящихся к окуневской культуре, и одно изображение фантастического хищника с медвежьими чертами, выполненное в традициях скифо-сибирского звериного стиля.

Важно отметить, что в петроглифах образ медведя встречается достаточно редко и уступает в количественном отношении изображениям копытных животных. Однако на Шалаболинской писанице сосредоточено наибольшее количество изображений медведя по сравнению с другими памятниками наскального искусства севера Хакаско-Минусинской котловины.

Ключевые слова: Шалаболинская писаница, петроглифы, медведь, медведеподобный хищник.

Введение

Шалаболинские петроглифы расположены на правом берегу р. Тубы (правый приток р. Енисей) на высоком (до 200 м) крутом береговом скальном массиве, сложенном девонскими песчаниками, который имеет протяженность в северо-восточном направлении около 3 км. Береговые утесы начинаются в 2,3 км к юго-востоку от д. Ильинки и заканчиваются выше по течению р. Тубы в устье р. Шушь, что в 5 км к юго-западу от с. Шалаболино Курагинского района [Заика, 2011, с. 109].

Все рисунки локализованы на 8 участках скальных обнажений писаницы. Всего насчитывается около 500 плоскостей и скальных фриз с изображениями, которые встречаются на всем протяжении скального массива на различных высотах – от 2,5 м до 150 м от августовского уреза воды. Весь скальный массив разделен на три яруса: первый – нижний, блоки которого находятся на высоте 1–5 м над уровнем воды; второй – средний, из

массивных блоков на высоте 10–20 м; третий – верхний, из отдельных блоков на высоте 150–200 м^{1, 2}.

Описание материала

Среди всего многообразия рисунков Шалаболинской писаницы зафиксировано относительно небольшое количество изображений медведей и медведеподобных хищников. В основном они сконцентрированы на 5-м и 6-м участках. Единичные изображения присутствуют на 2-м, 3-м, 4-м участках писаницы.

Участок 2а. Плоскость 1. (Камень 106 по: [Пяткин, Мартынов, 1985]). Данная плоскость находится на верхнем ярусе скальных обнажений писаницы на высоте 37 м от уреза воды, обращена на юг [Там же]. Основную ее часть занимают крупные фигуры маралов. Под ними, внизу, расположена фигура фантастического хищника, обращенного вправо. Размеры хищника уступают размерам предполагаемых жертв. У зверя поджарое гибкое туловище, свойственное представителям кошачьих, клыкастая волчья морда и мощные когтистые медвежьи лапы (рис. 1, 3)³. Все изображения выполнены в технике выбивки.

Участок 2. Плоскость 5. (Камень 55 по: [Там же, с. 57, рис. 70]). Во втором нижнем ряду плоскости изображение крупного лося перекрывает маленькую по сравнению с ним фигуру медведя, стоящего на задних лапах с вытянутыми вперед передними. У животного массивная голова с острыми ушами, вытянутое туловище. Показан короткий хвост. Изображение ориентировано вправо, выполнено в технике выбивки, силуэтно.

Участок 2. Плоскость 18. (Камень 48 по: [Там же, с. 53, рис. 62]). На плоскости присутствуют две зооморфные фигуры. В левой части обозначен рисунок марала, направленного в правую сторону. Правее намечено изображение медведя, обращенного головой влево (навстречу маралу). Техники выбивки, контурно, нанесены массивная голова с открытой пастью, глаз, два острых уха. Также показана линия спины и крупа. Нижняя часть туловища отсутствует. Правее этих изображений находится антропоморфная фигура, показанная в фас.

Участок 3. Плоскость 11. (Камень 33 по: [Там же]). Данная плоскость образовалась в результате обвала части скалы (ранее нижняя часть камня 33) на высоте 9,3 м. В нише охрой нарисовано одиночное контурное изображение фантастического животного в

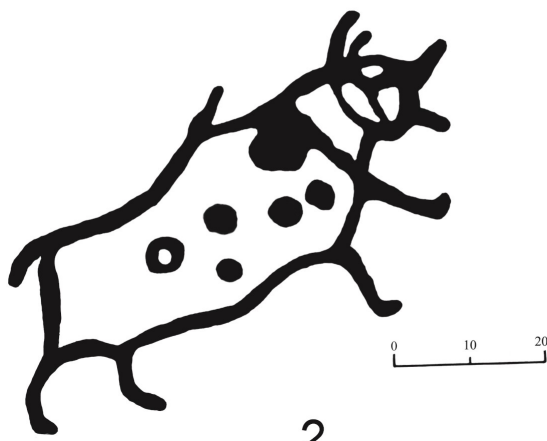
¹ Заика А. Л. Шалаболинская писаница. Учетная карта. 2010 г. // Архив лаборатории археологии. Оп. 0057. Д. 001.

² Заика А. Л. Приложение № 1 к Учетной карте (п. VI) объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002.

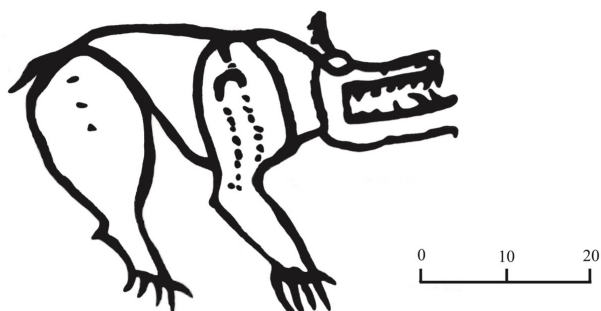
³ По: Пяткин Б. Н., Капелько В. Ф. Шалаболинская писаница. Ситуационные планы. 1977 г. // Личный архив Е. А. Миклашевич.

1

2

3

Рис. 1. Медведеподобные хищники:
1, 2 – эпоха бронзы, 3 – эпоха раннего железного века

профиль, ориентированного вправо. Крупная голова, с широко разинутой пастью и направленными вперед ушами, на короткой толстой шее переходит в массивное горбатое туловище с торчащим вперед и вверх отростком. Показаны четыре короткие ноги, завершающиеся прямыми «ступнями». Животное движется вперед и вверх. По туловищу нарисованы четыре кружка и три диска. Перед мордой зверя нанесен охрой подобный кружок – пятно (рис. 1, 2).

Участок 3. Плоскость 13. (Камень 32 по: [Там же, с. 43, рис. 46]). Над изображением фантастического существа присутствуют два образа реалистичных медведей. Оба выполнены в технике выбивки. Один из медведей перекрыт фигурой крупного оленя, но опознается по небольшой голове с бантообразными ушами. Туловище медведя крупное, частично заметно под рисунком копытного, конечности не сохранились. Профильное контурное изображение другого медведя также сохранилось фрагментарно. Показаны небольшая морда с овальными ушками, вытянутое массивное туловище и одна передняя лапа. Оба медведя ориентированы вправо.

Участок 4. Плоскость 10б. На данной плоскости присутствует большое

количество зооморфных фигур, выполненных в «минусинском» и «ангарском» стиле. Среди лосей, оленей и маралов в центральной части справа наблюдается лишь одно изоб-

ражение хищника (медведь?) [Заика, Дроздов, 2008]. Сходство с медведем обусловлено наличием крупного массивного туловища с горбом, характерных лап, оканчивающихся широкими округлыми ступнями. Задние лапы перекрыты рисунком крупного лося. Фигура медведя выполнена в технике выбивки, контурно. Все животные ориентированы вправо (рис. 2).

Рис. 2. Участок 4. Плоскость 106^{4,5}

Участок 4. Плоскость 22. (Камень 14 по: [Там же, с. 30, рис. 29]). На плоскости обозначено большое количество изображений, выполненных в несколько рядов. Наиболее заполнен центральный ряд, где среди многообразия образов животных присутствует контурная фигура медведя, ориентированного головой вправо. Морда опущена вниз, рот приоткрыт, два маленьких ушка торчат в разные стороны. На спине наблюдается характерный горб, показанный более толстой выбитой линией. Конечности животного непропорциональны – задние лапы длиннее передних. Несмотря на то что изображение силуэтное, внутри туловища медведя выбито три небольших пятна. В месте расположения крупа жи-

⁴ Заика А. Л. Шалаболинская писаница. Учетная карта. 2010 г. // Архив лаборатории археологии. Оп. 0057. Д. 001.

⁵ Заика А. Л. Приложение № 1 к Учетной карте (п. VI) объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002.

вотного отслоился верхний слой скальной корочки, что частично затрудняет рассмотрение нижней части тела хищника и его задних конечностей.

Участок 5. Плоскость 12. (Камень 66 по: [Там же, с. 71, рис. 89]). Здесь зафиксирована группа петроглифов, занимающих обширную скальную область. В верхней части плоскости среди зооморфных фигур присутствует силуэтное изображение медведя. Он обращен влево. Голова животного с открытой удлиненной пастью и двумя маленькими ушами запрокинута вверх. Рисунок сохранился фрагментарно, его нижняя часть отсутствует.

Участок 5. Плоскость 17. (Камень 65 по: [Там же, с. 70, рис. 88]). На фрагментарно сохранившейся плоскости зафиксировано три фигуры, которые выполнены в технике выбивки. Слева присутствует антропоморфное изображение с согнутыми коленями. Человек будто присел перед идущим ему навстречу медведем. У зверя показана массивная голова с приоткрытой пастью, длинное крупное туловище с характерным горбом. Конечности животного широко расставлены, передние лапы приподняты, что указывает на то, что медведь движется. Заднюю часть его туловища перекрывает крупное копытное, направленное вправо. Оба зверя выбиты силуэтно (с незаполненным пятном внутри).

Участок 5. Плоскость 18. (Камень 64 по: [Там же, с. 69, рис. 87]). Под верхним фризом зафиксирована серия рисунков, расположенных в ряд. Плоскость разделяет трещина. Слева от нее присутствуют изображения копытных, ориентированных вправо. По правую сторону от трещины находятся также несколько зооморфных фигур и одна антропоморфная. Еще правее изображены фигуры медведя и копытного животного, направленные в противоположные стороны. Медведь ориентирован в левую сторону. У него массивная, опущенная вниз морда, мощное туловище, сужающееся к крупу. Показаны три лапы (одна передняя и две задних). Выполнен в технике выбивки, силуэтно. Однако внутри туловища проявляются следы точечной выбивки.

Участок 5. Плоскость 19. (Камень 64 по: [Там же, с. 68, рис. 84]). На верхнем узком фризе выбиты антропоморфное изображение и несколько зооморфных, среди которых отмечена крупная силуэтная фигура медведя, идущая вправо. У животного непропорционально маленькая голова с бантообразными ушами, массивное туловище, длинные мощные лапы. Передней лапой медведь перекрывает круп кабана, идущего перед ним. Поверх контура самого хищника выбито изображение небольшой, слегка изогнутой лодки, нос которой оформлен в виде головы лося.

Участок 5. Плоскость 35. (Камень 59 по: [Там же, с. 63, рис. 75]). Выявлено множество зооморфных фигур, ориентированных вправо. Изображение медведя находится в правой части плоскости, левее его две фигуры копытных. У хищника показаны малень-

кая голова с чуть приоткрытым ртом, два уха, вытянутая линия спины с характерным горбом и четыре коротких согнутых лапы. Выполнено в технике выбивки.

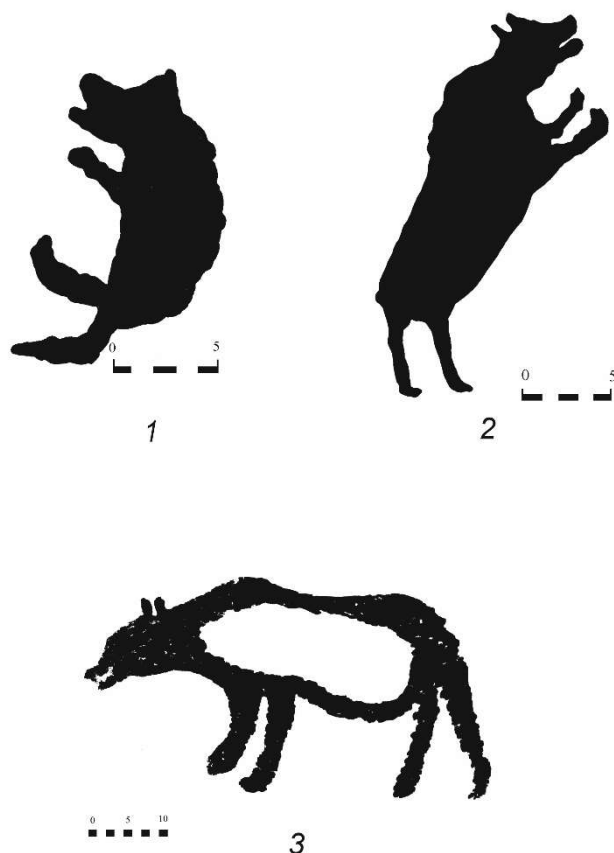

Рис. 3. Реалистичные изображения медведей. Эпоха неолита:

1, 2 – по: [Пяткин, Мартынов, 1985]; 3 – выкопировка с микалентной копии из фондов МАЭС КемГУ, колл. № 38/14

Рисунок расположен напротив двух других медведей. Животное ориентировано вправо и будто шагает вверх. Показаны маленькая голова, массивное овальное туловище, четыре короткие лапы.

Участок ба. Плоскость 3. (Камень 77 по: [Там же]). В центральной части плоскости техникой выбивки изображено фантастическое существо, обращенное головой вправо. У зверя крупная голова с широко открытой пастью, ушами и рогами. На одном из рогов два отростка, на другом один. Спина с небольшой горбинкой, круп крутой. Задние и передние ноги широко расставлены. Животное будто поднимается наверх, поэтому передняя часть его туловища выше задней. Спину фантастического существа огибает длинный хвост, едва не достоящий до головы. Туловище в средней части разделено полосой (рис. 1, 1). Напротив его морды присутствует значительно уступающее ему изображение медведя, будто стоящего на задних лапах. У медведя небольшая голова с двумя острыми ушами и приоткрытой пастью, овальное туловище и три лапы. Выполнено силуэтно,

Участок ба. Плоскость 2. (Камень 80 по: [Там же]). На данном участке скалы зафиксировано большое количество рисунков, перекрывающих друг друга. Для удобства описания исследователи разделили плоскость на две. Все изображения выполнены в технике выбивки. В нижней части левой плоскости присутствуют две фигуры медведей, обращенные вправо. У них непропорционально лобастые массивные головы с маленькими острыми ушами, слегка приоткрытые пасти. У животных, будто стоящих на задних лапах, несоразмерные конечности (задние – длиннее и тоньше, передние – короче и толще) (рис. 3, 2).

На плоскости, расположенной справа, среди многофигурной композиции с участием антропоморфов, копытных и рыб присутствует также изображение

в технике выбивки (рис. 3, 1). Также в нижней части плоскости есть изображения рыбы и антропоморфной фигуры.

Участок ба. Плоскость 8. (Камень 89 по: [Там же, с. 90, рис. 113]). Здесь выбит один силуэт медведя, ориентированный вправо. Медведь как бы поднимается по наклонной плоскости вверх. Животное имеет лобастую голову с небольшими вертикально поставленными ушами, длинную шею, массивное туловище с несколькими вертикальными полосами внутри (скелетный стиль?). Передняя и задние ноги заканчиваются круглыми ступнями.

Участок ба. Плоскость 16. На плоскости имеется изображение медведя, взбирающегося вверх по дереву. У животного массивная голова с приоткрытой пастью и выраженным подбородком, маленькие острые уши. Показан горб на спине, крупное туловище, сужающееся к крупу. Хвост отсутствует. Четыре лапы вытянуты вперед и охватывают ствол дерева. Дерево тонкое с пятью ответвлениями в верхней части. Изображения выполнены в технике выбивки. Чуть выше силуэта медведя присутствует трудноопределимый рисунок, выполненный точечной выбивкой [Там же, с. 159, табл. 13, рис. 11].

Участок б. Плоскость 19. (Камень 76 по: [Там же]). На длинном фризе зафиксирована композиция, состоящая из восьми зооморфных фигур. Большая часть животных ориентирована вправо (лоси). В последней, восьмой, фигуре композиции угадывается изображение медведя, выполненное техникой выбивки, силуэтно (с незаполненным пятном внутри). У медведя крупная голова, обращенная влево, два небольших ушка, чуть вытянутый нос, даже намечен глаз, характерный горб, крутой круп, массивные задние и передние лапы (рис. 3, 3).

Камень 103 по: [Там же, с. 98, рис. 127]. Композиция состоит из нескольких фигур, ориентированных слева направо. Здесь присутствует четыре рисунка копытных и одно фрагментарно сохранившееся контурное изображение медведя. У хищника показаны остренькая морда (выбита сплошь) с приоткрытой пастью, два овальных уха, а также верхняя часть туловища с горбом. Остальная часть контура животного была уничтожена сколом скалы. Рисунок выполнен в технике выбивки.

Композиционное построение

Целая серия изображений медведя присутствует на одних плоскостях с копытными, но сложно сделать вывод о том, несут эти сюжеты какую-либо смысловую нагрузку или каждый рисунок имеет свой смысл и не связан с прочими персонажами. Взаимоотношения хищников и копытных проявляются в сценах противостояния, преследования и терзания. Последний сюжет встречается довольно редко в петроглифах Минусинской котловины и характерен для изображений, относящихся к эпохе раннего железного века.

Сцены преследования и противостояния более известны в наскальном искусстве региона. Зачастую здесь хищник доминирует над копытными, превосходит их по размерам. Сцены, где хищник преследует травоядного, трактуются как сцены космогонической охоты, с которой древние люди связывали смену дня и ночи, борьбу добра со злом [Студзицкая, 1997, с. 252]. Большинство изображений медведей на Шалаболинской писанице либо уступают, либо соразмерны фигурам копытных. Однако на писанице присутствует сцена погони медведя за лосем, изображенная на участке 4 (плоскость 22) (Камень 14 по: [Пяткин, Мартынов, 1985]): «...выбита фигура медведя с наклоненной головой и слегка приоткрытой пастью, как бы преследующего движущихся лосей» [Там же, с. 119]. Данное изображение датируется авторами эпохой неолита, что позволяет сделать вывод о том, что космогонические представления, связанные с образами медведя и лося, зародились еще в это время. Сцену космогонической охоты можно проследить на примере изображения с плоскости 11 участка 3. Стоит отметить, что здесь медведеподобный хищник охотится не за копытным животным, а за солярными знаками, обозначенными кружками.

На плоскости 19 участка 6 зафиксированы изображения копытных и медведя, также восходящие к неолиту. Почти все фигуры копытных животных (за исключением одного) направлены в правую сторону, тогда как медведь ориентирован влево (навстречу копытным). Размеры животных идентичны друг другу. Возможно, такое композиционное построение является сценой противостояния.

На плоскости 19 участка 5 изображен крупный медведь, передняя лапа которого лежит на крупе кабана, идущего впереди. Подобные изображения больше не встречаются среди петроглифов Шалаболинской писаницы. Подобный сюжет, возможно, можно трактовать как сцену преследования.

Не строятся в одну композицию изображения, относящиеся к разным эпохам. Так, наличие фантастического хищника на плоскости 1 участка 2а не связано с фигурами маралов, зафиксированными на этой же плоскости. По иконографическим особенностям изображений становится очевидным, что фигура медведеподобного хищника выбита в эпоху раннего железного века и выполнена в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Тогда как маралы относятся к неолиту. Такое временное различие изображений не дает возможность проследить наличие сюжета на данной плоскости.

Стилистические и иконографические особенности

Большинство изображений медведей, зафиксированных на разных плоскостях писаницы, схожи по своим стилистическим и иконографическим особенностям. Рисунки выполнены силуэтной неглубокой выбивкой. Головы животных часто непропорционально большие по сравнению с туловищем, иногда с приоткрытой пастью без клыков. Уши ма-

ленькие, бантообразные (выходящие из одной точки). Туловища вытянутые широкие. Конечности массивные, часто передние уступают в длине задним (что заметно среди рисунков стоящих на задних лапах или забирающихся вверх зверей), когти отсутствуют, лапы оканчиваются широкими ступнями. Хвост слабо выражен или вообще отсутствует. Наиболее приближенными к реальным прототипам являются фигуры медведей, зафиксированные на камнях: 14, 55, 64, 65, 77, 79, 80 и др. [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 106].

Несколько изображений медведеподобных животных отличаются от реальных наличием дополнительных деталей на теле, таких как рога, длинный, закинутый на спину хвост. Данные иконографические особенности указывают на принадлежность рисунков к группе фантастических существ, для которых характерны: медвежья морда с длинным змеиным языком, поджарое волчье туловище, закинутый на спину хвост и длинные «птичьи» лапы со шпорами и когтями. Однако изображения фантастических хищников Шалаболинской писаницы не имеют всех перечисленных черт, и в их основе лежит образ медведя. Подобные рисунки зафиксированы на камнях 33 (участок 3, плоскость 11) и 77.

Стилистические и иконографические особенности синкретического существа с плоскости 1 участка 2а (камень 106) позволяют отнести его к более поздним изображениям. Иконографические особенности данных образов, независимо от времени и места их нахождения, достаточно определены: поджарое туловище, вытянутая вперед оскаленная морда (иногда с длинным высунутым языком), когтистые лапы. Часто показаны поднятая дыбом шерсть (туловище животного покрыто прямыми поперечными или изогнутыми вихровыми линиями, имитирующими шкуру тигра, пантеры), торчащие уши и другие дополнительные детали на туловище животного. Данные изображения больше всего напоминают волка или крупную собаку, но иногда (особенно в восточных районах) в них проступают черты медведя и в более поздних образцах – кошачьего хищника [Савинов, 1998, с. 155–156]. Шалаболинский хищник имеет медвежью морду, клыкастую волчью пасть, поджарое туловище, мощные медвежьи лапы с длинными когтями, короткий слабовыраженный хвост. Среди всех изображений медведеподобных существ, зафиксированных на писанице, лишь у него ярко проявляются хищнические черты.

Культурно-хронологическая принадлежность изображений

Основными объектами охоты в неолите в Сибири были лось, медведь, кабан, косуля и благородный олень [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 119], в связи с этим их изображения доминируют на писаницах в данное время.

Наибольшее количество рисунков медведя в наскальном искусстве, по мнению многих исследователей, относится именно к эпохе неолита. Они отличаются реализмом, динамичностью, сравнительно крупными размерами. В композициях, как правило, проти-

вопоставлены фигурам копытных животных. Помимо Шалаболинской писаницы фигуры медведей присутствуют и на других памятниках наскального творчества Хакасско-Минусинской котловины. Однако таких изображений очень мало. Например, на писанице Суханиха и Тепсей можно выделить их только четыре. В бассейне р. Маны фигур, напоминающих медведя, только две, как и в петроглифах р. Ангара [Заика, Журавков, 2001, с. 464] и они выполнены несколько позже, чем рассматриваемые рисунки хищников Шалаболинской писаницы.

Стоит отметить, что большинство петроглифов Шалаболинской писаницы, на которых угадываются медведи, восходит именно к эпохе неолита и лишь несколько медведеподобных существ выполнены в более поздние эпохи.

В начальный период формирования искусства эпохи ранней бронзы на территории Среднего Енисея фигуры животного еще вполне реалистичны и отличаются от неолитических лишь меньшими размерами. Впоследствии изображение медведя как самостоятельного образа фактически исчезает, а отдельные медвежьи черты становятся основой формирования синкретического образа фантастического хищника.

На Шалаболинской писанице присутствуют два фантастических медведеподобных хищника, характерные для окуневской изобразительной традиции. Зооморфная фигура с плоскости 11 участка 3 является трансформированным образом медведя, который преследует знак-символ солнца [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 125]. Хищник, поглотивший семь солнц, устремился в погоню за следующим. Округлая морда с крутым массивным лбом и короткие «мягкие» конечности, заканчивающиеся моделированными в условной манере лапами, отдаленно напоминают реального медведя. Подобные нарисованные охрой «фантастические» хищники в сочетании с астральным знаком в виде пятиконечной звезды или креста известны на двух кантегирских писаницах [Леонтьев, 1985, с. 169–172].

Зооморфная фигура, расположенная в центральной части плоскости 3 участка 6а (камень 77) [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 80], приближена к каноническим изображениям, характерным для окуневского времени. Фантастический зверь имеет голову медведя, увенчанную рогами. На длинных тонких широко расставленных ногах он шагает вперед и по диагонали вверх.

В енисейских петроглифах определяется два вида хищных животных, изображаемых в эпоху раннего железного века, – представители местной фауны (волки, медведи, кабаны) и неопределенные существа с чертами хищников [Советова, 2005, с. 50].

Среди петроглифов Шалаболинской писаницы присутствует лишь одно изображение фантастического существа, характерного для изобразительной традиции скифского времени. Данный образ является собирательным, он сочетает в себе признаки, присущие

волку, медведю и, возможно, кошачьему хищнику, и вписан в многофигурную композицию. Аналогичное изображение известно среди петроглифов писаницы Бычиха [Там же, рис. 22, Б]. Схожесть образов обусловлена наличием оскаленной удлиненной пасти, поджарого туловища, короткого хвоста у обоих животных. Однако существо с писаницы Бычиха больше напоминает кабана, нежели медведя.

Заключение

Изображения хищников встречаются достаточно редко. Среди всего многообразия зооморфных фигур на Шалаболинской писанице изображение медведя уступает копытным в количественном соотношении. На более чем 500 рисунках фигура медведя встречается только в 25 случаях, тогда как лосей известно 156 [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 102].

На Шалаболинской писанице изображения медведей появились еще с эпохи нового каменного века. В это время животные отличаются реалистичной манерой исполнения, небольшими размерами и минимализацией их хищнической сущности (отсутствие клыков и когтей). Подавляющее большинство зооморфных фигур, в которых угадываются медведи, относится именно к неолитическому времени. В основном они зафиксированы на одних плоскостях с копытными животными.

Эпоха бронзы ознаменовала собой переход от более примитивных и реалистичных форм к сложным и фантастическим, что нашло отражение в формировании новых изобразительных традиций, отличных от неолитических. В это время условно-реалистичные черты медведя становятся основой для становления образов фантастических существ. На Шалаболинской писанице есть два изображения медведеподобных существ, относящихся к эпохе бронзы: «рогатый» медведь с длинным хвостом и фантастический зверь, преследующий солярные знаки и поглощающий их. Можно сделать вывод, что медведь – наиболее ранняя ипостась фантастического хищника. По всей видимости, данная трансформация образа связана с развитием и, соответственно, видоизменениями содержательной части темы «космической охоты» в мировоззрении местных племен.

В дальнейшие периоды медведь – редкий персонаж в наскальном творчестве. Лишь в эпоху поздней бронзы – раннего железного века, во время становления и развития скифо-сибирского звериного стиля отдельные черты медведя вновь появляются в образе фантастического хищника. Среди петроглифов Шалаболинской писаницы известно лишь одно изображение фантастического хищника с медвежьими чертами, которого можно датировать ранним железным веком.

Вероятнее всего, изображение медведя исчезло из наскального искусства в связи с тем, что его образ перестал связываться с космогоническими представлениями, а приобрел характер культового, тотемного животного [Заика, Журавков, 2001, с. 466].

Список источников

Заика А. Л. Приложение № 1 к Учетной карте (п. VI) объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002. 261 л.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница. Учетная карта. 2010 г. // Архив лаборатории археологии. Оп. 0057. Д. 001.

Пяткин Б. Н., Капелько В. Ф. Шалаболинская писаница. Ситуационные планы. 1977 г. // Личный архив Е. А. Миклашевич. 51 л.

Список литературы

Заика А. Л., Журавков С. П. Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангара // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 464–466.

Заика А. Л., Дроздов Н. И. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 28–30.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница (вопросы музеефикации) // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ, проведенного 19–23 сентября 2011 года в городе Алматы (Казахстан). – Алматы, 2011. – С. 109–120.

Леонтьев Н. В. Писаницы устья р. Кантегир // Рериховские чтения. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. – С. 168–180.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. – 192 с.

Савинов Д. Г. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М. И. Артамонова) // Проблемы археологии. История и культура древних и средневековых обществ. – СПб.: СПбГУ, 1998. – Вып. 4. – С. 154–165.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с.

Студзицкая С. В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 251–262.

THE IMAGE OF THE BEAR IN SHALOBOLINSKAYA PETROGLYPHS

This article is devoted to analysis of the image of the bear in Shalobolinskaya petroglyphs. This character is known here since the spread of Neolithic cultures. Archaic images of the animal are characterized by realism, minimization of predatory nature. Among all the images of bears and bear-like creatures recorded on the petroglyphs, most go back to the Neolithic. In subsequent epochs bear appears less and less in rock art. Thus, only two images of bear-like creatures belonging to the Okunev culture and one image of a fantastic predator with bear features, made in the traditions of the Scythian-Siberian animal style, are known on the monument under consideration.

It is important to note that in petroglyphs the image of the bear is quite rare and is inferior in quantitative terms to the images of ungulates. However, the Shalobolinskaya petroglyphs are concentrated the greatest number of the images bear comparison with other rock art sites of the North of Khakass-Minusinsk basin.

Keywords: Shalabolinskaya petroglyphs, petroglyphs, bear, bear-like predator.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВТОРОГО ЯРУСА ПИСАНИЦЫ «БЕРЕЗОВАЯ» (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

В статье рассмотрены изображения с плоскостей второго яруса писаницы «Березовая», расположенной в Курагинском районе Красноярского края на правом берегу реки Шушь (приток р. Тубы). Всего на данном ярусе расположено 29 плоскостей с рисунками, часть из которых обнаружена впервые. Среди петроглифов представлены разновременные композиции с участием животных и антропоморфных фигур, выполненные техникой выбивки и гравировки. Обнаружена одна плоскость с рунической надписью. Большая часть изображений, по-видимому, была создана в эпоху раннего железного века (тагарская и таштыкская культуры), другая значительная часть рисунков может быть отнесена к Средневековью. Также обнаружен ряд архаичных изображений, относящихся к «минусинскому» стилю. Особый интерес представляют изображения орнитоморфных шаманов, которые могут быть отнесены к таштыкской культуре. Вероятно, писаница была местом культового творчества еще в неолите, затем потеряла свою ценность в эпоху бронзы, после чего вновь стала активно использоваться, начиная с периода раннего железного века.

Ключевые слова: петроглифы, тагарская культура, таштыкская культура, ранний железный век, Средневековье, «минусинский» стиль, шаманы.

Писаница «Березовая» расположена в Курагинском районе Красноярского края на правом берегу реки Шушь (приток р. Тубы) в 3 км к северо-востоку от известной Шалаболинской писаницы, на горе Березовой, сложенной девонскими песчаниками. В 1957 г. сотрудник ККМ Р. В. Николаев и местный краевед В. К. Добрынин, занимаясь обследованием петроглифов Шалаболинской писаницы, впервые обнаружили на скальный рисунок в виде фигуры лучника и на горе Березовой [Сазонова, 2009]. Более обстоятельно петроглифы этой писаницы были обследованы в 1977 г. экспедицией КемГУ под руководством Б. Н. Пяткина, в которой активное участие приняли красноярские художники В. Ф. Капелько и М. М. Бирюков. Участниками экспедиции было выделено пять ярусов с рисунками, проведена выборочная их копировка¹. Позже, в начале 2000-х гг., писаница изучалась отрядами КГПУ с целью паспортизации и инвентаризации памятника

¹ Пяткин Б. Н., Мартынов А. И., Капелько В. Ф. Археологическая экспедиция КГУ в 1977 г. Хакасский (Красноярский) отряд. Материалы разведок // Архив МАЭС КемГУ. Д. 7806.

[Заика, Дорохина, Журавков, 2015]. Тем не менее далеко не все плоскости были обследованы, описаны и скопированы. Для того чтобы восполнить этот пробел, летом 2017 г. в ходе практики исторического факультета КГПУ им. В. П. Астафьева были проведены работы по копировке на микалентную бумагу и прозрачную пленку «ORACAL» как известных ранее петроглифов, так и обнаруженных впервые. Результаты работ уже нашли свое отражение в ряде публикаций, где были представлены материалы исследований изображений первого (верхнего) яруса писаницы [Ермаков, 2017] и частично второго яруса [Ермаков, Заика, Халтаева, 2018]. В настоящей статье дается характеристика основного пласта наскальных рисунков, выявленных на втором ярусе писаницы «Березовая».

Всего на этом ярусе обнаружено 29 плоскостей протяженностью 550 м, расположенных на высоте 96–178 м от уреза воды р. Шушь. Изображения выполнены в технике выбивки, гравировки, реже – протира. Экспонированы петроглифы на юг, восток, юго-восток и юго-запад. Представлены изображения зоо- и антропоморфных фигур, знаков. Нумерация плоскостей ведется с запада на восток.

Плоскость 5. Расположена в 0,3 м от подножия склона. Размеры 0,5×0,5 м. Обращена на юго-восток. На ней изображен горизонтальный ряд антропоморфных выбитых силуэтных фигур (хоровод?). Показаны головы, прямые туловища, широко расставленные в стороны руки и ноги. Крайняя правая фигура выполнена несколько небрежней остальных.

Плоскость 6. Расположена в 0,2 м от подножия склона. Размеры 0,2×0,2 м. Обращена на юго-восток. В центре нее находится силуэтная выбитая фигура лучника, повернутая вправо. Голова показана в профиль с «косичкой» в виде наклонной линии, туловище прямоугольной формы, ступни обращены вправо. Вытянутая рука держит лук, показанный слегка изогнутой линией, вторая рука согнута, натягивает необозначенную тетиву.

Плоскость 7. Расположена в 0,3 м от подножия склона. Размеры 0,4×0,2 м. Обращена на юго-восток. В центре нее представлена горизонтальная руническая надпись, выполненная тонкими гравированными линиями.

Плоскость 8 (рис. 1, 1). Расположена в 0,7 м от подножия склона. Размеры 1×0,5 м. Обращена на юго-восток. На ней представлено множество изображений животных, выполненных гравированными линиями, и две антропоморфные фигуры. Все изображения животных обращены вправо. Плоскость разбита трещинами на три участка. Первый – левый – участок покрыт многочисленными линиями. В верхней его части изображены передние ноги копытного животного, одна нога динамично вынесена вперед,

Рис. 1. Петроглифы таштыкской культуры на писанице «Березовая»:
цифрами обозначены плоскости: 1 – 8; 2 – 15А

другая согнута в колене и отнесена назад. В центральной части прослеживается изображение другого копытного животного. Представлены линия спины, живота, длинная шея, голова и уши.

Второй участок в правой верхней части плоскости представлен двумя реалистичными изображениями «идущих» лосей. У левой фигуры показаны два уха, у – правой два рога. Лоси «перечеркнуты» другими линиями.

Третий участок расположен в правой нижней части плоскости. Выявлены две антропоморфные фигуры, показанные в фас. Левая выполнена гравированными линиями. Головная часть изображена полукругом и «вдавлена» в тело (отсутствует шея). Руки

дугообразные, расставлены в стороны. Туловище подпрямоугольной формы с обозначенной талией. Нижняя часть фигуры либо моделирует полы «кафтана», либо утрированные нижние конечности. Правая антропоморфная фигура выполнена силуэтно точечной выбивкой. Представлено туловище подпрямоугольной формы и расставленные в стороны руки. Голова и нижние конечности отсутствуют.

Плоскость 11. Расположена в 0,8 м от подножия склона. Размеры 0,4×1 м. Обращена на северо-восток. В ее верхней центральной части выбито контурное изображение животного, обращенное вправо. Туловище у него каплеобразной формы, сужается и заканчивается длинной горизонтально вытянутой мордой. На спине на месте шеи – разрыв линии, над ним отдельно показаны два уха. Вертикально опущенные вниз ноги смоделированы двумя парами тонких линий. Задние ноги короче передних, возможно, присутствует всего одна задняя нога, а вторая линия моделирует хвост. Под изображением животного представлена хаотичная точечная выбивка.

Плоскость 12. Расположена в 0,9 м от подножия склона. Размеры 0,2×0,1 м. Обращена на восток. Выявлена горизонтальная выбитая линия.

Плоскость 13. Расположена в 1,8 м от подножия склона. Размеры 0,4×0,2 м. Обращена на юго-восток. Плоскость разделена на два участка горизонтальной трещиной. В верхней части представлен фрагмент изображения животного, обращенного вправо и выполненного выбивкой. Голова с короткими ушками массивная, подтреугольной формы, посажена на мощную шею, поднятую вверх. Голова и шея выполнены силуэтно. Туловище короткое, трапецевидной формы, состоит из отдельных ударов, формирующих своеобразный узор. Конечности не обозначены.

Плоскость 13/14. Расположена в 0,9 м от подножия склона. Размеры 0,1×0,1 м. Обращена на юго-восток. Выявлена выбитая дугообразная фигура.

Плоскость 14. Расположена в 1,1 м от подножия склона. Размеры 0,4×0,2 м. Обращена на восток. На плоскости расположено контурное изображение копытного животного (олень?), обращенное направо. Все линии фигуры переданы редкими неглубокими точечными ударами. Туловище подпрямоугольной формы, узкое, задняя часть его немного приподнята. Голова трудно определимых очертаний, посажена на длинную, поднятую вверх шею. На голове показаны ветвистые рога. Пары линий передних и задних ног опущены вниз и вынесены вперед (поза внезапной остановки). Небольшой линией показан хвост, поднятый вверх.

Плоскость 14/15. Расположена в 1 м от подножия склона. Размеры 0,1×0,1 м. Обращена на юго-восток. Выявлена выбитая фигура неясной формы.

Плоскость 15А (рис. 1, 2). Расположена в 0,8 м от подножия склона. Размеры 1×0,5 м. Обращена на юго-восток. На плоскости представлены антропоморфные фигуры шаманов и лучников (возможно, фрагмент более крупной батальной сцены) и изображения копытных животных, выполненных выбивкой. Антропоморфные фигуры решены с сочетанием ракурсов: туловище – в фас, ноги – в профиль, ступни, как правило, обращены вправо.

Плоскость посередине разделена на две части вертикальной трещиной. В верхней части левой половины выявлено линейное изображение лося (?), обращенное влево. Голова с немного изогнутой мордой и двумя ветвящимися рогами посажена на шею, поднятую вверх. Туловище, передние и задние ноги показаны одной линией. Передние ноги вынесены вперед, задние – назад.

Под изображением лося – антропоморфные фигуры лучника и шамана, выполненные силуэтно. Лучник обращен вправо (поворот ступней, положение лука). У него показаны округлая голова на короткой шее, широкие плечи, узкая талия и широкие полы «кафтана» с коротким фаллическим отростком. Одна рука вынесена вперед, держит лук, другая, согнутая в локте, поднята вверх, показана натягивающей тетиву. Дуга лука сильно изогнута, ее пересекает линия стрелы с фигурным наконечником. Ноги вертикально опущены вниз.

Правее лучника находится силуэтная фигура шамана. У него голова с боковым отростком не имеет шеи. Прямое туловище, облачено в широкое длинное одеяние подпрямоугольной формы. Руки разведены в стороны, согнуты в локтях, опущены вниз, имеют вид птицевидных крыльев. В правой руке шаман держит «колотушку» в форме креста, в левой – бубен, показанный с помощью сочетания точечных ударов, образующих сложный рисунок.

В правой части плоскости – фигуры шамана и лучника, в целом аналогичные тем, что находятся в левой части. Стоит отметить, что у лучника показан горизонтально расположенный колчан в районе пояса. У шамана же присутствуют оставшиеся невыбитыми точечные участки на теле, образующие вертикальные линии. Под фигурой шамана находится контурное изображение копытного животного с «перекрученным» туловищем, обращенное в правую сторону.

Плоскость 15Б. Расположена на высоте 0,8 м от подножия, ниже и правее плоскости 15А. Размеры 0,2×0,2 м. Обращена на юго-восток. Представлено силуэтное выбитое изображение неясной формы, скорее всего животного, обращенного в правую сторону.

Плоскость 15В. Расположена в 0,35 м от подножия склона. Размеры 0,2×0,4 м. Обращена на юго-восток. Выявлено несколько гравированных линий неясной формы. В верхней части угадывается, возможно, профильный птицевидный контур.

Плоскость 16. Расположена в 0,9 м от подножия склона. Размеры 0,2×0,2 м. Обращена на юго-восток. Обнаружено выбитое линейное изображение животного, обращенного влево. Туловище располагается горизонтально, голова подтреугольной формы, посажена на поднятую вверх шею. На голове обозначено ухо, к которому позднее более грубой выбивкой была добавлена вертикальная линия (рог?). Задние и передние ноги показаны одинарными линиями, которые опущены вертикально вниз и слегка вынесены вперед. Изображены также небольшой хвост, поднятый вверх, и в нижней части туловища – фаллический отросток.

Плоскость 17. Расположена в 1 м от подножия склона. Размеры 0,2×0,2 м. Обращена на юго-восток. На ней представлен один выбитый контур животного (олень?), обращенного вправо. У животного сильно изогнутое (вывернутое?) туловище (задняя часть тела круто поднята вверх, параллельно шее). На длинной вертикальной шее приостренная голова опущена вниз. На голове показан вертикальный рог с четырьмя боковыми отростками. Конечности короткие. Линия задних ног согнута в колене, отнесена назад. Передние ноги вынесены вперед. Около изображения зафиксированы следы точечной выбивки.

Плоскость 18А. Расположена в 0,2 м от подножья склона. Размеры 0,2×0,2 м. Обращена на восток. На плоскости выбит всадник, обращенный вправо. Лошадь изображена линейно – с крупной подтреугольной головой, расположенной на одном уровне с горизонтальной линией туловища. Передние ноги показаны двумя линиями, опущенными вертикально вниз. Задние ноги представлены одной линией, опущенной вниз и слегка отнесенной назад. Линию туловища продолжает небольшая горизонтальная дуга хвоста с кольцом на конце. Тело всадника «вырастает» из туловища лошади. Тело антропоморфа передано небольшой линией, слегка отведенной назад. На короткую шею, наклоненную вперед, посажена небольшая округлая голова с длинным вертикальным головным убором. Руки раскинуты в стороны и опущены на шею и круп лошади.

Плоскость 18Б/1. Расположена в 1,2 м от подножия склона. Размеры 0,4×0,4 м. Обращена на восток. На ней выявлены одиночные гравированные линии.

Плоскости 18Б/2 и 18Б/3. Расположены в 0,8 м от подножия склона. Размеры 0,6×0,6 м. Обращены на восток. Разделены крупной вертикальной трещиной. Изображены гравированные фигуры животных, обращенные вправо. В левой части (плоскость 18Б/2) представлено одно животное. Показана небольшая голова с ушами, изогнутая шея, линия

спины и дугообразная грудь. В правой части (плоскость 18Б/2) среди многочисленных гравированных линий выявлено животное, в целом аналогичное изображению на плоскости 18Б/1. Ниже него обнаружены линии, которые могут быть прочитаны как задняя нога и круп копытного животного.

Плоскость 19. Расположена в 1 м от подножия склона. Размеры 0,3×0,3 м. Обращена на восток. Выявлен выбитый контур неопределенной формы. Возможно, представлен незаконченный рисунок копытного животного, показанного с «перекрученным» туловищем.

Плоскость 20. Расположена в 0,7 м от подножия склона. Размеры 0,4×0,4 м. Обращена на восток. На ней представлены два выбитых линейных изображения животных, обращенных в разные стороны. У левого точечной выбивкой показаны голова с ушами, задние и передние пары ног. Туловище выполнено изогнутой выбитой линией. Обращено влево. У правой фигуры представлены голова с открытым ртом, туловище и две пары ног. Туловище выше продублировано редкими точечными ударами, моделирующими спину (?). На голове показан рог, увенчанный пучком из пяти вертикальных отростков. Над фигурами животных выбивкой представлена горизонтальная изогнутая линия.

Плоскость 21. Расположена в 0,6 м от подножия склона. Размеры 0,3×0,3 м. Обращена на северо-восток. Показано силуэтное выбитое изображение быка, обращенного вправо и поврежденное трещиной. Сохранились лишь голова с ушами и начало спины с загривком. Под трещиной отмечены две выбитые линии, одна из которых, возможно, являлась передней ногой, а вторая – брюхом животного.

Плоскость 22 (рис. 2, 1). Расположена в 2 м от подножия склона. Размеры 0,6×0,2 м. Обращена на юг. Представлено контурное изображение копытного животного, обращенного вправо и выполненного точечной выбивкой. Показана длинная морда, слегка опущенная вниз, небольшие уши. Ноги переданы одинарными линиями и опущены вниз. Туловище мощное, с характерным для «минусинского» стиля «горбом».

Плоскость 22/23. Расположена в 0,2 м от подножия склона. Размеры 0,4×0,4 м. Обращена на восток. Выявлено несколько выбитых участков неясной формы и группы одиночных ударов.

Плоскость 24 (рис. 2, 2). Расположена в 1,6 м от подножия склона. Размеры 0,2×0,3 м. Обращена на восток. Сильно повреждена отслоениями горной породы. Тем не менее фрагментами сохранилось контурное выбитое изображение оленя, обращенное по диагонали вверх в левую сторону. Прослеживаются вытянутая морда, линии спины, передних ног и живота. На голове показаны ветвистые рога.

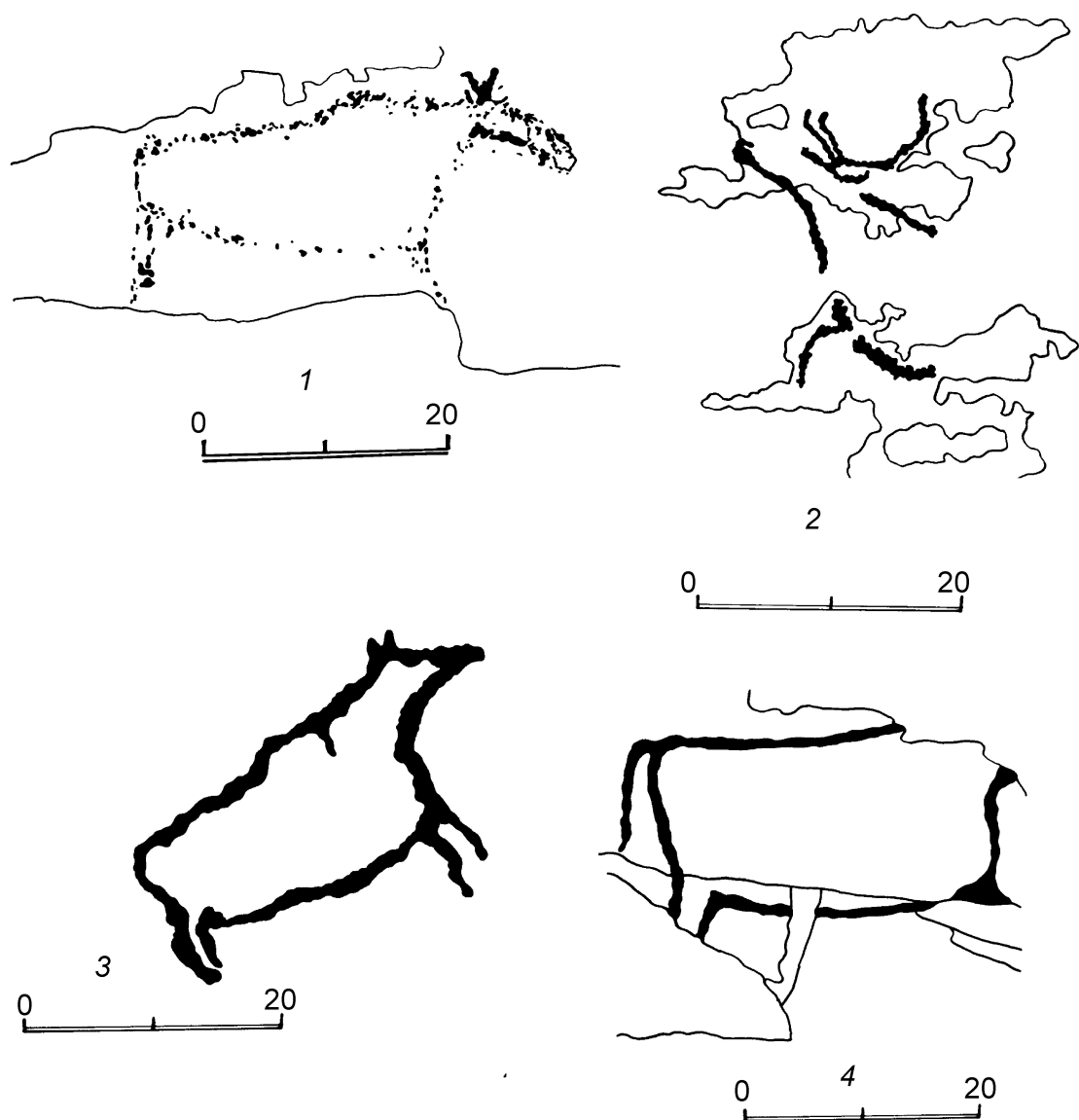

Рис. 2. Писаница «Березовая». Архаичные рисунки, выполненные в «минусинском» стиле: цифрами обозначены плоскости: 1 – 22; 2 – 24; 3 – 27; 4 – 29

Плоскость 25. Расположена в 0,7 м от подножия склона. Размеры 0,3×0,4 м. Обращена на северо-восток. Обнаружена выбитая антропоморфная фигура, показанная в фас. Голова округлой формы посажена на короткую шею. Туловище подтреугольной формы, заканчивается узкой длинной линией. Дугообразные руки и ноги расставлены в стороны и опущены вниз.

Плоскость 26. Расположена в 2 м от подножия склона. Размеры 0,5×0,5 м. Обращена на восток. Выявлено изображение копытного животного (марал?), выполненное протиром в скелетном стиле и обращенное влево.

Плоскость 27 (рис. 2, 3). Расположена в 2 м от подножия склона. Размеры 0,3×0,3 м. Обращена на восток. Находится правее плоскости 26. Представлено контурное выбитое изображение животного, направленное по диагонали вверх в правую сторону.

Показана морда подтреугольной формы с двумя короткими ушами. Массивное туловище с небольшой горбинкой. Пары коротких линий передних и задних ног вертикально опущены вниз.

Плоскость 28. Расположена на высоте 1 м от подножия склона. Размеры 0,6×0,6 м. Обращена на северо-восток. Выявлены многочисленные точечные удары, образующие неясные образы, вероятно, животных.

Плоскость 29 (рис. 2, 4). Расположена на высоте 0,15 м от подножия склона. Размеры 0,3×0,3 м. Обращена на восток. Сильно повреждена различными трещинами и отслоями скальной породы. Представлена задняя часть животного, выполненная контурной выбивкой. Фигура обращена вправо. Сохранились линия спины и живота, фрагмент задней ноги и длинный хвост, опущенный вниз.

Изображения на плоскостях второго яруса писаницы «Березовая» создавались в разное время. Часть из них может быть отнесена к тагарской и таштыкской культурам: антропоморфные рисунки с плоскостей 6, 15Б, 18А; копытные животные на плоскостях 14, 17. Особый интерес в этом ряду вызывают изображения «рукокрылых» антропоморфов, показанных с бубнами и крестовидными «колотушками», напоминающими стрелы с пышным оперением или фигурным наконечником (рис. 1, 2). Подобная фронтальная фигура шамана в широком и длинном одеянии известна в таштыкских гравировках на оз. Тус. В левой руке он также держит бубен, в правой – стрелу [Заика, Пахомова, Фокин, 2018]. Большинство других изображений относится к Средним векам: руническая надпись на плоскости 7, антропоморфы с плоскостей 5 и 8, животные на плоскостях 8, 11, 18Б, 20 и др. Интересно, что на писанице выявлено несколько весьма архаичных рисунков животных (плоскости 22, 24, 27, 29), выполненных в «минусинском» стиле, характерном для неолитических петроглифов Среднего Енисея (рис. 2). Последующее изучение петроглифов позволит более точно определить их культурно-хронологическую принадлежность. Предварительно можно сделать вывод, что писаница, вероятно, была местом культового творчества еще в неолите, затем потеряла свою ценность в эпоху бронзы, после чего вновь стала активно использоваться, начиная с периода раннего железного века.

Список источников

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И., Капелько В. Ф. Археологическая экспедиция КГУ в 1977 г. Хакасский (Красноярский) отряд. Материалы разведок. Гора Березовая // Архив МАЭС КемГУ. Д. 780б. – 10 л.

Список литературы

Ермаков Т. К. Новые петроглифы в окрестностях Шалаболинской писаницы // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII Рос. (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Сургут; Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. – С. 124–127.

Ермаков Т. К., Заика А. Л., Халтаева А. Ю. Гравировки писаницы Березовая // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – Вып. IX. – С. 117–126.

Заика А. Л., Дорохина А. А., Журавков С. П. Памятники наскального искусства на территории проектируемого музея-заповедника «Шалаболинская писаница» // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – Вып. VII. – С. 162–173.

Заика А. Л., Пахомова Т. А., Фокин С. М. Спасенные петроглифы писаницы Тус // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – Вып. IX. – С. 32–43.

Сазонова О. М. Р. В. Николаев – исследователь петроглифов // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): материалы XLIX региональной археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых (Кемерово, 31 марта – 3 апр. 2009 г.). – Кемерово: КемГУ, 2009. – С. 225–226.

T. K. Ermakov¹, A. L. Zaika²

¹*Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

²*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk*

IMAGES FROM SECOND TIER OF ROCK PAINTINGS «BEREZOVAYA» (GENERAL CHARACTERISTIC)

The article describes images from the planes of second tier of the rock paintings «Berezovaya», located in the Kuraginsky district of the Krasnoyarsk Krai on the right bank of the Shush river (a tributary of the river Tuba). In total, this tier has 29 planes with pictures, some of which were found for the first time. Among the petroglyphs are presented compositions of different times, with the participation of animals and anthropomorphic figures, made by the technique of embossing and engraving. There is one plane with a runic inscription. Most of the images were created in the Early Iron Age (Tagar and Tashtyk cultures), another significant part of the drawings can be attributed to the Middle Ages. Also found a number of archaic images relating to the «Minusinsk» style. Of particular interest are images of ornithomorphic shamans, which can be attributed to the Tashtyk culture. Probably, rock paintings was a place of cult creativity in the Neolithic, then lost its value in the Bronze Age, after which it was actively used again since the Early Iron Age.

Keywords: petroglyphs, Tagar culture, Tashtyk culture, Early Iron Age, Middle Age, «Minusinsk» style, shamans.

С. М. Фокин¹, Н. П. Макаров¹, М. С. Баташев¹, В. А. Данилейко²

¹Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск

²ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск

E-mail: smf.kkkm@mail.ru, mnp@kkkm.ru,

bms@kkkm.ru, danileikozima@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ 2018 г. В ОКРЕСТНОСТЯХ КРАСНОЯРСКА

В статье публикуются результаты археологических изысканий экспедиции КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей» по определению границ нижеследующих объектов археологии: стоянки Верхняя Базаиха, Минжуль, Боровое-1, -2, -3, Караульная и Усть-Собакино. В ходе проведенных исследований для всех перечисленных объектов впервые определены границы охранной зоны. Для стоянки Боровое-3, получены новые материалы раннего бронзового века, уточнившие ее датировку. Для остальных изученных памятников, как и в работах предшественников, выявлены культурные горизонты голоценового времени от неолита до Средневековья. В статье дана краткая история изучения всех перечисленных стоянок. Отмечены препятствия, возникшие в ходе выполнения работ по определению границ памятников на территории частного землевладения.

Ключевые слова: Красноярский край, Енисей, Базаиха, неолит, бронзовый век, железный век, Средневековье.

Летом 2018 г. археологической экспедицией Красноярского краевого краеведческого музея (далее КККМ) под руководством С. М. Фокина проводились разведочные работы по определению границ известных объектов археологии в рамках государственного контракта, заключенного между КГКУ «Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края» и ООО «Красноярская Геоархеология» на выполнение работ по сбору сведений и документов, проведению историко-архивных изысканий, фотофиксации объектов, описанию местоположения объектов, составлению учетных карт, определению и описанию предмета охраны объектов, установлению и описанию границ территории объектов археологического наследия, расположенных в Ачинском, Березовском, Емельяновском, Ермаковском, Идринском, Иланском, Канском, Назаровском районах и г. Дивногорске Красноярского края. Исследования АЭ КККМ производились в Березовском районе на стоянке Верхняя Базаиха, в Емельяновском районе на стоянках Минжуль, Боровое-1, -2, -3 и Караульная, в черте г. Красноярска на стоянке Усть-Собакино (рис. 1). Результатам этих работ и посвящена наша статья. Учитывая размах грабительских раскопок, в публикации не будет приводиться картографический материал с определенными границами объектов.

Рис. 1. Карта окрестностей Красноярска с указанием исследованных стоянок

Стоит отметить, что проведение указанных исследований было существенно ограничено двумя факторами: наличием частных земельных участков и недостатком финансовых средств. В полной мере удалось произвести изыскания только на стоянке Верхняя Базаиха. Минимальный результат был получен на стоянке Караульная, так как фактически весь объект занят частными дачными участками. Не менее сложно проводились работы в п. Удачный на стоянке Усть-Собакино. Авторы публикации по этому поводу выражают крайнюю неудовлетворенность к заказчику работ – Центру по сохранению культурного наследия Красноярского края, которые не приложили никаких усилий для того, чтобы получить доступ от владельцев частных участков для осуществления на них раскопочных работ. Такое самоустранение административной структуры наносит вред самим краевым и городским властям, так как нам приходилось определять границы в таких рамках, когда значительные участки частных территорий оказались включены в охранные границы памятников.

Стоянка Верхняя Базаиха расположена в одноименном поселке на мысовидном выступе 8-метровой надпойменной террасы правого берега р. Базаиха, образованном впадением в р. Базаиху руч. Баджейка. Максимальные размеры этой площадки вместе со склонами составляют 140 м с северо-запада – на юго-восток и 130 м с юго-запада – на северо-восток. С южной стороны на склонах террасы имеются выходы скальной породы. Сама поверхность мыса, где остались основания фундаментов от построек советского времени, имеет естественное повышение в глубине берега. На абсолютной высотной отметке в 420 м, что выше по отношению к краю террасы на 4 м, мысовидный выступ сливается с остальной террасой. На территории стоянки проложены две грунтовые дороги. В юго-западной части ближе к мысу уже в российское время поставлен памятник павшим односельчанам в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.

Стоянка открыта в 1974 г. геологом Томского университета К. В. Равкиным. В 1979 г. на объекте собирал коллекцию подъемного материала В. И. Привалихин. Археологический материал представлен каменными артефактами, включающими нуклеусы,

призматические пластинки и отщепы. Сделана зачистка борта террасы (к 2018 г. не сохранилась) и заложен раскоп, в котором археологический материал не зафиксирован. Результаты этих работ отражены в археологическом отчете Н. П. Макарова за 1980 г.¹. Памятник был предварительно датирован эпохой неолита.

В 1985 г. отрядом по паспортизации памятников Комплексной археологической экспедиции Красноярского государственного педагогического института (далее ОПП КАЭ КГПИ) на объекте была произведена фотофиксация и топосъемка*.

В 2013 г. сотрудниками ООО «Красноярская Геоархеология» было выполнено сопоставление паспортных данных с расположением объекта на местности. Определено современное состояние памятника и основные визуально фиксируемые характеристики. Сразу отметим, что и на остальных описанных объектах этой же организацией в 2013 г. были произведены аналогичные изыскания.

В ходе работ 2018 г. выполнено восемь археологических вскрытий, включающих одну зачистку шириной 2 м и семь шурфов размерами 2×1 м. В одном месте зафиксирован подъемный материал (здесь же заложен шурф 4). Кроме того, в двух шурфах (3 и 5) обнаружен культурный слой и приуроченные к нему артефакты. В целом стратиграфическая ситуация в археологических вскрытиях однородна и представлена следующим образом:

I. Почвенно-гумусовый сильно уплотненный слой от темно-серого до черного цвета с постепенным переходом к нижележащему слою. Мощность 0,08–0,15 м.

II. Слой темно-бурого (серо-коричневого) мелкозернистого плотного суглинка с включением отдельных камней. Мощность 0,07–0,10 м.

III. Слой бурого (светло-коричневого) плотного крупнозернистого суглинка с включением мелких камней скальной породы, содержащий материалы I культурного слоя. Мощность 0,10–0,15 м.

IV. Слой бурой (коричневой) плотной глины с выходами скальной цокольной породы. Видимая мощность до 0,20 м.

Подъемный материал представлен каменной призматической пластинкой. В шурфе 3 обнаружены каменные отщепы и призматические пластинки, а также фрагменты расщепившегося зуба дикой лошади (*E. ferus*)**. В шурфе 5 зафиксирован каменный отщеп. При отсутствии керамического материала и металлических изделий стоянку предварительно можно датировать в широких рамках неолитической эпохи.

¹ Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции музея 1980 г. Красноярск, 1981 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 106. Л. 33–35.

* Здесь и далее, когда указывается, что ранее производилась топосъемка, подразумевается, что по факту осуществлялась ситуационная глазомерная съемка.

** Все остеологические определения сделаны н. с. ИЗК СО РАН канд. геогр. наук А. М. Клементьевым, за что авторы выражают ему благодарность.

Несмотря на активное хозяйственное использование объекта и малочисленность обнаруженного археологического материала, выявлен сохранившийся культурный слой. Исследованный памятник относится к категории кратковременных стоянок. В близлежащей округе вдоль р. Базаихи периодически встречаются подобные мысовидные выступы береговых террас, которые, вероятно, также использовались древним человеком в качестве мест пребывания. Обследование этих участков на предмет наличия археологического материала – задача дальнейших исследований в этом микрорайоне.

Стоянка Минжуй находится на надпойменной террасе левого берега р. Енисей напротив дачного поселка Минжуй, частично захватывая огороженную территорию одноименного садового общества. Объект удален от г. Дивногорска на 1,7 км на северо-восток и от п. Усть-Мана – на 3 км на северо-запад. Обследованная территория охватывает участок террасы, ограниченный с запада р. Минжуй, с юга р. Енисей и с востока логом. Ее размеры, включая склон и подошву террасы, составляют 215 м с северо-запада – на юго-восток и 70 м с юго-запада – на северо-восток. На момент проведения обследования площадь объекта частично входит в закрытую, огороженную забором территорию.

Стоянка открыта учителем школы № 17 г. Красноярска В. П. Симаковым в начале 1950-х гг. В 1955 г. директором КККМ З. К. Глусской и сотрудником АЭ ИИМК АН СССР А. А. Гавриловой на объекте проводились шурфовочные работы. Полученный археологический материал – каменные наконечники стрел, скребки, фрагменты керамики – позволил датировать стоянку неолитическим временем². Сразу отметим, что во время наших исследований на верхней террасе на участке между шурфами 2 и 3 была зафиксирована квадратная задернованная яма размерами 2×1 м, которая, возможно, и является следом шурфа 1955 г.

В 1964 г. сборы подъемного материала на стоянке проводил сотрудник КККМ Н. В. Нащокин³. В последующие годы сборы подъемного материала на памятнике производил краевед К. В. Зырянов.

В 1978–1979 гг. Енисейским отрядом Северо-Ангарской АЭ КГПИ под руководством В. А. Погудина в устье р. Минжуй по обоим берегам в осыпи песчаного обрыва были собраны наконечники стрел, топор, отжимник и фрагменты керамики раннего железного века [Погудин, Дроздов, 1980, с. 225–226].

В 1980 г. памятник был обследован АЭ КККМ под руководством Н. П. Макарова. Подъемный археологический материал был обнаружен на склоне террасы на протяжении 130–150 м вниз по течению р. Енисей от места впадения р. Минжуй, а также в зачистке,

² Годовой отчет о работе краевого музея за 1955 г. и план работы на 1956 г. // НА КККМ. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–4.

³ Нащокин Н.В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 года. Красноярск, 1965 г. // НА КККМ. Оп. 5. Д. 96. Л. 4.

представлен призматическими пластинками, отщепами, наконечником стрелы, фрагментами гладкостенной керамики⁴.

В 1985 г. ОПП КАЭ КГПИ под руководством В. П. Леонтьева были проведены топосъемка и фотофиксация объекта, определено его состояние и произведен сбор подъемного материала. Памятник был предварительно датирован серединой IV тыс. до н. э. – I тыс. н. э.⁵.

В 1988 г. на стоянке отрядом КККМ и Краевого Дворца пионеров и школьников под руководством П. В. Мандрыки были впервые проведены стационарные работы. Раскоп размерами 5×4 м был разбит на левобережном приустьевом участке р. Минжуль возле кромки мысового выступа террасы. Работы показали, что памятник многослойный. Археологический материал I культурного слоя (два сосуда закрытой формы, железные шлаки, четырехгранный наконечник стрелы) был датирован эпохой Средневековья (X–XI вв. н. э.). Анализ керамической посуды дал основание отнести II культурный горизонт к железному веку (не ранее V в. н. э.). Каменный инвентарь и керамика III культурного горизонта были датированы эпохой неолита⁶.

В 1989 г. был заложен еще один раскоп через спускающуюся к р. Енисей дорогу. По итогам исследований выделен IV культурный слой, который датируется переходным периодом мезолита – неолита [Мандрыка, 1998, с. 649].

В ходе работ 2018 г. выполнено пять археологических вскрытий, включающих две зачистки шириной 2 м и три шурфа размерами 2×1 м. Работы производились на верхней коренной террасе р. Енисей выше раскопа, заложенного ранее П. В. Мандрыкой. Шурфы поставлены по периметру частной территории. Зачистки размещены восточнее на западном краю лога. В шурфе 3 зафиксированы два культурных слоя и приуроченный к ним археологический материал.

В целом залегание слоев однородно. Исключение составляет участок, прилегающий к краю террасы, где слой бурой супеси имеет большую мощность, чем в глубине террасы и в местах закладки зачисток. Кроме того, для раскопов 1988 и 1990 гг., расположенных значительно ниже мест исследований 2018 г., характерна иная стратиграфия, вызванная периодическим подтоплением террасы и намывом гумусированных, затем погребаемых прослоек грунта.

⁴ Макаров Н.П. Отчет об археологической экспедиции музея 1980 г. Красноярск, 1981 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 106. Л. 3–4.

⁵ Леонтьев В. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Березовском, Емельяновском, Большемуртинском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1985 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 11067. Л. 3–4.

⁶ Мандрыка П. В. Отчет о полевых исследованиях разведочного отряда археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1988 году. Красноярск, 1989 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 170. Л. 42–50.

Стратиграфическая ситуация дана по шурфу 3, в котором выявлен археологический материал:

I. Почвенно-гумусовый слой от темно-серого до черного цвета, нижняя граница резкая, отчетливо читающаяся. Мощность 0,10–0,20 м.

II. Погребенный слой мешаной серой супеси. Мощность 0,10–0,15 м.

III. Погребенный слой гумуса мощностью 0,10 м.

IV. Слой бурой (коричневой) мелкозернистой супеси с включением корней деревьев. Мощность 0,35–0,40 м. В подошве слоя на глубине 70–75 см зафиксирован археологический материал I культурного слоя.

V. Слой бурой (темно-коричневой) супеси мощностью 0,10 м, содержащий археологические находки II культурного слоя.

VI. Слой серой мелкозернистой слегка увлажненной карбонатизированной супеси с включением корней деревьев. Видимая мощность до 0,30 м.

В I культурном слое обнаружены массивная галька с затертостями на гранях, отщеп и небольшой обломок обработанной трубчатой кости, орнаментированной тремя поперечными полосами. Во II культурном слое встречены неопределимые фрагменты трубчатых костей копытных животных.

Результаты проведенных работ показали наличие археологического материала вдоль края енисейской террасы. С учетом раскопок П. В. Мандрыки стоянку можно датировать в широких рамках VIII–VII тыс. до н. э. – первой половиной II тыс. н. э.

Стоянка Боровое-I расположена в 15 км западнее г. Красноярска и в 1,5 км северо-западнее п. Усть-Мана, на поверхности 8–12-метровой надпойменной террасы левого берега р. Енисей (148–154 м по абсолютным отметкам).

Обследуемый памятник, несмотря на определение «стоянка», на самом деле является комплексом археологических разнотипных объектов, включающих в себя стоянки, жилища и погребения, выполненные по обряду трупосожжения на стороне. Протяженность определенных границ вдоль р. Енисей в направлении северо-запад – юго-восток превышает 700 м. Непрерывность культурных слоев объекта доказывается не только наличием археологического материала в заложенных шурфах и зачистках предыдущих лет исследований, но и подъемными сборами, фиксируемыми в осыпях и обнажениях борта береговой террасы. В 2018 г. отмечено шесть таких пунктов.

На момент проведения обследования с восточной стороны территория объекта частично занята дачным поселком. Через площадь памятника протекает местами разветвляющаяся проселочная дорога, здесь часто останавливаются отдыхать туристы, а у западной оконечности стоянки организовываются ролевые игры с массовым участием людей.

В 1980 г. АЭ КККМ под руководством Н. П. Макарова были обнаружены находки в осыпях террасы, а в заложенном шурфе размерами 2×3 м выявлено раннесредневековое захоронение⁷.

В 1981 г. к восточной части шурфа был прирезан раскоп размерами 7×3 м. Кроме того, были заложены два шурфа. В 1982 г. последовал еще один раскоп размерами 7×4 м. В 1984 г. поставлен следующий размерами 6×5 м. Всего в ходе работ найдено более тысячи артефактов, подавляющая часть которых представлена отщепами и призматическими пластинами. Среди выразительных материалов, кроме сопроводительного инвентаря погребения [Мандрыка, Макаров, 1994, с. 68–77], обнаружены тесла, скребки, нуклеусы, наконечники стрел и фрагменты керамики. Культурные горизонты стоянки были датированы от финального неолита – энеолита до I тыс. н. э. [Макаров, 1983б, с. 211–212]^{8, 9, 10}.

В 1985 г. исследования на объекте были осуществлены ОПП КАЭ КГПИ под руководством В. П. Леонтьева. В прирезке размерами 1×2 м к раскопу Н. П. Макарова было выявлено и раскопано еще одно раннесредневековое захоронение.

В 1988 г. на объекте вновь проводились исследования силами отряда КККМ под руководством Н. П. Макарова. Был заложен раскоп размерами 31×3 м, включивший в себя шурф 1985 г.¹¹ По результатам работ и анализу материала I культурный горизонт стоянки был датирован эпохой Средневековья, II горизонт – IV–VI вв. н. э., III – эпохой неолита и ранней бронзы.

В 2005 г. сотрудником КККМ С. М. Фокиным были продолжены раскопки на стоянке. Вскрытием площадью в 45 м² исследован участок, на котором выявлено третье по счету погребение, выполненное по обряду трупосожжения на стороне. В раскопе также обнаружены находки, приуроченные ко II культурному горизонту¹² [Фокин, 2006б].

В 2018 г. на объекте произведено 16 археологических вскрытий, включающих 4 зачистки шириной 2 м и 12 шурфов размерами 2×1 м. Обследовалась территория за пределами работ предыдущих лет исследований и мест сбора подъемного материала. Зачистки

⁷ Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции музея 1980 г. Красноярск, 1981 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 106. Л. 4–11; Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Большемурутинском и Богучанском районах в 1982 году. Красноярск, 1983а // НА КККМ. Оп. 05. Д. 139.

⁸ Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском и Туруханском районах Красноярского края в 1981 г. Красноярск, 1982 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 138. Л. 28–33.

⁹ Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Большемурутинском и Богучанском районах в 1982 году. Красноярск, 1983а // НА КККМ. Оп. 05. Д. 139. Л. 2–33.

¹⁰ Макаров Н. П. Отчет Макарова Н. П. старшего научного сотрудника Красноярского краевого краеведческого музея по археологическим разведкам и раскопкам 1984 г. в Емельяновском, Казачинском и Богучанском районах Красноярского края. Красноярск, 1984б // НА КККМ. Оп. 05. Д. 141. Л. 30–31.

¹¹ Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Сухобузимском, Большемурутинском и Казачинском районах на стоянке Караульный Бык, пещера Еленева, стоянках Усть-Шилка, Боровое и Пискуновский камень в 1988 году. 1989 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 162. Л. 22–30.

¹² Фокин С. М. Отчет об археологических исследованиях в Емельяновском и Енисейском районах Красноярского края в 2005 г. Красноярск, 2006а // НА КККМ. Оп. 01. Д. 2679. Л. 20–33.

закладывались на краю борта террасы, а шурфы – в глубине террасы с целью определить северную границу памятника. Археологический материал выявлен в трех зачистках (1, 2, 10) и четырех шурфах (3, 5, 9, 11). Кроме того, зафиксировано два задернованных котлована квадратной формы размерами 3×3 м. Одна западина с хорошо читающимся подпрямоугольным входом обнаружена в глубине террасы ближе к северо-западной границе памятника. Вторая наблюдается у борта террасы возле юго-восточного края памятника вблизи дачных домов. Мы предполагаем, что зафиксированные объекты являются следами древних жилищ.

Стратиграфическая ситуация стандартная и дается с учетом предыдущих лет исследования:

I. Почвенно-гумусовый слой от темно-серого до черного цвета, включающий (по результатам исследований предыдущих лет) археологический материал I культурного горизонта. Мощность 0,12–0,15 м.

II. Слой серо-бурой (серо-коричневой) супеси, являющийся переходным от дернового слоя к нижележащему горизонту бурой супеси. Включает развитую корневую систему. Мощность 0,15–0,20 м.

III. Слой бурой (коричневой) супеси с включением развитой корневой системы содержит археологический материал II культурного горизонта. Нижняя граница плавная размытая. Мощность 0,10–0,15 м.

IV. Слой светло-бурой (светло-коричневой) супеси, содержащей археологический материал III культурного горизонта. Мощность 0,15–0,20 м.

V. Слой темно-бурой (темно-коричневой) рыхлой супеси, фиксируется в виде линзовидных включений. Мощность до 0,15 м.

VI. Слой светло-бурой (желтой) супеси. Мощность 0,10–0,20 м.

VII. Слой серого мелкозернистого песка. Мощность 0,35–0,40 м.

VIII. Слой серого мелкозернистого плотного слоистого песка с включением карбоната. Мощность 0,30–0,35 м.

IX. Слой рыхлых серых и темно-серых слоистых песков, представляющий собой речные отложения, материк. Видимая мощность до 0,30 м.

Археологический материал, за исключением обломка ребра лошади из зачистки 1, приуроченного к I культурному слою, выявлен во II и III культурных слоях. Он представлен каменными изделиями, среди которых преобладают отщепы и сколы. Среди орудий встречены призматические пластинки, заготовка орудия, выполненная из песчанистой породы (зачистка 2, II культурный горизонт) (рис. 2, 11), резец на отщепе и скребок (оба обнаружены в осыпях террасы).

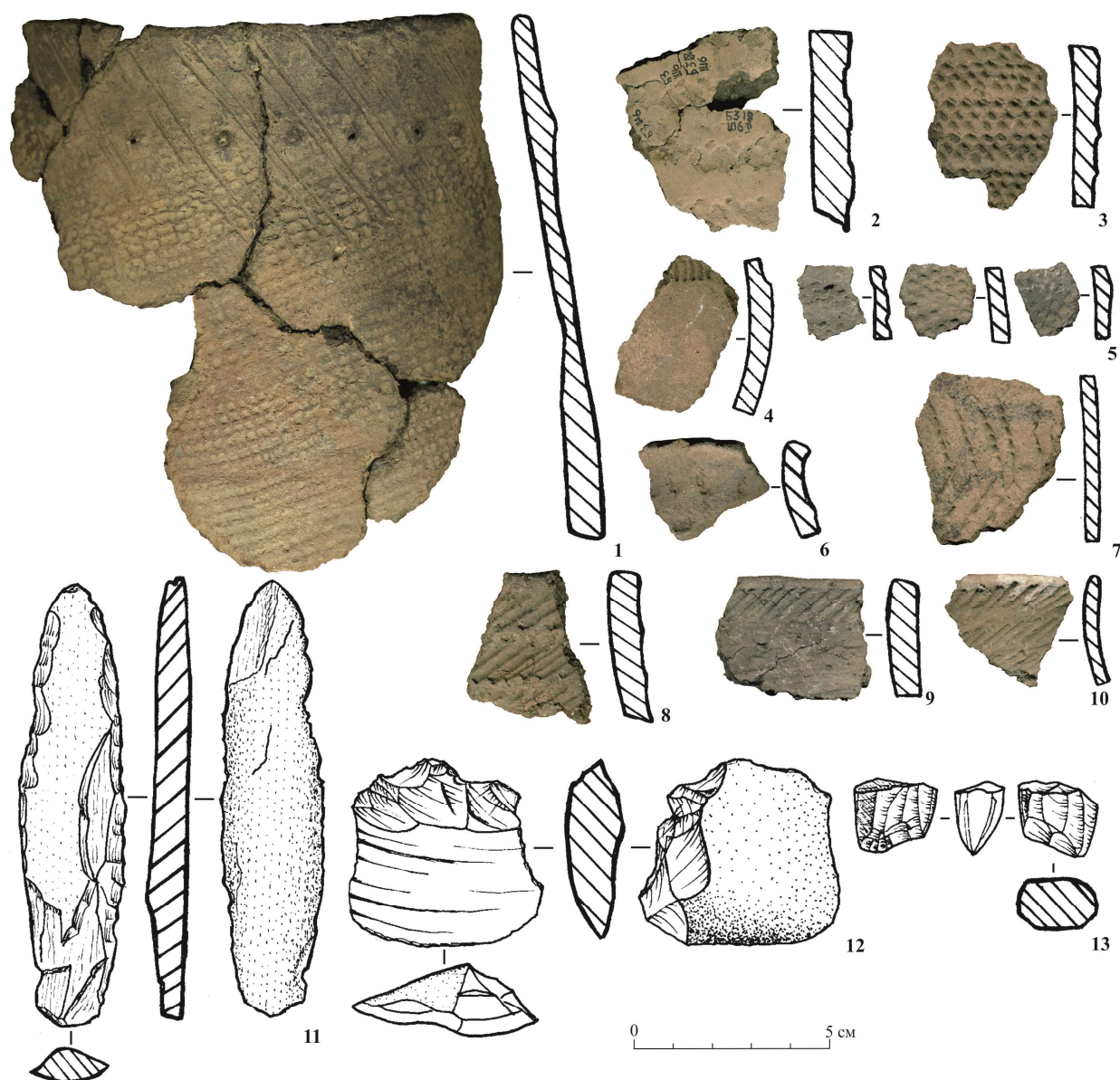

Рис. 2. Археологический материал, выявленный во время разведочных работ:
 1–4, 6–7, 12–13 – стоянка Боровое-3; 5, 8–10 – стоянка Усть-Собакино; 1–10 – керамика;
 11 – стоянка Боровое-1; 11–13 – камень

Датировку объекта определяем по результатам работ 2018 г. с учетом предыдущих исследований: I культурный горизонт – I тыс. н. э., II культурный горизонт – III–I тыс. до н. э., III культурный горизонт – IV–III тыс. до н. э.

Стоянка Боровое-2 расположена в 13 км западнее г. Красноярск в 0,9 км северо-западнее п. Усть-Мана на 7–9-метровой надпойменной террасе левого берега р. Енисей (147–149 м по абсолютным отметкам). Охватывает западную часть дачного поселка «Боровое» и незастроенный участок, доходящий до соседнего садового товарищества. Объект ограничен с западной стороны территорией дачного поселка, с северной – склонами прилегающих возвышенностей, с южной – поймой реки. С восточной стороны граница определена условно по результатам археологического вскрытия. Максимальная протяженность

стоянки в направлении юго-запад – северо-восток – 840 м, ширина с северо-запада – на юго-восток – 40–50 м. Незастроенная часть стоянки покрыта сосновым лесом. Через площадь памятника проходит проселочная дорога и линия электропередачи.

Впервые археологический материал обнаружен в 1964 г. отрядом КККМ под руководством Н. В. Нащокина. Местонахождение было обозначено как «Дачи Совнархоза»¹³. В 1970-е гг. подъемные сборы осуществлялись краеведами К. В. Зыряновым и К. Л. Горчаковским.

Первые стационарные работы проведены в 1982 г. АЭ КККМ под руководством Н. П. Макарова. Был заложен раскоп площадью 11 м². В нем выявлено безинвентарное погребение и другие находки, относящиеся к раннему бронзовому веку¹⁴. В 1984 г. исследования экспедиции продолжены и поставлено вскрытие размерами 10×6 м и прирезка площадью 4 м², примыкающая к западной стороне раскопа 1982 г.¹⁵.

В 1985 г. работы на стоянке осуществлялись ОПП КАЭ КГПИ под руководством В. П. Леонтьева. Произведены фотофиксация, сверка топоплана и сбор подъемного материала, представленного изделиями из камня¹⁶.

В последующие годы исследования объекта проводились только экспедицией КККМ. Раскоп 1989 г. размерами 26×4 м заложен в 180 м выше по течению р. Енисей от раскопов 1982–1984 гг. Выявлено шесть культурных горизонтов. По находкам железного ножа, бронзовых колец и керамики I культурный горизонт датирован железным веком. Культурные горизонты II, III и IV были предварительно датированы эпохой ранней бронзы, на что указывает наличие в них плоскодонных и круглодонных сосудов и фрагментов керамики с оттисками шагающего вогнутого штампа. Малочисленность и невыразительность археологического материала V и VI культурных горизонтов затруднили их датировку. Предварительно, учитывая стратиграфию и хронологию вышележащих слоев, материал V и VI горизонтов отнесен к эпохе неолита¹⁷.

¹³ Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 года. Красноярск, 1965 г. // НА КККМ. Оп. 5. Д. 96. Л. 3.

¹⁴ Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском и Туруханском районах Красноярского края в 1981 г. Красноярск, 1982 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 138. Л. 34–44.

¹⁵ Макаров Н. П. Отчет Макарова Н. П. старшего научного сотрудника Красноярского краевого краеведческого музея по археологическим разведкам и раскопкам 1984 г. в Емельяновском, Казачинском и Богучанском районах Красноярского края. Красноярск, 1984 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 141. Л. 32–36.

¹⁶ Леонтьев В. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Берёзовском, Емельяновском, Большемурутинском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1985 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 11067. Л. 5–6.

¹⁷ Макаров Н. П. Отчет об археологических раскопках и разведках экспедиции 1989 г. Красноярского краевого музея в Емельяновском, Сухобузимском, Березовском и Казачинском районах Красноярского края. Красноярск, 1990 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 163. Л. 20–28.

В 1990 г. вскрытием размерами 21×5 м продолжены работы предшествующего сезона¹⁸. В 1991 г. стационарные раскопки были завершены на площади 66 м². Результаты исследований позволили несколько скорректировать предварительную датировку памятника. Так, I культурный горизонт по найденным в нем железным подкове и плоскому наконечнику стрелы отнесен к эпохе Средневековья. II и III горизонты – к железнному и раннему железнному веку. Находки IV и V горизонтов датированы эпохой бронзы (конец III – первая половина II тыс. до н. э.). Подстилающий горизонт VI отнесен к финальному неолиту¹⁹.

В 2018 г. на объекте произведено восемь археологических вскрытий, включавших три зачистки шириной 2 м, и пять шурфов размерами 2×1 м. К сожалению, из-за сложностей с доступом на частные территории полномасштабного исследования стоянки не произведено. Основные работы сосредоточились в ее западной половине на участке между дачными поселками. На территории поселка «Боровое» восточнее пристани для теплохода «Заря» удалось произвести только две зачистки борта террасы. Еще два шурфа заложены севернее границ садового общества. Из этих вскрытий только в зачистке 2 в одном из погребенных гумусированных слоев зафиксировано скопление мелких кальцированных костей. В западной части, где сохранились раскопы 1980 гг., работы велись на древнем коренном прирусловом вале, а также вдоль дачного поселка. Возле последнего в зачистке 7 борта террасы на глубине 70 см от дневной поверхности в слое погребенной гумусированной почвы выявлен фрагмент стенки керамического сосуда с затертыми следами выколотки рубчатой колотушки.

В итоге, с учетом всех лет исследования и результатов полевого сезона 2018 г., выявлено, что культуросодержащие горизонты фиксируются только в прибрежной полосе террасы шириной до 50 м.

Стоянка Боровое-3 расположена в 15 км западнее г. Красноярска и в 0,8 км севернее п. Усть-Мана напротив устья р. Маны между двумя дачными поселками. Объект приурочен к 10–13-метровой террасе левого берега р. Енисей. Максимальная протяженность определенных границ в направлении запад – восток составляет 615 м, а с севера на юг – 135 м. Ландшафт обследуемой местности неровный, со значительным перепадом высот, включает в себя целый ряд возвышенностей, высотой по отношению к уровню р. Енисей от 15 до 17 м (155–157 м в абсолютных отметках), разделяемых относительно глубокими,

¹⁸ Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции музея летом 1990 года в Емельяновском и Сухобузимском районах Красноярского края на стоянках Усть-Кан, Боровое-2, Караульный Бык, пещера Еленева. Красноярск, 1991 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 164. Л. 31–40.

¹⁹ Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции музея в Емельяновском и Сухобузимском районах Красноярского края на стоянках Усть-Кан, Боровое-2, пещера Еленева летом 1991 года. Красноярск, 1992 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 182. Л. 19–27.

до 4–6 м, логами. Уступ береговой террасы ступенчатый. В некоторых местах ее поверхность переходит в склон близлежащих возвышенностей. Западная и восточные границы стоянки проходят по логам, северная – проложена по подножью склонов береговых возвышенностей, южная – по краю террасы. Местность покрыта смешанным лесом с преобладанием сосны. За исключением садовых огородов, большая часть объекта задернована, почвенные обнажения присутствуют по проселочной дороге и вдоль края террасы.

Объект открыт в 1985 г. ОПП КАЭ КГПИ под руководством В. П. Леонтьева. Подъемный материал представлен фрагментами неорнаментированной керамики, костями диких животных, орудиями из камня. На стоянке была произведена зачистка шириной 1 м (ныне ее место неопределимо). Выделено два культурных слоя. В I культурном слое найдены фрагменты керамической посуды, орнаментированной тонкими валиками, жженные и колотые кости диких животных и шлаки. Слой датирован VI в. н. э. Во II культурном слое найдены каменные артефакты: ретушеры, рубящие галечные орудия, отщепы, ножевидные пластины. Слой датирован 13 тыс. лет до н. э.²⁰.

В 2018 г. у западной границы объекта в осыпях террасы на двух пунктах собран подъемный материал. Кроме того, произведено 18 археологических вскрытий, включающих три зачистки шириной 2 м и 15 шурфов размерами 2×1 м. В зачистке 2 и в восьми шурфах (4, 6–8, 10–11, 18) зафиксирован археологический материал, в том числе в глубине террасы на значительном удалении от берега (7–8, 11, 18).

Стратиграфическая ситуация, выявленная вдоль края террасы, совпадает с наблюдаемой на прилегающих объектах Боровое-1 и -2. В ее глубине ситуация несколько меняется, но в целом близка той, что прослеживалась на Боровом-1.

Стратиграфическая ситуация определена по зачистке 2 склона террасы:

I. Почвенно-гумусовый слой от темно-серого до черного цвета с включением развитой корневой системы, содержащий в подошве археологический материал I культурного слоя. Мощность 0,40–0,50 м.

II. Слой серой супеси, являющийся стерильной прослойкой между двумя гумусированными почвами, с включением развитой корневой системы. Мощность 0,15–0,20 м.

III. Слой темно-серой гумусированной супеси содержит археологический материал II культурного слоя. Мощность 0,20–0,25 м.

IV. Слой светло-бурой (светло-коричневой) супеси с темными линзовидными прослойками. Мощность 0,55–0,60 м.

V. Слой темно-бурой (темно-коричневой) рыхлой супеси. Мощность 0,05–0,10 м.

²⁰ Леонтьев В. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Березовском, Емельяновском, Большемуртинском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1985 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 11067. Л. 5.

VI. Слой серого мелкозернистого плотного слоистого песка. Видимая мощность до 0,50 м.

Стратиграфическая ситуация, выявленная в глубине террасы, представлена по южной стенке шурфа 18:

I. Почвенно-гумусовый слой от темно-серого до черного цвета с включением развитой корневой системы. Мощность 0,10–0,15 м.

II. Слой бурой (коричневой) супеси с включением развитой корневой системы. Мощность 0,10 м.

III. Слой светло-бурой (желто-коричневой) супеси с включением корней деревьев, содержит археологический материал I культурного слоя. Мощность 0,10–0,15 м.

IV. Слой светло-бурой (светло-коричневой) мелкозернистой уплотненной супеси. Видимая мощность до 0,40 м.

Находки представлены фрагментами керамических сосудов, каменными изделиями и остеологическими остатками, насчитывающими в совокупности более 100 единиц.

Керамика происходит из I культурного слоя. Наиболее выразительным является фрагмент сосуда закрытой формы из шурфа 11. Орнаментирован оттисками гребенчатого штампа по всей внешней поверхности с дополнением под венчиком поясом «жемчужин» и парными наклонно прочерченными линиями (рис. 2, 1).

Гребенчатые оттиски встречены на фрагментах стенок сосудов из шурфа 4 (рис. 2, 3) и шурфа 6 (рис. 2, 2, 7). В шурфе 6 также найдены фрагменты керамики с поясом отступающих дугообразных наколов (рис. 2, 4). В шурфе 10 зафиксирован обломок миниатюрной емкости с профилированным венчиком, украшенным ногтевыми и пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 6).

Отходы каменной индустрии представлены преимущественно отщепами, сколами и призматическими пластинками. Среди отщепов и сколов имеются довольно массивные экземпляры, что, видимо, и позволило В. П. Леонтьеву датировать нижележащий слой стоянки верхнепалеолитическим временем. К каменным орудиям отнесен отщеп с заостренными ретушью краями (рис 2, 12). Кроме того, в шурфе 8 найден призматический нуклеус (рис. 2, 13).

Весь подъемный фаунистический материал, зафиксированный в осыпях террасы, относится к крупному рогатому скоту.

Находки II культурного слоя представлены отходами каменной индустрии и неопределимыми мелкими фрагментами костей.

Работы 2018 г. позволили обозначить объект как поселенческий комплекс. Выявленный материал показывает, что основное время его функционирования приходится на

период бронзового века. Но так как в 1985 г. были зафиксированы более поздние находки, а артефакты Средневекового времени встречены на Боровом-1 и -2, то верхняя дата для Борового-3 определяется I – началом II тыс. н. э. Что касается нижней даты, то она предварительная, так как во II культурном слое обнаружены только каменные изделия. На основе аналогий из соседних памятников можно считать, что это период позднего неолита (IV тыс. до н. э.).

Обобщая проведенные исследования на стоянках Боровое-1, -2 и -3, необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, зафиксированный в паспортах объектов тип памятников не корректен. Фактически это комплекс разнотипных археологических объектов, включающий в себя стоянки, селище (Боровое-1) и могильники (Боровое-1 и -2). Во-вторых, западные и восточные пределы всех объектов проведены по границам дачных участков. В силу случая получилось, что, за исключением шурфа 9 на стоянке Боровое-1 и зачисток 2 и 7 на стоянке Боровое-2, вскрытия, примыкавшие к садовым территориям, оказались без находок. Близкое расположение всех трех объектов на протяжении более 3 км вдоль береговой линии показывает, что они являются археологическим комплексом, точное определение границ которого требует гораздо больших усилий и источников финансирования, чем те, что были осуществлены в описанном полевом сезоне.

Стоянка Караульная расположена в 8 км западнее г. Красноярска и в 0,7 км севернее с. Овсянка. Находится на левом берегу р. Енисей на 7–12-метровой левобережной террасе (145–146 м по абсолютным отметкам), в устье р. Караульной в черте дачного поселка «Заречье», ранее известного как «Известковый». Обследованная территория охватывает участок террасы, ограниченный с запада скальным массивом Караульный Бык, с севера – прилегающей сопкой, с востока – р. Караульной и с юга р. Енисей. Максимальная протяженность объекта в направлении северо-запад – юго-восток составляет 260 м, с северо-востока на юго-запад – 92 м. Через памятник проходит грунтовая дорога от п. Удачный. Склоны террасы осыпаются и захламливаются мусорными отходами.

Стоянка известна еще с 1722 г., когда была осмотрена участниками Первой академической экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Тогда здесь была найдена каменная рыба-приманка.

Памятник впоследствии посещался многими красноярскими археологами. Так, в 1924 г. Г. П. Сосновский обнаружил здесь погребение, а спустя год закладывал шурфы с членами археологического кружка им. И. Т. Савенкова. Во вскрытиях и подъемном материале были найдены каменные наконечники стрел, отщепы, молот, черепки глиняной посуды неолитической и железной эпох и обломки кости плохой сохранности [Вдовин, Макаров, Гуляева, 2015, с. 171].

В обобщающей сводке «Материалы к археологии Красноярского района» объект коротко упомянут как Караулинская стоянка [Карцов, 1929а, с. 8]. Известно, что в 1940–70-е гг. в устье р. Караульной подъемный материал эпохи неолита – Средневековья собирал краевед К. Л. Горчаковский.

В 1946 г. на стоянке производил сборы сотрудник КККМ Э. Р. Рыгдылон. В культурном слое найдены два грубых тесловидных орудия и продолговатые гальки с оббитыми торцами²⁰.

В 1985 г. ОПП КАЭ КГПИ под руководством В. П. Леонтьева проведены топо съемка, фотофиксация и определено общее техническое состояние объекта.

Стационарные раскопки на памятнике производились лишь в 1987 г. АЭ КККМ под руководством Н. П. Макарова. На тот момент было отмечено, что практически вся терраса застроена дачами, что привело к уничтожению большей части стоянки. При перестройке одной из дач была снесена изгородь огорода и начато строительство нового дома и гаража. Владельцы дачи планировали снести значительную часть борта террасы. В связи с этим были приняты меры по организации охранно-спасательных раскопок сохранившейся части памятника. Длина раскопа составила 19 м при ширине от 1 до 3 м²¹.

I культурный горизонт стоянки залегал сразу под дерном и был представлен железными изделиями, керамикой с тонким волнистым валиком, датирующимися железным веком. Найденные во II культурном горизонте обломки бронзовых изделий в сочетании с керамикой и каменным инвентарем отнесены к эпохе бронзы. Керамика и каменный инвентарь III горизонта оказались близки материалу II культурного горизонта, что позволило предварительно датировать его поздним неолитом и ранней бронзой. Малочисленный материал IV культурного горизонта отнесен к эпохе неолита [Демиденко, Макаров, 1989, с. 86–88].

В 2018 г. на объекте было заложено шесть шурфов, четыре из которых предназначены для определения границ, а еще два – для определения выявленных котлованов. Осмотр осыпей террасы на предмет наличия подъемного материала оказался невозможен из-за захламленности склонов.

Один шурф был заложен у западной оконечности садового поселка у подножия Караульного Быка, три других – на возвышенности, окружающей дачи. Она восточным склоном упирается в русло р. Караульной. По склону, ниже плоской вершины горы, на участке протяженностью около 50 м фиксируются четыре задернованных котлована раз-

²⁰ Рыгдылон Э. Р. Предварительный отчет об археологических работах, проведенных летом 1946 г. в окрестностях г. Красноярска. Красноярск, 1947 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 59–1. Л. 2.

²¹ Макаров Н. П. Отчет об археологических разведках и раскопках 1987 года в Емельяновском, Сухобузимском, Большемурутинском и Казачинском районах Красноярского края. Красноярск, 1988 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 161. Л. 85–87.

мерами 2×3 м, врезанных в склон террасы. В одном из них ранее был выкопан шурф размерами 2×1 м, который местным населением используется в качестве мусорной ямы. Документальных свидетельств о его закладке не имеется. У крайних южного и северного котлованов были поставлены два вскрытия, в которых археологического материала не обнаружено.

Мы считаем, что объект археологического наследия занимает территорию, застроенную дачными участками. Так как не было возможности произвести археологические вскрытия на этой площади, вся эта территория была включена в охраняемую территорию «Стоянка Караульная».

Стоянка Усть-Собакино расположена в черте пригородного поселка Удачный по обоим приустьевым берегам руч. Собакина – левобережном притоке р. Енисей. Большая часть стоянки располагается западнее ручья, вдоль южного ответвления ул. Лесной. Памятник приурочен к первой надпойменной левобережной террасе р. Енисей высотой 8–16 м (148–156 м по абсолютным отметкам). Общая протяженность объекта со склонами составляет с запада на восток 990 м, с юга на север – от 100 м на западной части стоянки до 160 м на восточной части. Западная граница определяется рельефно по логу, врезающемуся вглубь террасы. Восточная определена условно по ул. Лодочной. Восточнее терраса полностью застроена жилыми частными домами. Южная граница определена по подножию енисейской береговой террасы. На момент проведения обследования территория объекта почти полностью застроена и активно используется. Нетронутые участки (пустыри на левобережном приустьевом участке) являются частной территорией и в ближайшей перспективе будут застроены. Склоны террасы остаются чрезвычайно захламлены.

Памятник открыт в ходе разведочных работ И. Т. Савенкова. Выразительная керамика стоянки была опубликована Н. Бортвиным [1915]. В 1919 г. осмотрена Г. П. Сосновским, который произвел на ней «пробные раскопки» [Карцов, 1929а, с. 8]. В мае 1925 г. проведены сборы подъемного материала и шурфовочные работы силами членов археологического кружка имени И. Т. Савенкова. Найдены железный нож, каменные наконечники стрел, отщепы, фрагменты глиняной посуды эпохи неолита и железного века, кости животных [Вдовин, Макаров, Гуляева, 2015, с. 15–161].

В 1929 г. стационарные раскопки памятника осуществил В. Г. Карцов. Вскрыто 129 м². Найдены многочисленные каменные орудия: топоры, наконечники стрел, нуклеусы, ножи и ножевидные пластины, а также керамика эпохи неолита, бронзы и железного века. Остеологический материал характеризуется преобладанием костей косули и лося в нижних горизонтах и господством костей коровы в первом культурном горизонте.

Также исследователь указал, что стоянка была заселена русскими в период XVIII в. или в XIX в.²².

В 1960 г. на стоянке были произведены раскопки археологом Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Г. А. Максименковым. Раскоп длиной в 60 м, шириной от 1 до 3–4 м был разбит вдоль р. Енисей. Обнаружен разнообразный каменный инвентарь, фрагменты керамики, наконечники стрел, кости животных. Ученый делает вывод о том, что в одном и том же горизонте содержится материал разных исторических эпох, поэтому изучение стоянки можно производить только типологически, исследуя отдельные комплексы, и памятник не отражает объективный исторический процесс, как считали предшественники²³.

В 1983 г. стоянка осмотрена экспедицией КККМ под руководством Н. П. Макарова. Здесь заложен шурф размерами 2×1 м. Археологический материал представлен отщепами, костями, призматической пластиной и фрагментами орнаментированной керамики²⁴.

В 1985 г. ОПП КАЭ КГПИ осуществлена фотофиксация памятника, снятие топоплана, определено техническое состояние.

На протяжении 1980–1990 гг. стоянка постоянно посещалась членами археологических кружков при КККМ и Краевом дворце пионеров и школьников под руководством Н. П. Макарова и П. В. Мандрыки.

В 2018 г. предприняты две попытки обследования стоянки. В результате первой установлено, что все имеющиеся береговые обнажения вдоль р. Енисей чрезвычайно захламлены, вследствие чего нет возможности производить осмотр террасы на предмет наличия подъемного материала. Закладка шурфов на пустующей территории не удалась, так как ее владельцы категорически воспротивились этому. В итоге зачистка 1 выполнена на краю террасы левого берега руч. Собакина, ниже автодорожного моста. Археологического материала не выявлено. Зачистка 2 осуществлена по борту коренной террасы левого берега р. Енисей у южной границы санатория Красноярской железной дороги. Здесь на глубине 0,5–0,6 м от дневной поверхности была обнаружена древняя яма неопределенной формы длиной до 0,5 м, шириной до 0,3 м и глубиной до 0,5 м. Она впущена из подошвы слоя бурой (светло-коричневой) мелкозернистой супеси с включением пятен прокаленной почвы. Яма заполнена жжеными фрагментами керамики и остеологическими остатками.

Керамика представлена вторично побывавшими в огне 36 фрагментами от пяти сосудов. Три из них, несмотря на различную толщину стенок и профилировки венчиков,

²² Карцов В. Г. Дневник раскопок стоянки Усть-Собакиной. 19296 // НА КККМ. Оп. 01. Д. 672. Л. 8.

²³ Максименков Г. А. Отчет раскопок стоянки в устье реки Собакиной 1960 г. Ленинград, 1960 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 2132.

²⁴ Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея за 1983 год. Красноярск, 1984а // НА КККМ. Оп. 5. Д. 140. Л. 44–46.

имеют одинаковую орнаментацию в виде рядов, наклонно поставленных прямых оттисков. Ниже этот орнамент заглаживается. На некоторых фрагментах по тулову прослеживаются слабые следы выколотки рубчатой колотушкой (рис. 2, 8–10). Четвертый сосуд представлен тремя мелкими черепками с гребенчатыми оттисками (рис. 2, 5). Еще от одного сосуда найден толстостенный неорнаментированный фрагмент стенки. Остеологическая коллекция состоит из 170 фрагментов костей косули (*Capreolus*). Кроме того, имеется обломок рога оленя со следами обрезки.

Выявленный материал можно датировать бронзовым веком в пределах III–II тыс. до н. э. Общая датировка памятника, по итогам многолетних работ, определяется временем от неолита до Средневековья. Работы 2018 г. показали, что в данном случае мы имеем дело с археологическим комплексом, включающим поселения открытого типа значительной протяженности вдоль береговой террасы р. Енисей. Очевидно, что объект масштабный, и более точное определение его границ потребует дальнейших работ.

Таким образом, в ходе проведенных в 2018 г. разведочных работ в окрестностях г. Красноярск, несмотря на возникавшие сложности, впервые были определены границы всех вышеописанных археологических объектов. Полагаем, что проведенная работа позволит сохранить эти памятники, а в случае застройки на их площади будут вовремя организованы охранно-спасательные археологические раскопки, которые, несомненно, дадут массу нового информативного материала.

Список источников

Годовой отчет о работе краевого музея за 1955 г. и план работы на 1956 г. // НА КККМ. Оп. 1. Д. 10. 81 л.

Карцов В. Г. Дневник раскопок стоянки Усть-Собакиной. 19296 // НА КККМ. Оп. 01. Д. 672. 23 л.

Леонтьев В. П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Березовском, Емельяновском, Большемуртинском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1985 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 11067. 67 л.

Макаров Н. П. Отчет Макарова Н. П. старшего научного сотрудника Красноярского краевого краеведческого музея по археологическим разведкам и раскопкам 1984 г. в Емельяновском, Казачинском и Богучанском районах Красноярского края. Красноярск, 19846 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 141. 134 л.

Макаров Н. П. Отчет об археологических разведках и раскопках 1987 года в Емельяновском, Сухобузимском, Большемуртинском и Казачинском районах Красноярского края. Красноярск, 1988 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 161. 220 л.

Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском и Туруханском районах Красноярского края в 1981 г. Красноярск, 1982 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 138. 134 л.

Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Большемурутинском и Богучанском районах в 1982 году. Красноярск, 1983а // НА КККМ. Оп. 05. Д. 139. 144 л.

Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Сухобузимском, Большемурутинском и Казачинском районах на стоянке Караульный Бык, пещера Еленева, стоянках Усть-Шилка, Боровое и Пискуновский камень в 1988 году. – 1989 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 162. 94 л.

Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции музея в Емельяновском и Сухобузимском районах Красноярского края на стоянках Усть-Кан, Боровое-2, пещера Еленева летом 1991 года. Красноярск, 1992 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 182. 109 л.

Макаров Н. П. Отчет о работе археологической экспедиции музея летом 1990 года в Емельяновском и Сухобузимском районах Красноярского края на стоянках Усть-Кан, Боровое-2, Караульный Бык, пещера Еленева. Красноярск, 1991 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 164. 122 л.

Макаров Н. П. Отчет об археологических раскопках и разведках экспедиции 1989 г. Красноярского краевого музея в Емельяновском, Сухобузимском, Березовском и Казачинском районах Красноярского края. Красноярск, 1990 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 163. 109 л.

Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея за 1983 год. Красноярск, 1984а // НА КККМ. Оп. 5. Д. 140. 114 л.

Макаров Н. П. Отчет об археологической экспедиции музея 1980 г. Красноярск, 1981 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 106. 87 л.

Максименков Г. А. Отчет раскопок стоянки в устье реки Собакиной 1960 г. Ленинград, 1960 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 2132. 21 л.

Мандрыка П. В. Отчет о полевых исследованиях разведочного отряда археологической экспедиции Красноярского краевого музея в Емельяновском, Казачинском и Енисейском районах Красноярского края в 1988 году. Красноярск, 1989 // НА КККМ. Оп. 05. Д. 170. 244 л.

Нащокин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 года. Красноярск, 1965 г. // НА КККМ. Оп. 5. Д. 96. 44 л.

Рыгдылон Э. Р. Предварительный отчет об археологических работах, проведенных летом 1946 г. в окрестностях г. Красноярска. Красноярск, 1947 // НАКККМ. Оп. 05. Д. 59–1. 82 л.

Фокин С. М. Отчет об археологических исследованиях в Емельяновском и Енисейском районах Красноярского края в 2005 г. Красноярск, 2006а // НА КККМ. Оп. 01. Д. 2679. 122 л.

Список литературы

Бортвин Н. Из области древней сибирской керамики // Зап. ИРАО. – Петроград, 1915. – Т. 11. – С. 173–195.

Вдовин А. С., Макаров Н. П., Гуляева Н. П. Археологический кружок имени И. Т. Савенкова (1923–1926 годы) + CD-приложение (фотоматериалы). – Красноярск: Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры, 2015. – 201 с.

Демиденко Г. А., Макаров Н. П. Исследования культуровмещающих отложений стоянки Усть-Караульная // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тезисы докладов научн.-практ. конф. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1989. – С. 86–88.

Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. – Красноярск: Государственный музей Приенисейского края, 1929а. – 63 с.

Макаров Н. П. Работы Красноярского краевого музея // Археологические открытия 1981 года. – М.: Наука, 1983б. – С. 211–212.

Мандрыка П. В. «Усть-Минжуй» // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – С. 649.

Мандрыка П. В., Макаров Н. П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – С. 68–84.

Погудин В. А., Дроздов Н. И. Разведка от Дивногорска до устья р. Кан // Археологические открытия 1979 г. – М.: Наука, 1980. – С. 225–226.

Фокин С. М. Новые данные о раннесредневековом могильнике Боровое // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2006б. – Т. II. – С. 75–77.

S. M. Fokin¹, N. P. Makarov¹, M. S. Batashev¹, V. A. Danilevko²

¹Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk

²Krasnoyarsk Geoarcheology, Krasnoyarsk

THE RESULTS OF 2018 ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION OF KRASNOYARSK VICINITY

This article covers the results of archaeological exploration by Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore conducted in order to determine the boundaries of the following archeology sites: Verkhnyaya Bazaikha, Minzhul, Borovoe-1, -2, -3, Karaulnaya and Ust'-Sobakino settlements. In the course of exploration, boundaries of the protective zone of these settlements were determined for the first time. The obtained materials allowed to update the dating of Borovoe-3 settlement. The dating of the other researched settlements remained the same. In general, all researched sites belong to the Holocene, in particular, the period from the Neolithic to the Middle Ages. The article points out the difficulties encountered during the exploration and gives a brief description of the survey of the settlements above.

Keywords: Krasnoyarsk Territory, Yenisei, Bazaikha, Neolithic, Bronze Age, Iron Age, Middle Ages.

Список использованных сокращений

АИЧПЕ	Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АН	Академия наук
АО	Археологические открытия
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭ	Археологическая экспедиция
ВСОРГО	Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ГАГУ	Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГЗ	Государственный заказ
ГИМ	Государственный исторический музей
ГО	Географическое общество
ГПЗ	Государственный природный заповедник
ГСМ	Горюче-смазочные материалы
ГЭС	Гидроэлектростанция
ЕГИСУ НИОКТР	Единая государственная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ
ЗабГУ	Забайкальский государственный университет
Зап. ИРАО	Записки Императорского русского археологического общества
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГУ	Иркутский государственный университет
ИЗК СО РАН	Институт земной коры Сибирского отделения Российской академии наук
ИИЕТ РАН	Институт истории естествознания и техники Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИФФ СО АН	Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения академии наук
ИрГТУ	Иркутский государственный технический университет
ИРКИСВА	Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии
КАТЭК	Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс
КГБУК	Краевое государственное бюджетное учреждение культуры
КГКУ	Красноярское краевое государственное учреждение
КГПУ	Красноярский государственный педагогический университет
КГУ	Красноярский государственный университет
КемГУ	Кемеровский государственный университет
КККМ	Красноярский краевой краеведческий музей
ККМ	Красноярский краеведческий музей
КСИА	Краткие сообщения института археологии
ЛОИА АН	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МАЭС КемГУ	Музей археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета
МГУ	Московский государственный университет
НА	Научный архив
НГУ	Новосибирский государственный университет
ОмГПУ	Омский государственный педагогический университет
ОмГУ	Омский государственный университет
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОПП КАЭ КГПИ	Отряд по паспортизации памятников Комплексной археологической экспедиции Красноярского государственного педагогического института

РАН	Российская академия наук
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАЭСК	Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
РГО	Русское географическое общество
РИО КГПУ	Редакционно-издательский отдел Красноярского государственного педагогического университета
РКИСВА	Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
СА	Советская археология
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СФУ	Сибирский федеральный университет
ТГУ	Томский государственный университет
ФИЦ ТюмНЦ	Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр»
ФИЦ УУХ	Федеральный исследовательский центр угля и углехимии

Научное издание

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск X

Ответственный редактор

канд. ист. наук П. В. Мандрыка

Корректор *Л. А. Киселева*

Компьютерная верстка *Л. А. Максимович*

На обложке:

изображение медведеподобного хищника с Шалаболинской писаницы

(по: [Пяткин, Мартынов, 1985])

Подписано в печать 25.08.2019. Печать плоская Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,50. Тираж 100 экз. Заказ № 8453

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru